ISSN 2072-7607

Министерство образования и науки Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Научный журнал

Выпуск 4 (35)

Рязань 2015

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Регистрационный номер

ПИ № ФС 77-51731

Редакционный совет

А.А. Зимин, и.о. ректора РГУ имени С.А. Есенина

Я.М. Колкер, главный редактор, канд. пед. наук, доц., проф. каф. лингвистики и МК (РГУ имени С.А. Есенина)

М.Н. Махмудов, проректор по научной работе РГУ имени С.А. Есенина

Е.С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (РГУ имени С.А. Есенина)

Редакционная коллегия

В.Н. Бабаян, д-р филол. наук (Ярославское высшее военное училище ПВО)

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский ун-т, Чанчунь, КНР)

А.Г. Голодов, д-р филол. наук, проф. каф. ГЯиМП (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина)

В.И. Жельвис, д-р филол. наук, проф. (Ярославский гос. пед. ун-т имени К.Д. Ушинского)

Е.В. Игнатова, канд. пед. наук, доц. (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина)

Т.Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун-т)

С.С. Куклина, д-р пед. наук, проф. (Вятский гос. гуманит. ун-т)

А.М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун-т)

С.Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МУБиНТ, Центр нем. языка – партнер Гёте-Института, Ярославль)

Т.С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский гос. техн. ун-т)

Е.Н. Соловова, д-р пед. наук, проф. (Высшая школа экономики, Москва)

В.Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (МУБиНТ, Ярославль)

И.М. Шеина, канд. филол. наук, доц., проф. каф. вост. яз. и методики преподавания (РГУ имени С.А. Есенина)

Редакторы иностранного текста

Е.С. Устинова (английский язык), Е.В. Игнатова (немецкий язык),

Ван Цзиньлин (китайский язык), А.С. Шмунер (японский язык)

По вопросам публикации обращаться по адресу: e.ustinova@rsu.edu.ru

Журнал выходит 4 раза в год. С 01.12.2015 г. журнал входит в перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Адрес и телефон редакции:

390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел.: (4912) 21-57-23

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.

Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

- © Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
- «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2015
- © «Иностранные языки в высшей школе», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I К 90-летию со дня рождения Валентина Дмитриевича Девкина

Потапова С.Ю., Робертус М.М.	
«Наслажденчество» жизнью (К 90-летию со дня рождения В.Д. Девкина)	.7
Раздел II	
Терминология и тактика политического дискурса	
Воробьёва О.И. Терминология политического дискурса	4
Золян С.Т.	
«Я слово позабыл, что я хотел сказать…» – заявление Барака Обамы к 100-летию геноцида армян 1915 года	
Раздел III	
Интрасемиотические и интерсемиотические проблемы перевода	
Литвин Ф.А. Перевод и грамматические категории (на материале параллельных текстов): статья 43	33
Логинова Е.Г. Театральная постановка под углом зрения интерсемиотического уподобления	13
Раздел IV	
Семантика художественного текста	
Журавлёва Е.И.	
Особенности взаимодействия фактуальной и подтекстовой информации	
(на материале поэтического текста)	50
Марьяновская Е.Л.	
Предпереводческий анализ – предпосылка адекватности полученного результата5	6
Шипова И.А.	
Техника монтажа как способ построения нарративного художественного текста	
(на материале рассказа Г. Бёлля «Ты слишком часто ездишь в Гейдельберг»)	53

Раздел V

Современные тенденции в языке

Казяба В.В.	
Номинативный потенциал апеллятивов, использующихся в создании интернет-никнеймов	
немецкоязычных пользователей	69
Калюжнова М.В.	
	71
Ролевая лексика современного японского языка в практике перевода и преподавания	/4
Себрюк А.Н.	
Изучение афроамериканских антропонимов в аспекте категории тождества	
и антропоцентрического подхода	84
Уланова С.Б., Комова Т.А.	
Особенности перекатегоризации суперлативов	89
Раздел VI	
Институт Конфуция:	
исследования образности в системе китайского языка и в тексте	
Ван Цзиньлин, Ма Лицзе	
Языковые особенности политических речей Си Цзиньпина и тактики идентификации	95
Ма Лицзе	
Принципы именования китайцев и лингвокультурный анализ китайских	0.0
традиционных антропонимов	03
Ян Даньчжу	
Образность в современной китайской поэзии	
(на примере стихотворений поэта конца XX века Хайцзы)	08
Сведения об авторах	16
T' / CA /I	1.7
List of Authors 1	1 /
Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами	18

TABLE OF CONTENTS

Part I On the Ninetieth Anniversary of Valentin D. Devkin's Birth

Potapova, Svetlana, Robertus, Maja
The Feast of Life (on the 90th Anniversary of Valentin Devkin's Birth)
Part II
The Terminology and Tactics of Political Discourse
Vorobyova, Olga Terminology of political discourse
Zolyan, Suren "I Cannot Bring to Mind the Word I Meant to Say": Barack Obama's Statement on the Centennial of the Meds Yeghern
Part III
Intrasemiotic and Intersemiotic Translation Issues
Litvin, Felix Translation and Grammatical Categories (Analysing Parallel Texts) (4)
Loginova, Elena Analogy as a Basis for Intersemiotic Code Metamorphoses in a Theatrical Performance43
Part IV
The Semantics of Literary Texts
Zhuravleva, Elena Features of Interaction between Factual and Subtextual Information (as exemplified by poetic texts)
Maryanovskaya, Elena Pre-Translation Analysis as a Prerequisite for an Adequate Translation
Shipova, Irina "Montage" as a Method of Constructing Literary Texts (based on G. Böll's Story "Du fährst zu oft nach Heidelberg")
(based oil G. Doll's Story Du faillst zu oft flacif neidelbeig)

Part V Modern Tendencies in the Language

Kazyaba, Victoria	
The Nominative Potential of Appellatives Used in the Formation of German-Speaking	
Internet Users' Nicknames	69
Kalyuzhnova, Marina	
Gender Role Vocabulary of Modern Japanese as Reflected in Translation	74
and Language Teaching	/4
Sebryuk, Anna	
African American Anthroponyms from the Perspective of the Anthropocentric Approach	
to Linguistic Studies	84
Ulanava Svotlana Kamava Tatiana	
Ulanova, Svetlana, Komova, Tatiana The Peculiarities of Recategorization of Superlatives	80
The reculianties of Recategorization of Superiatives	69
Part VI	
Confucius Institute:	
Studies of Imagery in the Chinese Language and in Texts	
Wang Jinling, Ma Lijie	
The Language Peculiarities of Xi Jinping's Speeches and the Tactics of Identification	95
Ma Lijie	
The Principles of Naming People: a Linguo-Cultural Analysis	
of Traditional Chinese Anthroponyms	103
Vong Doughy	
Yang Danzhu Imagary in Madary Chinaga Paatry	
Imagery in Modern Chinese Poetry (exemplified by verses of Haizi, a late-20th Century Poet)	100
(exemplified by verses of Haizi, a fate-20th Century Foet)	108
	44.0
List of Authors (in Russian)	116
List of Authors (in English)	117
Requirements to the Papers Submitted (in Russian)*	118

^{*} Available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/

Раздел I

К 90-летию со дня рождения Валентина Дмитриевича Девкина

УДК 81'374+81-25

С.Ю. Потапова, д-р филол. наук (Ярославль), **М.М. Робертус**, канд. филол. наук (г. Эссен, Германия)

«Наслажденчество» жизнью (к 90-летию со дня рождения В.Д. Девкина)

Статья посвящена памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Дмитриевича Девкина, которому 22 октября 2015 года исполнилось бы 90 лет. Научные труды В.Д. Девкина – крупнейшего российского исследователя в области лексикологии и лексикографии, создателя научной школы немецкой коллоквиалистики – широко известны в России и за рубежом. Заслуги профессора В.Д. Девкина перед наукой о языке отражены в публикациях в Википедии, а также в выпущенной в Германии энциклопедии ведущих лингвистов современности. В предлагаемой публикации авторы, представляющие научную школу профессора В.Д. Девкина, сочли возможным не только рассказать об одном из ведущих российских лингвистов, но и дополнить этот портрет личными воспоминаниями о своем Учителе.

Валентин Дмитриевич Девкин, лексикология, лексикография, коллоквиалистика, словари, научная школа, основатель

Potapova, Svetlana, Ph.D. (Doctor of Philology) (Goethe-Institute, Yaroslavl', Russia), Robertus, Maja, Ph.D. (Philology) (Essen, Germany)

The Feast of Life (on the 90th Anniversary of Valentin Devkin's Birth)

The paper is dedicated to the memory of Professor Valentin Devkin, Doctor of Philology, who would have turned ninety on October 22, 2015. The rich academic heritage of Professor Devkin, an outstanding Russian scholar in the field of lexicology and lexicography, who founded the school of German colloquial studies, is well known both in Russia and abroad. His contribution to linguistics is reflected in Wikipedia entries and in the encyclopedia of prominent contemporary linguists, published in Germany. This article, written by his disciples and followers, speaks about Professor Devkin as an eminent scholar and a unique personality. The portrait of the outstanding linguist is shaped, to a considerable extent, by the authors' personal recollections of their Teacher.

Valentin Devkin, lexicology, lexicography, colloquial studies, dictionaries, founder of research school

осмеем утверждать, что в России жанр биографии (если речь идет не о представителе шоу-бизнеса, а об ученом) не совсем привычен и редко совмещает в себе черты академического исследования и живого повествования. Чаще всего юбилей ученого становится поводом для написания статьи, в которой подводятся итоги научных и академических заслуг исследователя.

О Валентине Дмитриевиче Девкине, крупнейшем российском ученом-германисте с мировым именем, также написано немало статей в связи с его юбилейными торжествами ¹. Отрадно, что и научный журнал «Иностранные языки в высшей школе» счел необходимым не только опубликовать статью об именинике ², но и посвятить целый выпуск своего издания 85-летию В.Д. Девкина, последнему прижизненному юбилею великого ученого ³.

Профессор В.Д. Девкин — ведущий исследователь в области немецкой лексикографии и лексикологии, создатель научной школы, занимающейся комплексным изучением и описанием немецкой разговорной речи. В 2015 году памяти В.Д. Девкина посвящены научные конференции, опубликованы их материалы, в которых, мы уверены, будет подведен итог о вкладе ученого в науку о языке. В этой связи нам хотелось бы избежать предсказуемых в данной ситуации повторов и посвятить свою ста-

тью в первую очередь удивительному человеку — Валентину Дмитриевичу Девкину. Поскольку нам посчастливилось довольно много с ним общаться при написании диссертаций (двух кандидатских и одной докторской), хотелось бы дополнить привычный академический дискурс некоторыми штрихами, которые позволят современникам и грядущему поколению познакомиться с удивительным человеком Девкиным, без которого не может быть до конца понят великий ученый Девкин.

В.Д. Девкин запомнился нам как независимый человек и смелый исследователь, который обладал широчайшими энциклопедическими знаниями, отличался потрясающим чувством юмора и был удивительно скромным человеком. Попытаемся рассказать об этой многогранной личности.

Москва, немецкий язык, армия, война

Родился В.Д. Девкин 22 октября 1925 года в самом центре Москвы – в Гранатном переулке. Он прекрасно знал город и очень огорчался, что иногородние аспиранты, передвигаясь на метро, не видят столицы. Накануне своего восьмидесятилетия Валентин Дмитриевич осуществил свою мечту и провел экскурсию по переулкам центра Москвы для аспирантов, докторантов по «девкинским местам».

Валентин Дмитриевич — участник Великой Отечественной войны: с мая по июль 1942 года он строил оборонительные рубежи под Москвой, а в декабре того же года стал курсантом военно-пехотного училища, затем приступил к службе в 9-й воздушно-десантной бригаде. Чтобы понять, как место рождения, немецкий язык и война переплелись в жизни В.Д. Девкина, попробуем ответить на этот вопрос словами самого Валентина Дмитриевича, который давал интервью профессору И.П. Амзараковой: «Как получилось, что именно немецкий язык стал Вашей специальностью?

B.Д. Девкин: По чистой случайности. Сначала это было такое «переулочное» мероприятие. Мои родители и еще несколько соседей по Гранатному переулку в Москве отдали нас в группу, которую по частной

¹ Никифорова В.Г. Профессор Валентин Дмитриевич Девкин. Библиографический указатель. М.: Прометей, 1995; Коротких Ю.Г. К 80-летию замечательного ученого // Лексика и лексикография: сб. науч. тр. / Отд-ние ист.-филол. наук РАН. Орёл: ГТУ. М., 2005. Вып. 17. С. 3–5; Колесникова М.С. О жизни слов в словаре и словаре в жизни лексикографа (к юбилею профессора Валентина Дмитриевича Девкина) // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2005. № 4. С. 148–154; Поликарпов А.М. Научная деятельность профессора В.Д. Девкина // Лингвистика и перевод: сб. науч. ст. и материалов. Архангельск: Сев. (Аркт.) федер. ун-т, 2011. С. 224–225.

 $^{^2}$ Амзаракова И.П. Лингвистика – любовь на всю жизнь: к юбилею В.Д. Девкина // Иностранные языки в высшей школе : науч. журн. Рязань, 2010. Вып. № 3 (14). С. 7–12.

³ Там же.

инициативе вела Фаина Петровна Калугина, сама мать троих детей. Там мы, играя и читая сказки, учили немецкий язык. Немецкий язык был тогда актуален, знак эпохи. И когда накануне отправки на фронт, в сорок четвертом, кто-то пришел к нам в 9-ю воздушно-десантную бригаду и спросил, кто знает немецкий, откликнулись двое, в том числе я. Так я угодил в штаб 275-й гвардейской стрелковой дивизии, оттуда меня потом направили на четырехмесячные курсы при Военном институте иностранных языков, а затем зачислили на первый курс немецкого отделения переводческого (1-го) факультета» ⁴.

Отвечая на вопрос о самом счастливом и самом страшном моментах своей жизни, Валентин Дмитриевич сказал следующее: «Не задавал себе такого вопроса. Но, пожалуй, это благополучное приземление после моего первого прыжка с парашютом. Это было в 9-й воздушно-десантной бригаде, где нас швыряли из самолета с так называемым принудительным раскрытием парашюта. Я вообще боюсь высоты. Потрясающее чувство преодоления страха. Что касается других страхов и неприятностей, связанных с войной, так это чувство голода. Захотев есть в 1941 году, я до сегодняшнего дня не могу остановиться. Приходится постоянно тормозить себя...» 5

Образование, профессия, учебно-педагогическая деятельность

Очень престижный Военный институт иностранных языков, где В.Д. Девкин обучался на переводческом факультете, он закончил в 1948 году. Сразу же по окончании вуза он успел поработать военным переводчиком в Австрии, недалеко от Вены. Но в дальнейшем жизнь В.Д. Девкина носила совсем не военный характер. Незадолго до окончания в 1952 году аспирантуры, он досрочно защитил кандидатскую диссертацию, посвятив ее глаголам с "sich". К своей профессии ученый В.Д. Девкин относился как к ремеслу, приводя при этом всякий раз слова своего отца: «Мой отец говорил, что каждый человек должен освоить какое-то ремесло. Лингвистика — это ремесло. Языковед — знаток правил, носитель части культурной информации, которую он может передать другому, помочь осознать ее и тем самым принести практическую пользу» ⁶.

Делиться опытом, помогать другим В.Д. Девкину приходилось часто. Так, с 1953 по 1955 год молодой специалист был отправлен в командировку в Калужский педагогический институт для организации факультета иностранных языков, о чем он не раз вспоминал и рассказывал своим ученикам: «И вот мы там все на этой кафедре были такие холостые, неустроенные, бездомные какие-то, жили в общежитии. Софья Львовна (коллега Валентина Дмитриевича. – C.П., M.P.) приходила и говорила, например: «Живем один раз – пошли в столовую!» 7 .

Вся дальнейшая биография В.Д. Девкина, начиная с 1955 до конца жизни в 2011 году, связана с Московским педагогическим государственным университетом (бывшим МГПИ имени В.И. Ленина), где он занимал различные должности: старшего преподавателя, доцента, декана, заведующего кафедрой, профессора кафедры лексики и фонетики немецкого языка.

Профессор В.Д. Девкин всегда поддерживал научные контакты с зарубежными коллегами, был неоднократным гостем в таких организациях, как Академия наук ГДР, Берлинская академия наук, университеты Потсдама, Лейпцига, Эрфурта, Берлина (имени Гумбольдта), Аугсбурга, Институт немецкого языка в Мангейме, Австрийская академия наук. Лекции ученого слушали студенты и коллеги в Берлине, Лейпциге и Вене.

Научное наследие

Всю свою жизнь В.Д. Девкин, который, так случилось, никогда не был женат, посвятил науке: он автор более 250 научных работ, создатель 7 словарей, научный руководитель около 100 кандидатских диссертаций, научный консультант по 20 докторским диссертациям, основоположник научной школы отечественной коллоквиалистики. Его докторская диссертация, защита которой в 1974 году состоялась в МГИМО, была посвящена особенностям немецкой разговорной речи. Многие языковеды с удивлением отметили, что до сих пор лингвистика изучала скорее человека молчащего. Термин «разговорная речь» вошел в научный обиход со следующей формулировкой, предложенной В.Д. Девкиным: «Мы склоняемся к пониманию разговорной речи как речи непринужденной, несколько сниженной, спонтанной, устной, преимуще-

 $^{^4}$ Описание разговорной речи: проблемы и перспективы. Школа В.Д. Девкина. Абакан : Изд-во Хакас. гос. у-та имени Н.Ф. Катанова, 2006. С. 181.

⁵ Там же. С. 184.

⁶ Там же. С.181.

⁷ Там же. С. 185.

ственно ситуативно обусловленной, чаще диалогической» ⁸. Хотим авторитетно засвидетельствовать, что сама книга «Немецкая разговорная речь» стала настоящим научным бестселлером: она тотчас же раскупалась в книжных магазинах, передавалась из рук в руки, зачитывалась в библиотеках буквально до дыр. Именно такой потрепанный, побывавший во многих руках экземпляр стоит у нас на книжной полке.

Но настоящим событием в отечественной германистике стало издание в 1994 году «Немецко-русского словаря разговорной лексики», автором которого являлся В.Д. Девкин ⁹. Стоит отметить, что ничего подобного на материале других иностранных языков в отечественном научном пространстве до сих пор так и не возникло.

К чести коллег, появилось много положительных отзывов об этом словаре. Так Б.Л. Бойко, профессор Военного университета из Москвы, сказал буквально следующее: «Создание этого словаря – сподвижничество. После С.И. Ожегова не было никого, кто бы выпустил такой богатый и полный лексический справочник» ¹⁰. Ему вторит Н.М. Минина, доктор филологических наук, профессор МГУ: «Словарь уникальный. Теперь все видят, что В.Д. Девкин в Германию не гулять ездил. Каторжный труд не пропал даром» ¹¹.

Словари

Над упомянутым выше словарем, ставшим главным в жизни ученого, профессор В.Д. Девкин работал более четверти века. Но, как мы уже упомянули выше, Валентин Дмитриевич является создателем 7 словарей.

Своеобразным ««Словарем о словарях» стала вышедшая 10 лет назад монография В.Д. Девкина по лексикографии ¹², в которой автор удивительно образно написал о своем увлечении: «Словарный труд, несмотря на его крайне тяжелый, изнуряющий характер, не лишен привлекательности и, как бы это ни казалось странным, он по-своему увлекателен и захватывающ. Погрузившегося в словари уже извлечь оттуда невозможно – как курильщик или наркоман, он остается верен своему интересу, ставшему для него привязанностью. Не потому ли она так прочна, что заставляет забыть все остальное, все вокруг?» ¹³

Буквально на следующей странице В.Д. Девкин убедительно объясняет свою точку зрения на проблему, которую многие ученые считают «деликатной» и «недостойной» научного рассмотрения: «Как для врача не должно быть каких-то "плохих" частей тела и "дурных" болезней, так и для лингвиста, имеющего дело с языком во всем его реальном многообразии, невозможно закрывать глаза на то, что объективно существует. Как бы омерзителен мат ни был, он есть и требует к себе внимания» ¹⁴. Плодом размышления ученого над этим явлением явился словарь, выпущенный в одном из известнейших издательств Германии ¹⁵.

Видимо, беспрецедентная продуктивность ученого, а также его научная смелость, нестандартность мышления способствовали тому, что имя профессора Валентина Дмитриевича Девкина широко известно за рубежом, его можно, в частности, найти в немецком энциклопедическом издании о выдающихся лингвистах 16 .

Важно заметить, что о словарях профессор знал все. После каждой зарубежной поездки мы слышали от Учителя традиционный вопрос: «Что новенького из словарей вышло?» Зная, что он обязательно об этом спросит, мы целенаправленно посещали немецкие книжные магазины и собирали информацию о новейших немецких лексикографических изданиях. Но за все время нашего общения с Валентином Дмитриевичем нам не удалось сообщить что-то о словарях, чего он еще не знал. Ученый гордился тем, что имел в собственной домашней библиотеке практически все основные немецкие словари, которые полностью занимали пространство его небольшой двухкомнатной квартиры.

⁸ Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Междунар. отношения, 1979.

⁹ Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: Свыше 12 000 слов. М.: Русский язык, 1994.

¹⁰ Цит. по: Никифорова В.Г. Профессор Валентин Дмитриевич Девкин... С. 77.

¹¹ Там же. С. 77–78.

¹² Девкин В.Д. Немецкая лексикография. М.: Высшая школа, 2005.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ Devkin V.D. Der Russische Tabuwortschatz (Русская сниженная лексика). München: Langenscheidt, 1996.

¹⁶ Kürschner W. Linguisten-Handbuch: biographische und bibliographische Daten deutschsprachiger Sprachwissenschaftlerinnen und Sprachwissenschaftler der Gegenwart / hrsg. von Wilfried Kürschner. Tübingen: Narr. Bd. 1: A – L. 1994. S. 159.

«Рассматривая в своей книге самый широкий спектр происходящих процессов в лексикографии, В.Д. Девкин восхищает своим безукоризненным знанием новейших лексикографических изданий как в нашей стране, так и за рубежом, общее впечатление от прочитанного: систематично, критично, рекомендательно и, в известном смысле, даже развлекательно. В этом непостижимом даре излагать серьезнейшие вещи легко, непринужденно, делая при этом совершенно точные выводы и решая трудные лингвистические проблемы, проявляется огромный талант автора» ¹⁷. В.Д. Девкин знал абсолютно все обо всех немецких и русских словарях. Здесь ему не было равных.

В.Д. Девкин vs Юмор В.Д. Девкин & Юмор В.Д. Девкин = Юмор

В последние годы жизни Валентин Дмитриевич Девкин занимался проблемой языкового и речевого юмора. Почти все разговоры по телефону начинались с признания профессора о том, что он «на стену готов лезть от этого юмора». Далее им рассказывался какой-нибудь анекдот и задавался вопрос: «А что и почему было здесь для вас смешным?» Ученый посвятил юмору, его природе и реализации в речи более 25 научных статей. Одним из главных трудов исследователя по данной проблематике является «Занимательная лексикология», в качестве подзаголовка к которой профессор В.Д. Девкин (именно в такой последовательности!) написал: «Пособие для развлекательного чтения и лингвистического анализа» ¹⁸.

Свое особое мнение о взаимоотношении «Словарь и юмор» ведущий лексикограф страны выразил на страницах «Немецкой лексикографии», «чему автор посвящает под таким заголовком целую главу и рассматривает как сами юмористические словари, так и отражение природы комизма слова в словарях, давая рекомендации по применению юмористических словарей в практике преподавания иностранного языка. По прочтении данной главы становятся очевидными по крайней мере две истины. Первая из них: юмор – это особое мировосприятие; вторая – еще никто и никогда в истории российского языкознания не занимался так серьезно "несерьезными" словарями, как это делает В.Д. Девкин» ¹⁹.

Непревзойденный специалист в области коллоквиалистики, профессор В.Д. Девкин прекрасно чувствовал СЛОВО и отличался оригинальностью мышления. Это позволило его ученикам собрать целую коллекцию «"валентинок" от Девкина»: метких, коротких афористичных высказываний. Чтобы читатели получили возможность ощутить неповторимый девкинский стиль, приведем его ответное слово на приветствия в день его юбилейных торжеств: «Дорогие мои доброжелатели! Большое спасибо Вам, что сделали все возможное, чтобы скрасить этот, в конце концов, совсем нерадостный день – наступление старости. Юбилей – это панихида при жизни. Я благодарен судьбе, что я встречаю его не на больничной койке, как это могло бы стать при задатках моего здоровья. Себе я пожелал бы сохранения трудоспособности. Благодарю Вас» 20.

Только человек нестандартного мышления и завидной смелости мог позволить себе неизменную фразу в конце каждой солидной публикации: «Автор был бы признателен за все критические замечания и предложения по улучшению книги, которые можно направлять по адресу: 125493, г. Москва, ул. Авангардная, д. 13, кв. 39. Девкину Валентину Дмитриевичу, или позвонить по телефону: 454-63-73». Он не боялся услышать любое мнение: ученого или аспиранта, учителя или самого обычного студента, немца или русского, специалиста или обывателя.

«Энциклопедии лингвистов», в каких случаях они нужны?

В отдельной главе «Немецкой лексикографии», настоящем «словаре о словарях», В.Д. Девкин «дает обзор справочной литературы, посвященной самим лингвистам, их научным интересам, основным трудам, подчеркивая при этом, с одной стороны, огромную значимость подобной информации для самого широкого круга специалистов, с другой, отмечая очевидную, но непростительную непопулярность подобного рода справочных изданий в нашей стране» ²¹.

Хотелось бы в общих словах обозначить те случаи, когда возникает необходимость навести справки о той или иной персоне из лингвистического мира: часто это нужно в преддверии установления научных

 $^{^{17}}$ Потапова С.Ю. Рецензия на книгу В.Д. Девкина «Немецкая лексикография» // Иностранные языки в высшей школе : науч. журн. Рязань, 2007. Вып. 5. С. 145.

¹⁸ Девкин В.Д. Занимательная лексикология. М.: ВЛАДОС, 1998.

¹⁹ Потапова С.Ю. Рецензия на книгу В.Д. Девкина «Немецкая лексикография». С. 146.

²⁰ Никифорова В.Г. Профессор Валентин Дмитриевич Девкин... С. 79.

²¹ Потапова С.Ю. Рецензия на книгу В.Д. Девкина «Немецкая лексикография». С. 146.

контактов с теми, чье научное творчество незнакомо (например, во время научных конференций; иногда необходимо понять, с именами каких выдающихся языковедов связаны определенные научные школы; периодически возникает потребность уточнить данные о научных трудах ученого (например, в связи с юбилеем); порою это важно для получения совета или научной консультации; нередко это требуется в связи с приглашением для чтения лекций, оппонирования и т.д. Наконец, в этом нуждается «История лингвистики (история языкознания, история лингвистических учений)», которая призвана обобщать данные о существующих научных концепциях, лингвистических теориях и практической лингвистической деятельности. Как показал наш опыт, это нужно для уточнения данных, размещенных, например, в Википедии. В случае с информацией о профессоре В.Д. Девкине нами обнаружен ряд неточностей: год издания отдельных трудов, искаженное название на иностранном языке и т.д. В этом смысле представляется нужным и полезным собирать по крупицам факты из биографий видных научных деятелей, раскрывающих не только их научное творчество, но и личностные качества ученого.

Почему «наслажденчество»?

Использовав преднамеренно в заголовке статьи данное слово, мы взяли его из лексикона самого Валентина Дмитриевича. Оно «искажено» в духе В.Д. Девкина и раскрывает смысл его жизненной философии.

Размышляя о своем любимом юморе, профессор В.Д. Девкин сказал следующее: «Юмор я связываю с гедонистическим направлением в философии. Гедонизм — это наслажденчество, и не зря это все еще в античные времена было придумано. Человек так устроен, что он не только удовлетворяется своими основными жизненными потребностями, такими, как есть, спать и тому подобное. Этого ему мало, у него есть какая-то целенаправленная устремленность к получению удовольствия, можно сказать к "выколачиванию" радости и приятного из жизни. И юмор этому служит» ²².

Несмотря на то, что в жизни Валентина Дмитриевича Девкина было много непростых моментов, он всегда занимался тем, что ему доставляло удовольствие, наслаждение. Отвечая на вопрос о том, считает ли он себя человеком счастливым, Валентин Дмитриевич ответил следующее: «Если у человека есть свое дело и ему никто не препятствует, не отвлекает на мелочные передряги, когда ты хозяин своему времени и своим желаниям, то, наверное, можно сказать, что такой человек счастлив... В сущности, что такое счастье? – Умение чувствовать радость, удовольствие от имеющегося, от достающегося тебе, искусство желать и ставить себе цели» ²³. В.Д. Девкин жил в гармонии с собой: ежегодно выезжал на несколько месяцев в Германию, где много читал и писал, изучал, собирал и обобщал лексический материал; путешествовал по любимым европейским странам; смотрел видеофильмы об азиатских странах, которые в силу возраста он уже не мог посетить; никогда никому не завидовал, умел радоваться малому, наслаждаться общением с природой и людьми.

А мы, благодарные ученики, испытывали несравнимое ни с чем наслаждение иметь отношение к этому великому человеку: Валентину Дмитриевичу Девкину, гению лингвистики, совести науки.

Список использованной литературы

- 1. Амзаракова, И.П. Лингвистика любовь на всю жизнь: к юбилею В.Д. Девкина [Текст] // Иностранные языки в высшей школе: науч. журн. Рязань, 2010. Вып. № 3 (14). С. 7–12.
- 2. Девкин, В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика [Текст]. М. : Междунар. отношения, 1979.-256 с.
- 3. Девкин, В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: Свыше 12 000 слов [Текст]. М. : Русский язык, 1994. 768 с.
 - 4. Девкин, В.Д. Занимательная лексикология [Текст]. М.: ВЛАДОС, 1998. 312 с.
 - 5. Девкин, В.Д. Немецкая лексикография [Текст]. М.: Высшая школа, 2005. 670 с.
 - 6. Иностранные языки в высшей школе [Текст]: науч. журн. Рязань, 2010. Вып. № 3 (14).
- 7. Колесникова, М.С. О жизни слов в словаре и словаре в жизни лексикографа (к юбилею профессора Валентина Дмитриевича Девкина) [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2005. № 4. С. 148–154.

²² Описание разговорной речи... С. 166.

²³ Там же. С. 186.

- 8. Коротких, Ю.Г. К 80-летию замечательного ученого [Текст] // Лексика и лексикография: сб. науч. тр. / Отд-ние ист.-филол. наук РАН. Орёл : ГТУ. М., 2005. Вып. 17. С. 3–5.
- 9. Никифорова, В.Г. Профессор Валентин Дмитриевич Девкин. Библиографический указатель [Текст]. М.: Прометей, 1995. 81 с.
- 10. Описание разговорной речи: проблемы и перспективы. Школа В.Д. Девкина [Текст]. Абакан : Изд-во Хакас. гос. у-та имени Н.Ф. Катанова, 2006. 216 с.
- 11. Поликарпов, А.М. Научная деятельность профессора В.Д. Девкина [Текст] // Лингвистика и перевод : сб. науч. ст. и материалов. Архангельск : Сев. (Аркт.) федер. ун-т, 2011. С. 224–225.
- 12. Потапова, С.Ю. Рецензия на книгу В.Д. Девкина «Немецкая лексикография» [Текст] // Иностранные языки в высшей школе : науч. журн. Рязань, 2007. Вып. 5. С. 145–147.
- 13. Devkin, V.D. Der Russische Tabuwortschatz (Русская сниженная лексика) [Text]. München : Langenscheidt, 1996. 126 S.
- 14. Kürschner, W. Linguisten-Handbuch: biographische und bibliographische Daten deutschsprachiger Sprachwissenschaftlerinnen und Sprachwissenschaftler der Gegenwart [Text] / hrsg. von Wilfried Kürschner. Tübingen: Narr. 1994. Bd. 1: A L. S. 159.

References

- 1. Amzarakova, I.P. Linguistics as A Life-Long Love: on the Jubilee of V.L. Devkin [Text] // Inostrannye yazyki v vysshei shkole [Foreign Languages at Tertiary Level] : Research journal. Ryazan, 2010. Issue 3 (14). P. 7–12.
- 2. Devkin, V.D. Der Russische Tabuwortschatz (Русская сниженная лексика) [Text]. München : Langenscheidt, 1996. 126 S.
- 3. Devkin, V.D. Nemetskaya razgovornaya rech: sintaksis i leksika [German Spoken Speech: Syntax and Vocabulary] [Text]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1979. 256 p.
- 4. Devkin, V.D. Nemetsko-russkii slovar razgovornoi leksiki: Svyshe 12 000 slov [German-Russian Dictionary of Spoke Vocabulary: over 12000 words] [Text]. Moscow: Russkiy yazyk, 1994. 768 p.
- 5. Devkin, V.D. Zanimatel'naya Leksikologiya [Amusing Lexicology] [Text]. Moscow : VLADOS, 1998. 312 p.
- 6. Devkin, V.D. Nemetskaya leksikografiya [German Lexicogaphy] [Text]. Moscow : Vysshaya shkola, 2005. 670 p.
- 7. Inostrannye yazyki v vysshei shkole [Foreign Languages at Tertiary Level] [Text] : Research journal. Ryazan, 2010. Issue 3 (14).
- 8. Kolesnikova, M.S. On the Life of Lexis in a Dictionary and on Dictionaries in the Life of a Lexicographer (the jubilee of Professor Valentin Devkin)] [Text] // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik [Yaroslavl' Pedagogical Herald]. Yaroslavl', 2005. Issue 4. P. 148–154.
- 9. Korotkikh, Yu.G. On the 80th Birthday of an Outstanding Scholar [Text] // Leksika i leksikografiya: sbornik nauchnykh trudov / Otdeleniye istoriko-filologicheskikh nauk RAN [Lexis and Lexicography: a Collection of Research Rapers / History and Philology, Russian Academy of Sciences. Orel: GTU. Moscow, 2005. Issue 17. P. 3–5.
- 10. Kürschner, W. Linguisten-Handbuch: biographische und bibliographische Daten deutschsprachiger Sprachwissenschaftlerinnen und Sprachwissenschaftler der Gegenwart [Text] / hrsg. von W. Kürschner. Tübingen: Narr, 1994. Bd. 1: A L. S. 159.
- 11. Nikiforova, V.G. Professor Valentin Dmitrievich Devkin. Bibliographical Guide [Text]. Moscow : Prometei, 1995. 81 p.
- 12. Opisaniye razgovornoi rechi: problemy i perspectivy: shkola V.D. Devkina [Description of Spoken Speech: Issues and Prospects. The School of V.D. Devkin] [Text]. Abakan : Khakasskyi Univesity named for N.F. Katanov, 2006. 216 p.
- 13. Polikarpov, A.M. Academic Contribution of Professor V.D. Devkin [Text] // Lingvistika i Perevod [Linguistics and Translation]: a Collection of Research Papers. Arkhangelsk: North (Arctic) Federal University, 2011. P. 224–225.
- 14. Potapova, S.Yu. A Review of V.D. Devkin's Book "German Lexicography" [Text] // Inostrannye yazyki v vysshei shkole [Foreign Languages at Tertiary Level] : Research journal. Ryazan, 2007. Issue 5. P. 145–147.

Раздел II

Терминология и тактика политического дискурса

УДК 81-2 (470.111) + 81 0 (470.111)

О.И. Воробьёва, д-р филол. наук (Сев. гос. мед. ун-т, Архангельск)

Терминология политического дискурса

В статье проанализированы особенности политической терминологии, указаны современные политические термины, которые не имеют четкого определения в документах и словарях. В текстах государственных документов наблюдается смешение политической терминологии, обусловленное экстралингвистическими причинами, что совершенно недопустимо с точки зрения нормативного подхода, поскольку нечеткость терминологии создает определенные трудности в практике восприятия и перевода.

политическая терминология, прагматика, идеология, лексикология, когнитивистика, дискурс, перевод

Olga Vorobyova, *Ph.D.* (Doctor of Philology), *Professor* (Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia)

Terminology of political discourse

The paper analyzes the salient features of political terminology and points out modern political terms which are not clearly defined in the documents and dictionaries. The texts of government documents betray a mixture of political terminology, caused by extralinguistic reasons, which is absolutely unacceptable in terms of the regulatory approach, since the use of vague terminology creates certain difficulties of comprehension and translation.

political terminology, pragmatic, ideology, lexicology, cognitive science, discourse, translation

ждая историческая эпоха имеет свою структуру политических терминов. Термины представляют собой особый способ репрезентации специального знания, становятся носителями фрагмента информации, которая имеет свою ценность в особой понятийной системе. Информация, содержащаяся в термине, рассматривается как особое знание, которое фиксируется в понятийном представлении и вводится в языковое сознание. В качестве главной особенности употребления терминов В.В. Виноградов подчеркнул дефинитивную функцию. Термин не называет понятие, как обычное слово, понятие ему приписывается, прикладывается к нему. В словарях термин не толкуется, а именно определяется, поэтому нельзя говорить о лексическом значении термина. Таким образом, одной из ведущих следует признать когнитивную функцию термина наряду с номинативной, дефинитивной, идентификационной. У термина как специфической лексики существует определенная сфера употребления. Термины функционируют в словарях, учебниках, законодательных актах, программных документах. Как указывает С.И. Трескова, термины меняют свое употребление, становясь единицами текста, где «проявление их лингвистических особенностей обусловлено такими признаками, как тематическая и функциональная принадлежность текста, способ реализации текста» 1.

¹ Трескова С.И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации. Принципы измерения языковой вариативности / АН СССР Ин-та языкознания. М. : Наука, 1989. С. 91–92.

[©] Воробьёва О.И., 2015

Политика способна актуализировать различные явления социальной жизни, в связи с чем важно разграничивать политически маркированную и немаркированную информацию (например, политические тексты официально-делового содержания, программные, рекламные, художественные и др.). Политическая терминология широко представлена в информационных материалах, где нередко встречаются многозначные термины, термины-синонимы, сокращенные термины и т.п. Справедливо замечание В.М. Лейчик, что к политической лексике относятся термины общественных и политических наук, профессионализмы и общелитературные слова и выражения, номенклатурные слова и единицы ².

Политическая терминология обладает теми же основными чертами, которые свойственны и научнотехнической терминологии, но при этом обнаруживаются и некоторые отличия, связанные с меньшей строгостью и упорядоченностью терминологической системы в политической сфере, а также с зависимостью значений ряда терминов от соответствующих идеологических концепций.

Е.В. Розен выделил такую важнейшую особенность политической терминологии, как ее тесную связь с идеологическими концепциями, которые эта терминология отражает и распространяет. Он утверждал, что политическая терминология отличается внутренней образностью и языковой мотивированностью ³. Прагматическая ценность политической терминологической информации заключается в ее способности определенным образом влиять на поведение человека и его способ мышления. Политический дискурс по причине его идеологичности часто рассматривается как «вживление» в общественное сознание определенных представлений. Он отличается от других типов дискурса тем, что в нем политическая лексика терминологична, а обычные, не чисто «политические» языковые знаки используются не всегда так же, как в общеупотребительной речи; его специфичная структура — результат своеобразных речевых приемов манипуляции мнением ⁴.

Информативность политической терминологии характеризуется открытой социальной позицией или ценностной установкой производителя речи. Большую роль при этом играет сам выбор того или иного термина в конкретной ситуации. Весьма показателен, например, выбор определения к термину «социализм», обусловленный политической ориентацией автора (ср.: аграрный, деформированный, чиновнобюрократический и т.д.).

Любопытно проследить и семное варьирование при употреблении словосочетаний «советский человек» и «советские люди»: 1) Советский человек – живущий на территории СССР (актуализация локальной семы); 2) советский человек – живущий на территории России после 1917 года до перестройки в России (актуализация временной семы); 3) советский человек – разделяющий политику советской власти (актуализация идеологического компонента); 4) советский человек – верный учению Маркса – Ленина (актуализация идеологического компонента, оценочная сема); 5) советский человек – умный, волевой, образованный, нравственный и т.п. (актуализация оценочных сем). Примером последнего употребления может служить показательный текст из произведения Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». В больнице герой сомневается в своих возможностях вернуться к профессии летчика после ампутации ног. Сосед убеждает его в противном. Позволим себе привести этот небольшой диалог.

- « Прочел? хитровато спросил Комиссар. (Алексей молчал, все еще пробегая глазами по строчкам.) Ну, что скажешь?
 - Но у него не было только ступни.
 - А ты же советский человек.
- Он летал на "фармане". Разве это самолет? Это этажерка. На нем чего летать? Там такое управление, что ни ловкости, ни быстроты не надо.
 - Но ты же советский человек! настаивал Комиссар.
- Советский человек, машинально повторил Алексей, все еще не отрывая глаза от заметки; потом бледное лицо его осветилось каким-то внутренним румянцем, и он обвел всех изумленно-радостным взглядом».

Автор заканчивает повесть суждением: «Так сама жизнь продолжила эту написанную мной на чужбине повесть об Алексее Маресьеве — настоящем Советском Человеке» 5 .

Термин как объект исследования обладает определенными функциями. Вслед за Г.О. Винокуром многие лингвисты отмечали номинативную направленность термина. «Термины – это не особые слова, а сло-

² Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. С. 43.

³ Розен Е.В. На уроке – немецкая газета: пособие для учителей. Изд. 3-е, перераб. М.: Просвещение, 1974. С. 64–65.

 $^{^4}$ Ле Э. Лингвистический анализ политического дискурса. Язык статей о чеченской войне в американской прессе // Полис. М., 2001. № 2. С. 93.

 $^{^{5}}$ Полевой Б. Повесть о настоящем человеке. М., 1987. С 342, 426.

ва в особой функции, – писал Г.О. Винокур. – Особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, это функция называния» ⁶. Однако, отражая когнитивные явления действительности, они являются единицами политической коммуникации, потенциально заключая в себе тенденцию к однотипности, стандарту представления. Таким образом, политическая терминологическая лексика функционально структурирована следующими номинативными группами: термины, связанные с системой маркированных понятий; терминоиды (полутермины, «номенклатурные» обозначения); общеупотребительная лексика, которая в определенных текстах может выступать в роли терминов и терминоидов.

Дело не только в том, что трудно провести границу между тремя ядерными концентрами, но и в специфике политических терминов, которые, в отличие от математических, физических, лингвистических терминов, стали общеупотребительными и большей частью интернациональными. Необходимо отметить, что большинство этимонов, входящих в русскую политическую лексику на современном этапе, — латинизмы, укоренившиеся в европейских языках довольно давно. Обусловленные определенным политическим режимом, на каждом этапе исторического развития общества они осваивались носителями языка, смешиваясь с национальными референциями.

Известная работа А.А. Реформатского «Что такое термин и терминология» посвящена выяснению теоретической сущности термина и терминологии, где автором была выдвинута идея «терминологического поля». Наличие этого поля автор демонстрирует на примере омонима «речь», рассмотренного в рамках конкретных дисциплин (физиологии, психологии, лингвистики). Поле для термина — это терминология определенной области знания. Вне этого поля термин теряет свою характеристику в качестве термина.

Терминологическое поле идиоматично для каждой терминологии, оно покрывает всю систему понятий данной науки. Термин принимает всегда строго определенное место в «матрице» данного терминологического поля, он предельно парадигматичен, для каждого термина весьма существенна «значимость» в соссюровском понимании этого слова, которая определяется окружением, вытекает из противопоставления одного элемента всем другим элементам системы. Политическая лексика обладает специфически расширенным терминологическим полем, что отражается в особенностях ее функционирования.

Терминологическая информация, обладая свойством открывать завесу прошлого, учит настоящему и вводит в будущее. М.Н. Володина отмечает коммуникативную активность термина и своеобразную языковую экспансию, которую ряд лингвистов определяет как тенденцию к «интеллектуализации лексики», связанную с возрастанием коммуникативной роли терминологии, политики, науки и техники, искусства и спорта. Лишенный этого, человек уже не может полноценно существовать в современном мире. Средства массовой коммуникации, адресованные самой широкой аудитории, непрерывным потоком поставляют информацию, изобилующую разного рода терминами. При этом обращает на себя внимание явная избирательность в подходе к специальной лексике: допускаются к употреблению и получают распространение тетермины, которые относятся к наиболее актуальным отраслям знания и общественно-политическим направлениям. Социальный заказ определяет коммуникативную активность старых и активизацию новых терминов. Анализ функционирующих в текстах государственных документов современных политических терминов выявляет довольно любопытное явление политической терминологии, обусловленное экстралингвистическими причинами, что совершенно недопустимо с точки зрения нормативного подхода.

Номинация «глава администрации» в уставах областей определяется по-разному: как глава органа исполнительной власти или губернатор. Губернатор – должностное лицо, управляющее губернией в Российской империи (термин взят из шведской административной терминологии). Губернатором впервые был назван архангельский воевода в 1694 году. С 1708 года, с введением губерний, термин «губернатор» стал всеобщим. После Февральской революции губернаторская должность была упразднена. В 1990-х годах в некоторых субъектах РФ высшие лица исполнительной власти вновь принимают звания губернатора. Этот термин в актах Президента Российской Федерации ориентировал субъекты РФ именно на данное наименование. В результате в 1990-е годы впервые руководитель Нижегородской области Б.Е. Немцов стал называться губернатором, а термин получил широкое распространение в качестве номинации руководителя края, области и автономных округов. Инициатива региональных законодателей проявилась в том, что они вспомнили о губернаторстве и возродили наиболее традиционное наименование высшего должностного лица в Российской империи. Этот термин быстро стал распространенным наименованием руководителя края, области и некоторых автономных округов. Далеко не во всех уставах закрепился термин «губернатор». Во многих регионах сохранено традиционное название – глава администрации.

В законодательных актах нет единого понимания лексемы «мэр». Мэр (фр. – *maire*, лат. *major/maire*) – глава местной, городской, а в некоторых странах и сельской администрации или муниципалитета – выбор-

⁶ Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. С. 68.

ного органа в системе местного самоуправления, получившего свое название от «муниципия». Этот термин использовался в Древнем Риме для обозначения италийских, а с III века и всех провинциальных городов империи, жители которых получали права римских граждан и самоуправление ⁷. Как свидетельствуют СМИ, дебаты по поводу большого количества заимствованных слов привели к поискам русской замены слову «мэр». Номинация, функционирующая до революции, «городской голова» или современное – глава городской администрации в настоящее время не приживается, каких-то иных альтернативных предложений не поступило, в результате лексема «мэр» была принята в качестве номинации местной городской власти. В Словаре иностранных слов слово «мэр» представлено как «глава муниципалитета в ряде стран, напр. в Англии, США, во Франции» ⁸. Вероятно, в связи с этим данная лексема фиксируется в Толковом словаре иноязычных слов в более широком значении: «Глава городского управления в ряде стран (ср. бургомистр, префект) ⁹.

«Мэр» — термин, обозначающий высшее должностное лицо городского местного самоуправления, глава муниципального образования. По этому определению данный термин не может входить в систему исполнительной власти субъектов Российской Федерации, но в некоторых городах (например, в Москве) мэр возглавляет и сам субъект РФ. Мэр города Москвы непосредственно или через органы городской администрации решает вопросы социально-экономической жизни города, осуществляет управление городским хозяйством, выполняет другие исполнительно-распорядительные функции.

В словарной статье Юридического энциклопедического словаря дефиниция термина «мэр» не очерчивает четких границ должностных полномочий. Более того, в законодательной практике Российской Федерации имеет место переименование должности мэра в губернаторскую, что произошло в Петербурге в 1996 году.

Итак, термин «мэр» лишен одного из главных качеств термина как такового – однозначности. В различных субъектах номинация «мэр», то есть функции должностного лица, понимаются по-разному, а иногда смешиваются с функциями главы администрации.

Дефиниции ключевого для законодательной власти термина «государственный служащий» не часто встречаются в справочниках, словарях и энциклопедиях, но при этом он стабилен, так как давно устоялся и закреплен в законодательных актах. Семантическое определение термина «должностное лицо» фактически дублирует определение «государственный служащий». Содержание данного термина раскрывается в примечании к статье 285 УК РФ, где говорится, что должностным лицом признаются лица постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти. В текстах государственных документов наблюдается нечеткое различение данных понятий, их трактовка невозможна без текста, в котором они зафиксированы. Таким образом, группа терминов, обозначающих лиц по функции, в официально-деловых отношениях подвержена влиянию экстралингвистических факторов, что делает термины данной группы весьма неопределенными.

Еще одну группу образуют лексемы, называющие органы и учреждения исполнительной власти. Лексема «администрация» относится к наиболее частотным, она функционирует как наименование исполнительного органа государственной власти области, закрепленное в Конституции РСФСР 1978 года (в редакции от 24 мая 1991 года). В отличие от прежней формулировки, новая редакция ввела принцип единоначалия главы администрации.

Указом Президента РФ «Об основных началах организации государственной власти в субъектах Российской Федерации» от 22 октября 1993 года субъектам Российской Федерации предоставлялось право самостоятельно определять наименование исполнительного органа государственной власти и в качестве варианта предлагалось использовать лексему «правительство». В уставах ряда областей функционирует именно такое название. Под термином «администрация» может пониматься как собственно аппарат главы администрации, так и состав руководителей структурных подразделений, а иногда и сами структурные подразделения. Естественно, что правительство области не может обладать таким же объемом полномочий, как Правительство РФ. Употребление тождественных терминов в пределах одного акта является некорректным с лингвистической точки зрения. В уставах субъектов РФ смешиваются термины «администрация» и «правительство».

Таким образом, очевидно, что активные современные процессы, наблюдаемые в терминологии политического языка, свидетельствуют о становлении политической терминологической системы в России.

⁷ Словарь административного права / отв. ред. И.Л. Бачило. М.: Фонд «Правовая культура», 2001. С. 142.

⁸ Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М.: Русский язык, 1989. С. 335.

⁹ Толковый словарь иноязычных слов. М., 2004. С. 461.

Необходимо отметить еще одно важное направление в политической коммуникации, связанное с переводом политических терминов. В современных условиях перевод политических текстов приобретает особое значение, выступая как средство пропаганды и орудие идеологической борьбы. Область отношений, которую обслуживает политическая терминология, охватывает не только внутренние проблемы одной страны, но и область внешних сношений, потому особенности перевода политической терминологии весьма актуальны. Объем ежегодно издаваемых политических текстов, ориентированных на иноязычную аудиторию, достаточно велик и по мере роста международных связей продолжает увеличиваться. Здесь и выступления государственных, партийных и общественных деятелей, публикации международных, правительственных и общественных организаций, статьи, посвященные борьбе за мир, разрядке международной напряженности, сокращению и ограничению вооружений, национально-освободительному движению, экономическим отношениям и т.п.

Специалист в этой области Т.А. Зражевская отметила: «Попытка по тем или иным причинам отойти от установившейся в практике перевода политической терминологии для документов данного типа может неоправданно усилить роль личной интерпретации, создать иллюзию изменения позиции государства, привести материал в диссонанс с существующими формулировками по тому или иному вопросу» ¹⁰.

Как известно, термин характеризуется своей однозначностью, но такое явление, как полисемия, часто встречается при переводе терминов. Обратимся к примеру: "month on month he has said that he and his officials will resolve this issue" (в этом месяце он сказал, что он и его чиновники будут решать этот вопрос) 11, политический термин "official" имеет такие значения, как чиновник, должностное лицо, служащий, крупный чиновник. В русском языке данный термин служит для обозначения государственных служащих, имеющих чин, служебное звание, а также имеет негативную коннотацию при обозначении государственных должностных лиц, которые относятся к своему делу с равнодушием, формально. В английском языке данный термин служит для обозначения человека, который назначается или избирается на должность и наделяется определенными обязанностями; человека, который занимает должность в организации, государственном департаменте и имеет подчиненное положение. Рассмотрим еще один пример: "a senior functionary at Conservative Central Office, Michael Simmonds, was called in to see the Chairman on Tuesday morning" (старший чиновник центрального аппарата Консервативной партии Майкл Симмондс был приглашен на встречу с председателем во вторник утром) ¹². Слово "functionary" переводится, как чиновник, функционер, должностное лицо. В английском языке обозначает должностное лицо, представляющее интересы правительства. Как показывает практика, этот термин менее употребим, чем его синоним "official", это также находит подтверждение во многих словарях, среди них Collins English Dictionary, Thefreedictionary, Dictionary reference.

Термин «чиновник» при переводе с русского языка на английский имеет ряд таких вариантов: official, functionary, officer, clerk, placeman, officiary, office-holder. Следует отметить, что и в этом ряду словарных значений *official* занимает первое место, что не удивительно, это самый распространенный вариант. Между собой данная группа слов (official, functionary, officer, clerk, placeman, officiary, office-holder) функционирует как группа синонимов для обозначения одного и того же понятия. В английских терминах отсутствует экспрессивность, тогда как стилистическая нейтральность сохраняется, и лишь один из терминов "placeman" имеет значение, близкое к русскому: он используется как нейтральный, а также может иметь негативную коннотацию.

Именно в процессе перевода наблюдается активное взаимозаимствование слов, сходство и сближение семантических процессов, протекающих в разных языках, появление и распространение новых терминов и полутерминов, номенклатурных обозначений, терминоидов. Как пишет Е.А. Федорченко ¹³, «в последние годы повсеместное внедрение информационных технологий позволило значительно усилить информационные потоки», умение правильно использовать термины в профессиональной речи следует обеспечивать при подготовке специалистов в вузе.

 $^{^{10}\,}$ Зражевская Т.А. Чтение газеты : пособие по общ.-полит. лексике для изучающих англ. яз. М., 1986. С. 35–36.

¹¹ URL: http://www.bbc.co.uk/news/uk-northern-ireland (дата обращения: 15.09.2015).

¹² URL: http://www. news.bbc.co.uk/ (дата обращения: 15.09.2015).

 $^{^{13}}$ Федорченко Е.А. Клише профессиональной речи как стилистически маркированная языковая единица // Вестник Рос. тамож. акад. 2013. № 1. С. 75–79.

Список использованной литературы

- 1. Винокур, Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц [Текст]. М. : Наука, 1980. 240 с.
- 2. Володина, М.Н. Когнитивно-информационная природа термина [Текст]. М. : Изд-во МГУ, 2000. $128~\rm c.$
- 3. Зражевская, Т.А. Чтение газеты [Текст] : пособие по общ.-полит. лексике для изучающих англ. яз. M.,1986.-247 с.
 - 4. Конституция Российской Федерации [Текст]. М., 1993.
- 5. Ле, Э. Лингвистический анализ политического дискурса. Язык статей о чеченской войне в американской прессе [Текст] // Полис. М., $2001. \text{№}\ 2. \text{C.}\ 89–96.$
 - 6. Лейчик, В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура [Текст]. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 256 с.
 - 7. Реформатский, А.А. Введение в языкознание [Текст]. М.: Наука, 1961.
- 8. Розен, Е.В. На уроке немецкая газета [Текст] : пособие для учителей. Изд. 3-е, перераб. М. : Просвещение, 1974.-160 с.
- 9. Трескова, С.И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации. Принципы измерения языковой вариативности [Текст] / АН СССР Ин-та языкознания. М.: Наука, 1989. 152 с.
- 10. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 002 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [Текст].
- 11. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О правительстве Российской Федерации» [Текст] // Государственная служба: сб. норматив. актов. М., 1999.
- 12. Федорченко, Е.А. Клише профессиональной речи как стилистически маркированная языковая единица [Текст] // Вестник Рос. тамож. акад. -2013. -№ 1. C. 74–79.

Список лексикографических источников

- 13. Большой юридический словарь [Текст] / под. ред. А.Я. Сухарева. М.: Инфра, 2003.
- 14. Словарь административного права [Текст] / отв. ред. И.Л. Бачило. М. : Фонд «Правовая культура», 2001. C. 142.
 - 15. Словарь иностранных слов [Текст]. 18-е изд., стер. М. : Русский язык, 1989.
 - 16. Толковый словарь иноязычных слов [Текст]. М., 2004.
 - 17. Юридический энциклопедический словарь [Текст]. М.: Инфра, 2005.

References

- 1. Federalnyy konstitutsionnyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 17 dekabrya 1997 g. № 2-FKZ "O pravitelstve Rossiyskoy Federatsii" [The Federal Constitution Law of the Russian Federation of December 17, 1997, N 2 FKZ "On the Government of the Russian Federation"] [Text] // Civil Service: A Collection of regulatory acts]. M., 1999 (in Russian).
- 2. Fedorchenko, E.A. Cliche in Professional Speech as a Stylistically Marked Language Unit [Text] // Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii [Newsletter of Russian Customs Academy. 2013. № 1. P. 74–79 (in Russian).
 - 3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Constitution of the Russian federation] [Text]. M., 1993 (in Russian).
- 4. Le, E. Linguistic analysis of political discourse. Language in the articles on the Chechen war in the American press [Text] // Polis. M., 2001. N = 2. P. 89-96 (in Russian).
- 5. Leychik, V.M. Terminovedeniye: Predmet. metody. Struktura [Terminology: subject, methods, structure] [Text]. M.: LIBROKOM, 2012 (in Russian).
- 6. Reformatskiy, A.A. Vvedeniye v yazykoznaniye [Introduction to Linguistics] [Text]. M.: Nauka, 1961 (in Russian).
- 7. Rozen, E.V. Na uroke nemetskaya gazeta [Text] : Posobiye dlya uchiteley. Izd. 3-e, pererab. [A German Newspaper at the Lesson : A Guide for Teachers. Third Edition, revised]. M. : Prosveshcheniye, 1974 (in Russian).

- 8. Treskova, S.I. Sotsiolingvisticheskiye problemy massovoi kommunikatsii. Printsypy izmereniya yazykovoi varuativnosti [The Sociolinguistic Issues of Mass Communication. The Principles of Measuring Language Variations] [Text] / The USSR Academy of Science, Institute of Linguistics. M.: Nauka, 1989 (in Russian).
- 9. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 13 maya 2000, № 002 "O polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v federalnom okruge" [The President's Decree of May 13, 2000, N 002 "On the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in a Federal District"] [Text] (in Russian).
- 10. Vinokur, T.G. Zakonomernosti stilisticheskogo ispolzovaniya yazykovykh edinits [The Regularities of Stylistic Usage of language Units] [Text]. M.: Nauka, 1980 (in Russian).
- 11. Volodina, M.N. Kognitivno-informatsionnaya priroda termina [The Cognitive-Informative Nature of the Term] [Text]. M.: Moscow State University, 2000. 128 p. (in Russian).
- 12. Zrazhevskaya, T.A. Chteniye gazety [Reading a Newspaper: A Teaching Guide for Learners of English] [Text]. M., 1986 (in Russian).

Lexicographic Sources

- 13. Bolshoy yuridicheskiy slovar [Big Dictionary of Law] [Text] / ed. by A.Ya Sukharev. M.: Infra, 2003.
- 14. Slovar administrativnogo prava / otv. red. I.L. Bachilo. M. : Fond pravovaya kultura, 2001 [Administrative Law Dictionary [Text] / ed. I.A Bachilo. M. : Fond pravovaya kultura, 2001].
- 15. Slovar inostrannykh slov [Dictionary of Foreignisms in Russian] [Text]. 18-e izd., ster. M.: Russkiy yazyk, 1989.
 - 16. Tolkovyy slovar inoyazychnykh slov [Explanatory Dictionary of Foreign Words] [Text]. M., 2004.
 - 17. Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Encyclopedic Dictionary of Law] [Text]. M.: Infra, 2005.

УДК 81'42

С.Т. Золян, д-р филол. наук (Ин-т философии, социологии и права Нац. акад. наук, Армения)

«Я слово позабыл, что я хотел сказать...» — заявление Барака Обамы к 100-летию геноцида армян 1915 года

Начиная с Билла Клинтона (1994), тема армянского геноцида стала традиционной в ежегодном обращении президента США. Созданная Б. Клинтоном структура текста и даже лексикон в дальнейшем были использованы Дж. Бушем-младшим. Семантика дискурса основывается, с одной стороны, на соблюдении преемственности подхода США 1920-х годов к событиям 1915 года, а с другой, исходя из современных внешнеполитических реалий, – избегании термина «геноцид».

Ситуация Барака Обамы оказалась осложнена тем, что, будучи сенатором, он критиковал республиканскую администрацию за подобный подход и обещал в случае избрания президентом признать геноцид. Это заставляет Обаму видоизменить дискурс. Сохраняя формальную структуру канона, президент создает постмодернистский

[©] Золян С.Т., 2015

амбивалентный текст: он обращен к различным адресатам, каждый из которых может по-разному интерпретировать текст в соответствии со своими ожиданиями и создавая различные интертекстуальные структуры. Последнее выступление Обамы содержит ссылки не только на свои собственные предыдущие выступления, но и упоминает посла США в Турции Генри Моргентау, который докладывал о массовом уничтожении армян, Рафаэля Лемкина — основного автора Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и создателя самого этого термина, а также папы Франциска (назвал события 1915 года как геноцид). Это дает основания обратиться к тем текстам, на которые указывает Обама, и сделать эксплицитными содержащиеся в них характеристики произошедших в 1915 году событий как геноцид. В случае применения такой интерпретационной стратегии, которая согласуется с используемой Б. Обамой стратегией смысловой организации сообщения, есть все основания рассматривать тексты его обращений вкупе с теми текстами, к которым он отсылает. При таком подходе адресат его сообщений вправе интерпретировать их как признание армянского геноцида.

геноцид армян, Барак Обама, политический дискурс, интертекстуальность, метонимия, обмолвка как прием

Zolyan, Suren, Ph.D. (Doctor of Philology), Professor (Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Science, Armenia)

"I Cannot Bring to Mind the Word I Meant to Say": Barack Obama's Statement on the Centennial of the Meds Yeghern

Since April 24, 1994, B. Clinton has made the American President's Address an annual event named as Armenian Remembrance Day. He also established a special textual pattern with its own vocabulary for such addresses, later inherited by George W. Bush. On the one hand, the semantics of such discourse is based on political continuity and loyalty to the previous approach of the USA to the events of 1915, and on the other, due to the realities of modern foreign policy, on the avoidance of the term "genocide".

Barack Obama's situation has been more complicated from the very beginning of his presidency due to the fact that, as a senator, he criticized the Republican administration for such an evasive approach, and promised that, if elected President, he would change it. The combination of the previous statements and the traditional taboo urged Obama to transform his discourse. Keeping formally in line with the canons established by Clinton, Obama creates a post-modernist ambiguous text: it is addressed to a variety of recipients, and each of them can interpret the text in a different way in accordance with his/her expectations and by creating diverse inter-textual linkages.

Thus, Obama's latest address contains references not only to his previous statements, but also the names of Henry Morgenthau (the American ambassador to Turkey, who reported the total extermination of Armenians) and R. Lemkin (who coined the term "genocide" and was the main author of the Genocide Convention), as well as the name of Pope Francis (who recently identified the events of 1915 as "the first genocide of the 20th century"). All these references and names mentioned by Obama refer the addressee to the texts, where the crimes of 1915 are explicitly characterized as genocide. Such an interpretive approach is consistent with the strategy used by Barack Obama for semantic structuring of his messages, so there are sufficient grounds to consider Obama's statements in entirety with these texts. With this approach, the addressee of his messages is sanctioned to interpret them as a recognition of the Armenian Genocide.

Armenian Genocide, Barack Obama, political discourse, intertextuality, metonymy, slip of the tongue as a device

...Но я забыл, что я хочу сказать, — И мысль бесплотная в чертог теней вернется. Осип Мандельштам. Я слово позабыл, что я хотел сказать...

1. К постановке проблемы

спользование цитаты из стихотворения Осипа Мандельштама как заглавия для статьи о заявлении президента США Барака Обамы может показаться неудачным смешением жанра. Однако мы постарамся обосновать, что оно мотивировано, поскольку президент США, вероятно, сам того не зная, использует ряд приемов, характерных для семантики поэтического дискурса, в том числе и довольно специфичные, которые уже были описаны применительно к поэтической практике Осипа Мандельштама. Что касается смешения жанров, то это оказывается характерной чертой дискурса Барака Обомы об армянском геноциде 1915 года. Поскольку детальный анализ всех восьми выступлений выходит за рамки статьи ¹, то здесь мы ограничимся анализом лишь последнего заявления, сделанного 23 апре-

¹ Этому посвящена вторая часть нашей монографии (Золян, 2015, с. 40–82).

ля 2015 года. Оно примечательно в двух отношениях: 1) политическом, поскольку сделано в год столетия геноцида армян и потому должно восприниматься как особо значимое; 2) семантическом, поскольку наиболее явно демонстрирует то, что дискурс Обамы об армянском геноциде, вопреки канонам политического дискурса, помимо буквального смысла, содержит и ряд имплицитных смысловых структур, которые, применительно к рассматриваемому случаю, построены благодаря достаточно причудливой комбинации таких поэтических приемов, как интертекстуальность и метонимия, или, точнее, метонимическая ошибка-обмолвка, – прием, характерный именно для поэтики Осипа Мандельштама ². Так, когда у поэта встречается:

Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, – Не Елена – другая – как долго она вышивала?,

то в данном случае восстанавливается по контексту «правильное» имя «Пенелопа», где сам автор указывает на свою «ошибку»: «не Елена – другая», имя которой поэт «не помнит». Благодаря этому возникает также и многоликий образ героинь греческого эпоса – будучи упомянутым, пусть и в отрицательной форме, имя *Елена* вводит и саму героиню. Так возникает соотнесенность между Еленой и Пенелопой. Но в том же стихотворении есть другая «ошибка», на которую сам автор не указывает: это перенесение в гомеровский эпос мифа о золотом руне, почему и Ясон заменяется Одиссеем, а Колхида преобразуется в Тавриду/ Итаку (соответственно «хозяйка» ассоциируется уже и с Медеей):

...В каменистой Тавриде наука Эллады – и вот Золотых десятин благородные, ржавые грядки. Ну а в комнате белой, как прялка, стоит тишина. Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала, Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, – Не Елена – другая – как долго она вышивала? Золотое руно, где же ты, золотое руно? Всю дорогу шумели морские тяжелые волны. И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

Тем самым возникает причудливая многослойная композиция различных референтных и интертекстуальных связей, Крым преобразуется в Тавриду и в то же время Итаку и Колхиду, а встреченная женщина (хозяйка) преображается в героиню мифов. Первая, подчеркнуто «биографическая, бытовая и реалистическая» строфа ретроспективно получает «эллинскую» реинтерпретацию:

Золотистого меда струя из бутылки текла Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела: Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла, Мы совсем не скучаем, – и через плечо поглядела ³.

Примерно такую технику анализа и экспликации смысла предполагает и заявление Обамы.

² В данном случае мы следуем тому описанию, которое было предложено Михаилом Лотманом (Лотман, 2013 [1979], с. 40): «Принцип метонимичности заключается в замещении предполагаемого по контексту объекта некоторым другим, но так, чтобы в процессе восприятия сообщения замещенный объект мог бы быть восстановлен». Этот принцип «одно вместо другого» может принимать форму обмолвки или ошибки. Например, «Часто пишется казнь, а читается правильно: песнь» (Там же. С. 42–43).

³ Подобная двуплановость позволяет произвести и противоположное путешествие: от греческой мифологии к биографическим реалиям. Так, Пенелопа пряла, а не вышивала. Вышивала же «хозяйка» дома – В.А. Судейкина. См. об этом: «"Ошибка" поэта, о природе которой так много спорили комментаторы ("другая" жена – Пенелопа – не вышивала, а ткала), на наш взгляд, опять же основана на реалии быта дома Судейкиных, которую наблюдал гость: хозяйка дома, по ее свидетельству, именно в это время занималась вышивкой на полотне сюжета о Коломбине и Пьеро. Кстати, в крымском дневнике В.А. Судейкиной не раз упоминаются ее занятия вышивкой» (Казарин и др., 2012).

Благодаря этому соотнесению реинтерпретируется и другая «ошибка» — то, что поиски золотого руна ассоциируются с Одиссеем, а не Ясоном. Через «хозяйку» устанавливается связь и с «хозяином», С.Ю. Судейкиным: «Нет сомнения, что в кругу тем долгого разговора была и тема "золотого руна", которую включает в свой конспективный отчет поэт. Эта тема поособенному была близка Сергею Судейкину. Знакомство с А.Н. Бенуа приведет художника в круг "мирискусников", сотрудничая с которыми он, в частности, в 1908 году станет одним из оформителей журнала "Золотое руно". Позднее, в 1919 году, в Тифлисе С.Ю. Судейкин будет оформлять литературное кафе "Ладья аргонавтов". Как известно, аргонавтами называли себя и русские символисты» (Там же).

2. Предыстория жанра

Для адекватного понимания заявления Барака Обамы требуется обратиться к его жанровым и прагматическим характеристикам. Поэтому в тезисной форме воспроизведем исторический контекст этого заявления (полное рассмотрение см.: Золян, 2015; все приводимые документы взяты из электронного архива Армянского нац. ин-та, Вашингтон. URL: http://www.armenian-genocide.org/).

В целом, относящиеся к геноциду дискурсы можно разделить на три типа:

- 1) дискурсы, признающие геноцид;
- 2) дениалистские дискурсы, отрицающие либо сам факт преступлений, либо правомерность использования термина «геноцид»;
- 3) дискурс, который мы предлагаем назвать «уклонистским» или же «маневрирующим» и который является объектом данного исследования.

В последнем случае события описываются посредством многозначных языковых выражений, которые допускают различную интерпретацию, удовлетворяющую ожиданиям различных адресатов. В нем ничего не отрицается, но и ничего не утверждается. Вместе с тем, основная цель этого дискурса — прямо не отрицая факт геноцида, тем не менее уклониться от его признания. Наиболее последовательное развитие этот тип получил в американском официальном дискурсе. Этот дискурс возникает с начала 80-х годов прошлого века, а со времени президентства Билла Клинтона он становится традиционным — в канун 24 апреля президент США выступает с соответствующим заявлением.

Для понимания содержания подобных заявлений требуется учитывать, что президенты США вынуждены балансировать между двумя приоритетами – верностью собственной истории и союзническими отношениями с Турцией, в результате чего возникает причудливая комбинация неотрицания и непризнания. С одной стороны, современные руководители США не могут игнорировать позицию своих предшественников и заявлять нечто идущее вразрез с официальными документами властей США. Политическое руководство США и американское общество с самого начала событий 1915 года обладали информацией о происходящем в период Первой мировой войны в Турции. Депеши послов и консулов США – одно из важнейших свидетельств происходивших в то время преступлений, в них говорится о государственной программе полного уничтожения мирного армянского населения. Хорошо известна позиция президента Вудро Вильсона и конгресса США, осуждавших эти преступления и требовавших компенсации для их жертв и наказания для их организаторов. Бывший президент Теодор Рузвельт даже требовал объявить войну Турции как единственно достойный США ответ на подобные злодеяния. Впоследствии эмигрировавший из Польши в США и работавший там как эксперт на Нюрнбергском процессе, а также член американской делегации в ООН Рафаэль Лемкин для характеристики этих преступлений ввел термин «геноцид», который и лег в основу соответствующей Конвенции ООН.

Однако в период холодной войны вследствие внешнеполитических приоритетов США тема армянского геноцида официально не озвучивалась – вплоть до восьмидесятых годов, когда ввиду возросшего давления со стороны армянской общины к ней спорадически обращаются Дж. Картер, Р. Рейган и Дж. Буш-старший. Рональд Рейган даже называет происшедшее «геноцидом» (1981), но без каких-либо политических или юридических последствий (тем более, что произнесено это было хотя и 22 апреля, но в связи с нацистским геноцидом евреев).

После распада СССР, ввиду происшедших коренных изменений и усиления позиций армянской общины, начиная с Билла Клинтона (1994), обращение к теме армянского геноцида стало традиционным обращением Президента США и получило название День поминовения армян (букв.: Армянский день поминовения – The Armenian Remembrance Day). Все восемь заявлений Клинтона имеют единую структуру и могут быть рассмотрены как незначительные вариации одного и того же текста-инварианта (приводим по одному образцу):

1. Описание совершаемого речевого акта (Commemoration).

On this solemn day, I join Armenians from around the world in remembering the victims of the 1915 massacres in the Ottoman Empire. The effects of that tragedy have profoundly touched all of us, and together we mourn the terrible loss of so many innocent lives (1994).

2. Описание упоминаемого исторического события (события 1915 года).

The deportations and massacres of a million and a half Armenians in the Ottoman Empire in the years 1915–1923 (1998).

3. Вклад армян и Армении.

Yet even in the face of this devastating event, the rich and vibrant Armenian culture has continued to thrive. Demonstrating remarkable resilience and courage, Armenian Americans have made enormous contributions to our development and success as a country (1994).

4. Связанное с Арменией главное текущее политическое событие.

Now, with the creation of a new and independent Armenia under President Ter-Petrosyan's leadership, the Armenian people are bringing the same determination to creating a democracy and a modern economy in their native land (1994).

5. Позиция США, обязательства и обещания.

The United States fully supports the efforts of Armenia and its neighbors to make lasting peace with one another and to begin an era of security and cooperation in the Caucasus region. We encourage any and all dialogue between citizens of the region that hastens reconciliation and understanding (2000).

6. Заключение (пожелания президента, соотнесение главных тем и их обобщение).

To preserve the historic establishment of a free Armenia, we must redouble our commitment to peace and stability in the Caucasus region. It is in this spirit of peace that I extend to all Armenians my best wishes as we solemnly observe Remembrance Day (1997).

Созданная Б. Клинтоном структура текста и даже лексикон в дальнейшем были использованы Дж. Бушем-младшим, который, как и его предшественник, был избран на два срока и также выступил с восемью текстами, хотя он был несколько многословнее (2 694 словоупотребления против 1 812 у Клинтона). Приведем сопоставительную таблицу словоупотреблений, которые встречаются у обоих президентов с частотностью около 0,3 %. Как видим, основной словарь почти одинаков, а различия лишь в частоте употребления синонимичных выражений:

		Clinton		Bush		
Слово	Порядковый номер	Количество словоупо- треблений	Частотность, Порядков номер		Количество словоупо- треблений	Частотность, %
We	1	23	1,263	1,263		1,629
Armenia	1	23	1,2630 2		42	1,5550
Armenians	3	22	1,2081	8	19	0,7034
Their	4	19	1,0434	8	19	0,7034
Ι	5	18	0,9885	5	26	0,9626
All	6	15	0,8237	14	10	0,3702
Armenian	7	14	0,7688	3	36	1,3328
World	8	13	0,7139	9	18	0,6664
People	9	11	0,6041	6	25	0,9256
freedom (s)	9	11	0,6041	13	11	0,4073
Peace	10	10	0,5491	12	12	0,4443
massacres	11	9	0,4942	23	1	0,0370
Spirit	11	9	0,4942	14	10	0,3702
Day	12	8	0,4393	11	13	0,4813
Extend	12	8	0,4393	22	2	0,0740
independent	12	8	0,4393	0,4393 22		0,0740
Lasting	12	8	0,4393	19	5	0,1851
Million	12	8	0,4393	17	7	0,2592
Our	12	8	0,4393	4	28	1,0367
Region	12	8	0,4393	23	1	0,0370
Years	12	8	0,4393	23	3	0,1111
Building	13	7	0,3844	23	1	0,0370
Caucasus	13	7	0,3844	21	3	0,1111
contributions	13	7	0,3844	19	5	0,1851
Efforts	13	7		0,3844 17		0,2592
Ottoman Empire	13	7	0,3844	15	9	0,3332
Join	13	7	0,3844	17	7	0,2592
My	13	7	0,3844	18	6	0,2221
prosperity	13	7	0,3844	19	5	0,1851
Today	13	7	0,3844	13	11	0,4073
United States	13	7	0,3844 7		20	0,7405
Armenian-Americans	14	6	0,3295	23	1	0,0370
Century	14	6	0,3295	16	8	0,2962
Died	14	6	0,3295	_	0	0
Free	14	6	0,3295	19	5	0,1851

Единственное нововведение, которое было внесено Бушем-младшим, это – отсылка к армянскому дискурсу. Дважды он употребляет следующую характеристику: *Many Armenians refer to these appalling events as the "great calamity"*, что является переводом труднопереводимого в силу его многозначности армянского наименования событий 1915 года "Մեծ եղեռն" (Mets/Meds egern), аналога еврейского «Шоа».

Семантика официального дискурса американских президентов основывается, с одной стороны, на соблюдении преемственности подхода США 1920-х годов к событиям 1915 года, а с другой, исходя из современных внешнеполитических реалий, – избегании термина «геноцид». Вместо этого используются описательные обороты: mass killings, massacres, crime against humanity, great calamity. Поскольку подобные обращения президента не имеют обязательной силы и не влекут каких-либо последствий, такое явление может быть объяснено как проявление архаичного табу.

3. Барак Обама – реформатор жанра

3.1. Сенатор Обама о геноциде армян

Ситуация Барака Обамы оказалась осложнена тем, что, еще находясь в кресле сенатора, он был активным сторонником признания геноцида 1915 года и критиковал республиканскую администрацию за принятую ею практику табуирования этого термина. Так, Обама публично выразил свой протест тогдашнему Государственному секретарю США Кондолизе Райс в связи с увольнением посла США в Армении Джона Эванса, поскольку тот, будучи в США, осмелился во время встречи с представителями армянской диаспоры произнести слово «геноцид» (письмо от 26 июля 2006 года). Сенатор-демократ Обама крайне резко реагирует на тот факт, что республиканская администрация позволяет себе увольнять служащих только за то, что те осмеливаются называть вещи своими именами:

"I believe that the controversy over Ambassador Evans' use of term 'genocide' underscores the fact that the current US position is untenable. That the invocation of a historical fact by a State Department employee could constitute an act of insubordination is deeply troubling. When State Department instructions are such that an ambassador must engage in strain reasoning – or even an outright falsehood – that defies a common sense interpretation of events in order to follow orders, then it is time to revisit the State Department's policy guidance on this issue".

Точка зрения сенатора Обамы выражена четко и ясно:

The occurrence of the Armenian genocide in 1915 is not an "allegation", a "personal opinion" or a "point of view". Supported by the overwhelming amount of the historical evidence, it is a widely documented fact.

В поддержку подобной позиции он приводит ряд аргументов, которые Кондолиза Райс никак не могла бы оспорить, поскольку все они официально признаны самими США (к этой теме мы еще вернемся – при обращении к заявлению президента Обамы от 2015 года).

К этому эпизоду сенатор Обама вернется через два года, будучи уже кандидатом в президенты. В своем послании армянской общине США он, среди прочих вопросов, наибольшее место уделяет проблеме геноцида как угрозе человечеству и необходимости честно и решительно реагировать на подобные факты:

I also share with Armenian Americans – so many of whom are descended from genocide survivors – a principled commitment to commemorating and ending genocide. That starts with acknowledging the tragic instances of genocide in world history. As a U.S. Senator, I have stood with the Armenian American community in calling for Turkey's acknowledgement of the Armenian Genocide. Two years ago, I criticized the Secretary of State for the firing of U.S. Ambassador to Armenia, John Evans, after he properly used the term "genocide" to describe Turkey's slaughter of thousands of Armenians starting in 1915. I shared with Secretary Rice my firmly held conviction that the Armenian Genocide is not an allegation, a personal opinion, or a point of view, but rather a widely documented fact supported by an overwhelming body of historical evidence. The facts are undeniable. An official policy that calls on diplomats to distort the historical facts is an untenable policy. As a senator, I strongly support passage of the Armenian Genocide Resolution (H.Res.106 and S.Res.106), and as President I will recognize the Armenian Genocide.

Genocide, sadly, persists to this day, and threatens our common security and common humanity. Tragically, we are witnessing in Sudan many of the same brutal tactics — displacement, starvation, and mass slaughter — that were used by the Ottoman authorities against defenseless Armenians back in 1915 ... America deserves a leader who speaks truthfully about the Armenian Genocide and responds forcefully to all genocides. I intend to be that President (подчеркнуто нами. — C.3.).

3.2. Президент Обама о геноциде армян

В нашу задачу не входит политический анализ того, какие внешне- и внутриполитические причины лежали в основе действий Барака Обамы. В данном случае можно ограничиться лишь констатацией того факта, что традиция табуирования слова «геноцид» оказывается сильнее требования выполнения предвыборных обещаний. Барак Обама не нарушает их, даже более, — он не отказывается от них. Вместе с тем он уклоняется от их выполнения. Эта противоречивая ситуация приводит к тому, что Обама видоизменяет дискурс. Сохраняя формальную структуру ставшего моделью основанного на канонах традиционной риторики дискурса Клинтона, Обама создает постмодернистский амбивалентный текст. Это дает возможность Бараку Обаме и не произносить слово «геноцид», и вместе с тем считать, что он не отказывается от своих взглядов.

Можно выделить следующие характеристики, сближающие принципы его построения с принципами построения художественного текста:

- Он обращен к различным адресатам, каждый из которых может по-разному интерпретировать текст в соответствии со своими ожиданиями, создавая различные интертекстуальные структуры. Можно выделить три основных адресата: 1) армянская община США, настаивающая на признании геноцида; 2) все, кто избегает признания геноцида (США, международная общественность), но и не отрицает его; 3) Турция, которой направлено имплицитное предупреждение о возможности признания. Текст допускает различные интепретации, которые могут противоречить друг другу, но, тем не менее, быть совместимыми с текстом Обамы.
- Амбивалентным оказывается и образ говорящего (I we), постоянно происходят переходы между «Обама-как-президент» и «Обама-как-личность».
- Подобная раздвоенность говорящего позволяет Обаме декларировать верность собственным взглядам, но не уточнять, что именно понимать под ними. Всякий раз Обама воспроизводит одно и то же выражение:

I have consistently stated my own view of what occurred in 1915.

(2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014)

И если, произнесенное впервые, оно отсылало к предыдущим высказываниям сенатора Обамы от 2008 года, то впоследствии оно должно восприниматься как отсылка к предшествующему ему заявлению президента Обамы, где не говорится ничего определенного. Это позволяет Обаме избежать прямых номинаций, место которых занимают интертекстуальные отсылки. Всякий раз он заявляет о верности сво-им взглядам и в то же время нарушает их – в полном соответствии с описанным Дж. Оруэллом приемом «двоемыслия» (doublethink) ⁴.

- Ситуация описывается косвенными и многозначными лингвистическими средствами; описание заменяется общими оценками или выражающими эмоциональное отношение непредметными лексическими единицами; отсутствует указание на последующие действия, следующие из данного речевого акта.
- Используются незавершенные смысловые структуры (без указания агента, причины и т.п.), однако представлены все необходимые лексические единицы, хотя и не в тех синтаксических позициях. При
 минимальных семантико-синтаксических трансформациях возможно имплицитную семантику зафиксировать как эксплицитный текст (например, путем перемещения находящейся в позиции обстоятельства
 времени единицы в позицию отсутствующего агента: (1,5 million Armenians were massacred or marched
 to their deaths in *the final days of the Ottoman Empire*) или восстанавливая позицию субъекта: The legacy
 of the Armenian people is ...triumph over those who sought to destroy them => < There was somebody> who
 sought to destroy them. Так, из имеющихся слов можно составить новый текст, найдя более приемлемую
 синтаксическую форму.
- Текст строится как многозначный, допускающий различную интерпретацию, в нем используются различные коды и даже языки. Он осциллирует между высказанным и невысказанным, между многозначностью и отсутствием значения. Ключевым словом оказывается никак не объясняемое "MEDS EGERN" это транслитерация армянского наименования геноцида 1915 года, что для армянской аудитории сигнализирует о полном принятии ее точки зрения, но одновременно для остального мира оказывается не наделенным каким-либо смыслом знаком.

⁴ Cp: "Doublethink means the power of holding two contradictory beliefs in one's mind simultaneously, and accepting both of them. He therefore knows that he is playing tricks with reality; but by the exercise of doublethink he also satisfies himself that reality is not violated. To forget any fact that has become inconvenient, and then, when it becomes necessary again, to draw it back from oblivion for just so long as it is needed, to deny the existence of objective reality and all the while to take account of the reality which one denies – all this is indispensably necessary" (Orwell, 1984, p. 2, chapter 9).

Таковы основные характеристики заявлений Обамы с 2009 по 2014 годы. Повторяясь ежегодно, текст Обамы теряет креативный и перформативный потенциал и застывает как ритуал. Говорящий из автора становится знаком самого себя — актером. Так происходит «иллокутивное самоубийство», если воспользоваться термином Зено Вендлера. Но в последнем заявлении от 2015 года Обама, сохраняя верность своему принципу балансирования между высказанным и невысказанным, находит новые семантические средства. Развивая принцип построения политического дискурса средствами поэтики, он создает текст, адекватная семантизация которого требует техники интертекстуального анализа поэтического текста.

3.3. Последнее заявление Обамы

Анализируемое заявление от 23 апреля 2015 года существенно отличается от предыдущих. В нем усилены тенденции, содержащиеся ранее, что приводит и к качественным различиям. Во-первых, выделение экспрессивных характеристик лексики делает изложение более драматичным и эмоциональным. Но еще значительнее смысловые изменения: суммирование нововведений создает параллельное основному тексту сообщение. Выделим те компоненты, которых не было во всех предыдущих заявлениях (2009–2014).

Первый абзац, формально повторяя все предыдущие обращения президентов, содержит три до этого не встречавшихся компонента:

This year we mark the centennial of the Meds Yeghern, the first mass atrocity of the 20th Century. Beginning in 1915, the Armenian people of the Ottoman Empire were deported, massacred, and marched to their deaths. Their culture and heritage in their ancient homeland were erased. Amid horrific violence that saw suffering on all sides, one and a half million Armenians perished (подчеркнуто нами. -C.3.).

Здесь в первый раз *Османская империя* используется не как обстоятельство времени или места, как во всех предыдущих заявлениях президентов (in the final days of the Ottoman Empire; the 1915 massacres in the Ottoman Empire), а в политическом смысле — как государство, чьими гражданами были жертвы. Также крайне существенно и указание, что результатом преступления оказалось уничтожение культуры и наследия исторической родины армянского народа 5 , что также ни разу не встречалось ранее. Но самое примечательное — несколько отклоняющееся выражение: the first mass atrocity of the 20th Century .

На самом деле, что считать *первым* массовым злодеянием XX века? – вопрос спорный. Это выражение становится понятным, если проследить его интертекстуальную историю. Так, термин *atrocity*, применительно к событиям 1915 года, впервые появляется еще в 1916 году, в документах конгресса США, на которые затем ссылается Вудро Вильсон в своем обращении к парламенту ⁶:

Whereas the testimony adduced at the hearings conducted by the subcommittee of the Senate Committee on Foreign Relations have clearly established the truth of the reported massacres and other **atrocities** from which the Armenian people have suffered (1920).

Это слово становится у Обамы основным для характеристики событий 1915 года, оно встречается во всех его заявлениях:

Ninety four years ago, one of the great atrocities of the 20th century began (2009).

On this solemn day of remembrance, we pause to recall that ninety-five years ago **one of the worst atrocities of the 20th century** began (2010).

We solemnly remember the horrific events that took place ninety-six years ago, resulting in **one of the worst** atrocities of the 20th century (2011).

Today, we commemorate the Meds Yeghern, one of the worst atrocities of the 20th century (2012).

Today we commemorate the Meds Yeghern and honor those who perished in **one of the worst atrocities of the 20th century** (2013, 2014).

...such atrocities must always be remembered if we are to prevent them from occurring ever again (2014).

Уместно напомнить, что из президентов США выражение *atrocity* до Обамы употребил только Вудро Вильсон, остальные использовали такие синонимичные ему, как: *mass killings, massacres, crime against humanity, great calamity*. Так что употребление этого выражения — одновременно и отсылка к великому предшественнику Вудро Вильсону, и ссылка на свое «нововведение». Слово *atrocity*, помимо своего лекси-

⁵ Напомним, что термин «Западная Армения» встречается, помимо армянских документов, только в заявлении Государственной Думы России: Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, основываясь на неопровержимых исторических фактах, свидетельствующих об истреблении армян на территории Западной Армении в 1915–1922 годах (Об осуждении геноцида армянского народа в 1915–1922 годах..., 22 апреля 1995 г.).

⁶ 66th Congress 2nd Session House of Representatives Document No. 791 Mandate For Armenia; Message from the President of the United States, requesting that the Congress grant the executive power to accept for the United States a mandate for Armenia; May 24, 1920.

ческого значения, приобретает также и интертекстуальную семантику: оно отсылает к первым официальным документам США и американской истории, к Вудро Вильсону, чье словоупотребление воскрешает Обама, и, наконец, это своего рода персональный маркер текстов Обамы — он единственный из современных президентов, кто употребляет это слово. Очевидна претензия и на новаторство, и на аутентичность номинации, и на идентификацию с президентом-гуманистом и реформатором внешнеполитического курса США.

Однако в своем заявлении 2015 года Обама несколько модифицирует его — из понятного *one of the great atrocities* или же *one of the worst atrocities of the 20th century* он создает отклоняющееся выражение: *the first mass atrocity of the 20th Century*. Оно появляется как результат интертекстуальной контаминации. Дело в том, что несколько ранее (12 апреля) прозвучало заявление папы Франциска Первого, где он (повторяя, в свою очередь, совместное заявление папы Иоанна Второго и католикоса Гарегина Второго от 2001 года) назвал событие 1915 года «первым геноцидом XX века» ⁷.

Из двух приемлемых выражений Обама создает новое:

One of the worst atrocities of the 20th century

==> the first mass atrocity of the 20th Century

The first Genocide of the twentieth century.

Сам отклоняющийся характер нового выражения взывает к уточнению и объяснению. Оно должно восприниматься как обмолвка, результат определенной хезитации в процессе выбора между двемя альтернативами. Поэтому в результате его осмысления должна быть восстановлена «правильная» форма (вспомним мандельштамовское «Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь»). Но и здесь Обама верен себе: сквозь текст проглядывает правильное выражение, но какое именно из двух альтернатив – не уточняется.

Этот случай похож на употребление Рейгана: когда 22 апреля, примерно тогда, когда отмечается дата геноцида армян, он выступил с заявлением об осуждении нацистского холокоста, но вместе с тем бегло упомянул события 1915 года и назвал их геноцидом ⁸. Но то, что у Рейгана выступает как путаница и проявление присущего этому президенту эксцентризма, у Обамы преобразуется в хорошо расчитанный прием «одно вместо другого», причем – вновь процитируем – построенный «так, чтобы в процессе восприятия сообщения замещенный объект мог бы быть восстановлен» ⁹.

У Обамы подобная «путаница» носит сознательный характер; более того, он сам оставляет в тексте следы, по которым его «ошибка» может быть исправлена. Так, в четвертом абзаце появится имя Франциска, а до этого мы встретим целый комплекс подобных «обмолвок», причем будет намечено и то, как их можно «исправить».

Беспрецедентным, поскольку он вводит темы, до этого ни разу не упоминавшиеся в заявлениях президентов, можно считать второй абзац:

As the horrors of 1915 unfolded, U.S. Ambassador Henry Morgenthau, Sr. sounded the alarm inside the U.S. government and confronted Ottoman leaders. Because of efforts like his, the truth of the Meds Yeghern emerged and came to influence the later work of human rights champions like Raphael Lemkin, who helped bring about the first United Nations human rights treaty.

Впервые в подобного рода документах появляются крайне значимые имена Генри Моргентау и Рафаэля Лемкина (см. выше, раздел 2). Но, цитируя их и упоминая их деятельность, Обама крайне неточен. Относительно деятельности Г. Моргентау приведена «половина правды» – не указано, что Моргентау оставил такие свидетельства о событиях 1915 года, которые и дают основания назвать их геноцидом. Именно как о подобном свидетельстве и писал сенатор Обама в вышеупомянутом письме к К. Райс:

At the time of killings, it was U.S. State Department officials working in the Ottoman Empire who drew attention to the horrors describing the massacres as a "campaign of race extermination" (U.S. Ambassador to the Ottoman Empire from 1913–1916, Henry Morgenthau).

⁷ "In the past century our human family has lived through three massive and unprecedented tragedies. The first, which is widely considered the first genocide of the twentieth century" (John Paul II and Karekin II, Common Declaration, Etchmiadzin, 27 September 2001), struck your own Armenian people, the first Christian nation, as well as Catholic and Orthodox Syrians, Assyrians, Chaldeans and Greeks." – Greeting of the holy father at the beginning of celebration, 12/04/2015 (URL: http://www.armenian-genocide.org/Affirmation.461/current-category.189/affirmation-detail.html).

⁸ Like the genocide of the Armenians before it, and the genocide of the Cambodians which followed it – and like too many other such persecutions of too many other peoples – the lessons of the Holocaust must never be forgotten (Ronald Reagan, Proclamation 4838 of April 22, 1981, Days of Remembrance of Victims of the Holocaust).

⁹ Лотман М.Ю. О соотношении звуковых и смысловых жестов в поэтическом тексте // Золян С.Т., Лотман М.Ю. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллин : Изд-во Таллин, ун-та, 2012. С. 40.

Здесь возникает характерная для Обамы комбинация то ли явной ошибки, то ли профессиональной подтасовки (а он, к тому же, в молодости был и редактором специализированного профессионального журнала "Harvard Law Review"). Напомним: первым документом ООН по правам человека принято считать основополагающую Всеобщую декларацию прав человека, именно день ее принятия (10.12.1948 г.) и считается Международным днем прав человека. Что касается Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (далее – Конвенция о геноциде), то она не входит в список документов по правам человека. На сайте управления верховного комиссара ООН по правам человека она упомянута не среди основных документов, а, как имеющая отношение к правам человека, в рубрике «Военные преступления и преступления против человечности, включая геноцид» ¹⁰. Обама использует то обстоятельство, что Конвенция о геноциде была принята 9 декабря 1948 года, то есть на день раньше Всеобщей декларации прав человека, но не указывает, что в данном случае он отклоняется от принятого подхода. «Правильную» версию мы вновь находим в письме сенатора к Государственному секретарю:

It was his study of the Turkish massacres of Armenians that motivated Raphael Lemkin to coin the word genocide in 1941 and to press for the drafting and passage of the UN Genocide Convention in 1948 11.

Как видим, второй абзац есть искаженный вариант того, что некогда было написано Обамой. В случае Джорджа Буша-младшего это было бы воспринято как очередной «бушизм» (термин, уже вошедший в политическую лексикографию как обозначение характерных для Буша обмолвок и ошибок, демонстрирующих любопытную смесь полуобразованности и самоуверенности) — видите ли, перепутал Конвенцию о геноциде с Всеобщей декларацией прав человека! Однако в случае Обамы действует иной принцип, «бушизмы» несовместимы с созданным им образом автора как интеллектуала — информированный адресат должен воспринимать это как сознательный прием — подсказку, по которой он сможет восстановить «правильный» текст и тем самым понять, что хотел сказать — и в определенном отношении действительно выразил, хоть и не сказал — автор.

В остальных абзацах нет принципиально нового по сравнению с предыдущими заявлениями Обамы, кроме одного предложения в пятом абзаце:

We welcome the expression of views by Pope Francis, Turkish and Armenian historians, and the many others who have sought to shed light on this dark chapter of history.

Это запутанная интертекстуальная контаминация, отсылающая уже к противоположным точкам зрения, причем сконструирована она по горячим следам – по тому, что было озвучено непосредственноперед заявлением Обамы. На первое есть непосредственное указание – это уже вышеупомянутая речь Франциска Первого. Но совершенно не ясно, что, где и когда сказали армянские и турецкие историки и кого из них конкретно имеет в виду Обама. Большинство турецких историков отрицает факт геноцида, а немногие, кто его признают, находятся вне Турции (напомним, что в самой Турции признание геноцида рассматривается как оскорбление национального достоинства и подлежит уголовному преследованию). Ни в одном из предыдущих заявлений Обамы, где содержатся призывы к диалогу и примирению между армянами и турками и постоянно звучит тема признания темных страниц истории, нет какого-либо упоминания о самих историках.

По всей вероятности, Обама имеет в виду не реальных историков, а интертекстуальных, обитающих в текстуальном пространстве президента Турции Р. Эрдогана. Здесь также действует характерный для Обамы принцип многослойной семантизации, создающий неопределенность и неоднозначность. Приветствуя факт «выражения точки зрения» папы Франциска, Обама не мог не знать, какую бурную реакцию вызвало заявление папы у властей Турции и лично президента Эрдогана и как на это, в свою очередь, отреагировал Европарламент. Турция отозвала своего посла, а Эрдоган выступил с заявлением, нарушающим все дипломатические нормы. Он предложил папе заниматься своим делом, а не историей:

"Whenever politicians, religious functionaries assume the duties of historians, then delirium comes out, not fact. Hereby, I want to repeat our call to establish a joint commission of historians and stress we are ready to open our archives. I want to warn the pope to not repeat this mistake and condemn him. His remarks display the appearance of a mentality different to that of a religious functionary. I won't let historical events be brought out

¹⁰ Cp.: URL: http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CoreInstruments.aspx и http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/UniversalHumanRightsInstruments.aspx

¹¹ Сам Р. Лемкин пишет в своих воспоминаниях: "I understood that the function of memory is not only to register past events, but to stimulate human conscience. Soon contemporary examples of genocide followed, such as the slaughter of Armenians in 1915. It became clear to me that the diversity of nations, religious groups and races is essential to civilization because every one of those groups has a mission to fulfill and a contribution to make in terms of culture... I decide to become a lawyer and work for the outlawing of Genocide and for its prevention through the cooperation of nations". Rafael Lemkin on the Armenian Genocide (Encyclopedia of Genocide / I.W. Charny, S. Wiesenthal, D. Tutu (eds). V. 1 : ABC – CLIO. 1999).

of their own course and turned into a campaign against our country and nation" (URL: http://www.bbc.com/news/world-europe-32309044).

Эрдоган высказал свой часто повторяемый излюбленный тезис о том, что события 1915 года — это история, и поэтому заниматься ею должны исключительно историки, для чего и необходимо создать их совместную комиссию. (При этом выводы, к которым должны придти эти историки, для Эрдогана заранее ясны: I won't let historical events be brought out of their own course and turned into a campaign against our country and nation.) Но его столь оскорбительное по отношению к папе заявление вызвало крайне негативную реакцию. В частности, Европарламент счел нужным дополнить готовящуюся резолюцию еще одним пунктом, в котором он солидаризировался с Франциском и совершенно по-иному, чем Эрдоган, оценивал его речь:

"... Commends the message delivered by His Holiness Pope Francis honouring the centenary of the Armenian genocide on 12 April in a spirit of peace and reconciliation".

Как видим, Обама, вслед за Европарламентом, солидаризируется с мнением Франциска и приветствует его точку зрения, но, в то же время, считает нужным «приветствовать» и точку зрения «армянских и турецких историков», существующих только как давний проект ополчившегося на папу президента Турции. Здесь также действуют механизмы поэтической семантики, позволяющие предложить интерпретации, полностью отличные от того, как следует понимать "the truth of the Meds Yeghern".

Обобщая наблюдения над заявлением Обамы от 2015 года, мы видим что все инновации являются интертекстуальными отсылками. Проанализированные в совокупности, они образуют некое дополнительное по отношению к основному тексту сообщение. Хотя каждая из рассматриваемых отсылок одновременно отправляет к нескольким источникам и может допускать различную интерпретацию, но все они оказываются интертекстуальной метонимической заменой слова «геноцид». Воспринимаемые как единый комплекс, они оказываются смысловой структурой, объединенной вокруг этого ключевого смысла и отсылающей к эксплицирующим этот смысл текстам.

3.4. Мандельштам и Обама: сходство как различие

Очевидно сходство между проанализированными нами приемами, используемыми и в стихотворении Мандельштама, и в заявлении Обамы. Но это сходство подчеркивает принциальное отличие их функционирования в политическом и поэтическом дискурсах.

Многозначность поэтического текста допускает взаимосуществование различных семантических структур, ни одна из которых не отменяет другую. Поэтому «ошибка» Мандельштама создает новую реальность, где сосуществуют Медея, Елена и Пенелопа. Даже действительность, входя в текст, мифологизируется; быт (история) становится источником нового мифа. Многозначность переносится на действительность. Так, некоторый исторический факт – посещение Осипом Мандельштамом в 1917 году в Алуште супругов Судейкиных – преобразуется в продолжение античных мифов. При интерпретации поэтического текста «ошибка» не отменяема – «не – Елена, другая», не заменяется Пенелопой, а хозяйка – Судейкиной.

В политическом дискурсе – напротив, «ошибка» есть ошибка; она должна быть исправлена, а многозначная структура подвержена распаду на различные интерпретации, одна исключает другую и они не могут сосуществовать одновременно. Поэтому в случае дискурса Обамы не происходит порождения новых смыслов, поскольку один смысл нейтрализирует другой. Над ним, как и над всяким политическим текстом, тяготеет судьба быть перформативом, то есть речевым актом, предполагающим определенное действие и выбор. Об этом писал еще в конце сороковых годов классик политологии: «Язык политики – это язык власти. Это язык решений. Он регистрирует решения и вносит в них поправки. Это боевой клич, вердикт и приговор, закон, постановление и норма, должностная присяга, спорные вопросы, комментарии и прения» (1948) 12, но еще задолго до этого – Конфуций. Поэтому в данном случае необходим переход к прагматике, содержание не может исчерпываться самодостаточными семантическими реминисценциями.

Слова Конфуция объясняют, почему в политическом дискурсе подобная сложная контаминация подвержена деконструкции. Как таковая она существует только до момента ее интерпретации в непосредственном восприятии «простого» неинформированного адресата, а при интерпретации она сразу же распадается на взаимоисключающие смысловые структуры. Поскольку «благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять. В словах благородного

 $^{^{12}}$ Лассвелл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 264–279.

мужа не должно быть ничего неправильного» ¹³, то всякое отклонение от «правильного» подрывает иллокутивную и перлокутивную силы высказывания. Уподобляясь не имеющему непосредственной референции в актуальном мире поэтическому высказыванию, политическое высказывание уже перестает быть политическим актом: *И мысль бесплотная в чертог теней вернется*...

Как видим, использование принципов построения поэтических текстов в политическом дискурсе не отменяет их функции. Так, если переложить заявление Обамы ямбом и рифмами, оно не станет поэзией. Аналогично результаты приложения к политическому дискурсу методов анализа и интерпретации поэтического текста ограничиваются сферой действия политической функции языка, направленной на решение тех или иных прагматических (политических) задач. Так, применительно к заявлениям Обамы можно предложить хорошо известное в поэтике разграничение между двумя типами интерпретации текста: замкнутой, когда его семантика определяется исключительно внутритекстовыми связями, и открытой, когда учитываются также референциальные и интертекстуальные связи. Так, буквальное прочтение (то есть учитывающее только то, что сказано) приводит к привычной для выступлений американских президентов уклоняющейся, или маневрирующей интерпретации. Прочитанные опять-таки буквально, но «поармянски» (если адресат понимает семантику слова "Meds Egern"), они оказываются принятием армянской точки зрения, но только в пределах армянской аудитории. Закрытые интерпретации можно считать также простыми, или поверхностными – они учитывают только то, что сказано. «Открытая интерпретация», она же и «глубокая», – учитывает не только сказанное, но и подразумеваемое и выводимое из текста. При такой интерпретации дискурс Обамы из «уклонистского» или «внутриармянского» изменяет свои характеристики.

Для своего адекватного понимания тексты Обамы требуют скорее герменевтического подхода, исходящего из раскрытия интенции автора. Можно предложить путь не деконструкции, а, скорее, ревитализации текстов Обамы, наделения их референциальной и перформативной потенцией. Это означает помещение их в такой контекст, где они приобретают референцию, наиболее совместимую с их семантической и интертекстуальной конструкцией.

4. Заключение

Текст, построенный по постмодернистским канонам, не подлежит верификации, адекватным инструментом его анализа оказывается герменевтика. Именно такой подход предлагается использовать в случае «маневрирующего» или «уклонистского» дискурса, что применительно к дискурсу Обамы оказывается особенно оправданным. В отличие от традиционной риторики клинтоновского дискурса, постмодернистский дискурс предполагает учет не только сказанного, но и подразумеваемого; интерпретатор вправе восстанавливать имеющиеся в тексте аллюзии и эксплицировать интертекстуальные сообщения, на которые есть отсылки в тексте. Так, содержащиеся в последнем заявлении Обамы ссылки не только на свои собственные предыдущие выступления, но и на посла Генри Моргентау, папу римского Франциска и основного автора Конвенции о геноциде Рафаэля Лемкина дают все основания обратиться к тем текстам, на которые указывает Обама и сделать эксплицитными находящиеся в них характеристики произошедших в 1915 году событий как геноцид. В случае применения такой интерпретационной стратегии, которая согласуется с используемой Б. Обамой стратегией смысловой организации сообщения, есть все основания рассматривать тексты его обращений вкупе с теми текстами, к которым он отсылает, как единый и целостный дискурс.

В основе столь изощренной техники *не*произнесения слова – примитивное табу. Табу есть искаженная форма семиозиса, когда абсолютизируется связь между означающим и означаемым и предполагается, что *не*употребление означающего может повлиять на существование или *не*существование означаемого. Табу можно преодолеть, только если выйти за границы мифа, приняв историческую реальность, и от знаков и нарративов перейти к выявлению описываемых ими смыслов, фактов и событий. При таком подходе адресат вправе интерпретировать их как признание армянского геноцида. Действительность, в отличие от высказываний, не подлежит отрицанию: *The facts are undeniable (Обама, 2008)*.

¹³ Знаменитый фрагмент о «правильности имен» можно рассматривать и как первое функциональное описание политического дискурса: «Цзы Лу спросил: "Вэйский правитель намеревается привлечь Вас к управлению государством. Что Вы сделаете прежде всего?" Учитель ответил: "Необходимо начать с исправления имен"... Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться... Поэтому благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять. В словах благородного мужа не должно быть ничего неправильного» (Конфуций. Аналекты. Гл. XIII: Цзы – Лу / пер. В.А. Кривцова).

THE WHITE HOUSE

Office of the Press Secretary FOR IMMEDIATE RELEASE April 23, 2015

Statement by the President on Armenian Remembrance Day

This year we mark the centennial of the Meds Yeghern, the first mass atrocity of the 20th Century. Beginning in 1915, the Armenian people of the Ottoman Empire were deported, massacred, and marched to their deaths. Their culture and heritage in their ancient homeland were erased. Amid horrific violence that saw suffering on all sides, one and a half million Armenians perished.

As the horrors of 1915 unfolded, U.S. Ambassador Henry Morgenthau, Sr. sounded the alarm inside the U.S. government and confronted Ottoman leaders. Because of efforts like his, the truth of the Meds Yeghern emerged and came to influence the later work of human rights champions like Raphael Lemkin, who helped bring about the first United Nations human rights treaty.

Against this backdrop of terrible carnage, the American and Armenian peoples came together in a bond of common humanity. Ordinary American citizens raised millions of dollars to support suffering Armenian children, and the U.S. Congress chartered the Near East Relief organization, a pioneer in the field of international humanitarian relief. Thousands of Armenian refugees began new lives in the United States, where they formed a strong and vibrant community and became pillars of American society. Rising to great distinction as business people, doctors, scholars, artists, and athletes, they made immeasurable contributions to their new home.

This centennial is a solemn moment. It calls on us to reflect on the importance of historical remembrance, and the difficult but necessary work of reckoning with the past. I have consistently stated my own view of what occurred in 1915, and my view has not changed. A full, frank, and just acknowledgement of the facts is in all our interests. Peoples and nations grow stronger, and build a foundation for a more just and tolerant future, by acknowledging and reckoning with painful elements of the past. We welcome the expression of views by Pope Francis, Turkish and Armenian historians, and the many others who have sought to shed light on this dark chapter of history.

On this solemn centennial, we stand with the Armenian people in remembering that which was lost. We pledge that those who suffered will not be forgotten. And we commit ourselves to learn from this painful legacy, so that future generations may not repeat it.

(URL: http://osce.usmission.gov/apr 30 15 armenian remembrance day.html)

Список использованной литературы

- 1. Золян, С. Президенты США о геноциде армян. Семантический и прагматический анализ «маневрирующего» дискурса [Текст]. Ереван : Лимуш, 2015. 171 с. (на армянском языке).
- 2. Казарин, В.П. Стихотворение О.Э. Мандельштама «Золотистого меда струя из бутылки текла…» [Электронный ресурс] / В.П. Казарин, М.А. Новикова, Е.Г Криштоф // Знамя. 2012. № 5. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/znamia/2012/5/k21.html
- 3. Лассвелл, Г. Язык власти [Текст] // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 264—279.
- 4. Лотман, М.Ю. О соотношении звуковых и смысловых жестов в поэтическом тексте [Текст] // Золян С.Т., Лотман М.Ю. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллин: Изд-во Таллин. ун-та, 2012. С. 19–51.

References

- 1. Zolyan, S. Prezidenty SShA o genotside armyan. Semanticheskiy i pragmaticheskiy analiz "manevriruyushchego" diskursa [The U.S.A. Presidents on the Genocide of Armenians. The Semantic and Pragmatic Analysis of "Maneuvering" Discourse] [Text]. Yerevan: Limush Publishing House, 2015. 171 p. (in Armenian).
- 2. Kazarin, V.P. The Verse of O.E. Mandelshtam "Golden Honey Was Pouring ..." [Electronic resource] / V.P. Kazarin, M.A. Novikova, Ye.G. Krishtof // Znamya. 2012. N 5. Mode of access: http://magazines.russ.ru/znamia/2012/5/k21.html (in Russian).
- 3. Lassvel, G. The Language of Power [Text] // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. Yekaterinburg, 2006. Issue 20. P. 264–279 (in Russian).
- 4. Lotman, M.Yu. On the Correlation of Colour and Sound Gestures in a Poetic Text [Text] // Zolyan S.T., Lotman M.Yu. Issledovaniya v oblasti semanticheskoi poetiki akmeizma [Studies of the Semantic Poetics of Acmeism]. Tallinn: Tallinn University, 2012. P. 19–51 (in Russian).

Раздел III

Интрасемиотические и интерсемиотические проблемы перевода

УДК 81'366+81'255.2

Ф.*А. Литвин*, *д-р филол. наук* (Орл. гос. ун-т., Орёл)

Перевод и грамматические категории (на материале параллельных текстов): статья 4

В данной статье, завершающей серию из четырех статей, анализируется функционирование аспектных форм в английском языке (в его британском и американском вариантах) на материале четырех переводов исходного русского текста. Сопоставление видовых форм в этих параллельных текстах обнаруживает высокий процент внутри- и межвариантных несовпадений. Далее видовые формы в английских переводах сопоставляются с их аналогами в немецких и французских переводах и в исходном русском тексте. Отмечается неправомерность рассмотрения категории вида в русском языке как эталона этой категории в других языках. Анализ материала, представленный в завершающейся серии статей, дает основания говорить о наличии межъязыкового категориального инварианта категорий таксиса и аспекта (вида), который в каждом отдельном языке представлен разными вариантами, в разной степени грамматическими. Одноименность категории не означает полного тождества ее значения и грамматического характера в разных языках. Грамматичность влечет за собой необходимость выбора формы глагола, но сам выбор есть производное от интерпретации адресантом обозначаемой высказыванием ситуации.

параллельные тексты, совпадение/несовпадение форм, «чистые» несовпадения, выбор формы как производное от интерпретации события адресантом

> Litvin, Felix, Ph.D (Doctor of Philology), Professor (Orel State University, Orel, Russia)

Translation and Grammatical Categories (Analysing Parallel Texts) (4)

The fourth part presents the analysis of aspectual verbal forms functioning in four British and American translations of the identical Russian text. Comparison of the aspectual forms in the parallel texts reveals a high percentage of mismatches both in and between the two variants. The aspectual forms in the English translations are then compared with their analogues in the German and French translations and in the text in the source language. A point is made of the fallacy of regarding aspect in Russian as the standard. The analysis of the parallel texts presented in the series of articles leads to accepting the validity of idea of an interlingual categorical invariant of the categories of taxis and aspect, manifested in each language by a variant with specified meaning and grammatical status, so that categories with the same name are not completely identical in different languages. A grammatical category means a mandatory choice of grammatical forms, but the choice is in each case the corollary of the addresser's interpretation of the denoted event.

Parallel texts, forms matching and mismatching forms, "pure" mismatches, choice of form as corollary of addresser's interpretation of event

статье 1 (см.: Иностранные языки в высшей школе. 2014. Вып. 3 (30)) был дан краткий обзор литературы о глагольной категории вида (аспекта) в английском и немецком языках. Дополним этот обзор сведениями о данной категории в литературе по грамматике французского языка. Множественность описаний этой категории не меньшая, чем в описании английского глагола, - недаром параграф, открывающий ее описание, В.Г. Гак называет «Проблема вида во французском языке». Вид определяется им как «категория глагола, обозначающая характер протекания процесса», с уточнением: «Конкретные свойства процесса, отражаемые в видовых значениях, разнообразны...» А второй абзац этого параграфа начинается с констатации: «Вопрос о виде во французском языке принадлежит к числу спорных» 1. Далее говорится о «шести точках зрения на вид как грамматическую категорию во французской грамматике: а) эта категория представлена оппозицией простых и сложных времен; б) оппозицией линейных и точечных времен; в) обеими оппозициями вместе; г) глагольными перифразами; д) этой категории во французском языке не существует; е) время и вид образуют одну "сверхкатегорию", которая реализуется в контексте»². Такой разброс в описаниях, как и в литературе об английском языке, вызван частично объективными причинами: «Разные теоретические осмысления объясняются неоднородностью значения самих форм вида»³. (Этим замечанием В.Г. Гак завершает очень сжатый экскурс в аспектологию славянских языков, но оно совершенно справедливо и для описания других языков, где добавляются трудности, вызванные разнородностью не только значений, но и «самих форм вида».) Но в не меньшей мере сказываются и субъективные факторы, из которых отметим два. Это, во-первых, разная интерпретация базовых терминов: что понимает грамматист под категорией, различаются ли при этом «философские» («общие», «понятийные», «семантические») и грамматические категории (и как понимается «грамматическое») - как по «общему понятию», так и по наличию регулярных соответствий форм в данном языке. Нередко обнаруживается, что мы имеем дело не с научным спором или дискуссией, а с обсуждением описания разных объектов или отношений, которые именуются одним и тем же термином, – или с разными описаниями одного и того же объекта с разных исходных позиций, то есть с дополнительными по отношению друг к другу описаниями. Во-вторых, это презумпция полной идентичности плана содержания категории вида (при ее наличии) в разных языках – и (особенно в работах отечественных лингвистов) эталонность структуры категории вида в славянских языках (в частности, русском) при рассмотрении любого другого языка. Эта презумпция имплицитно выводится из чисто хронологических данных об истории науки: в большинстве работ отмечается, что аспектология возникла на базе изучения славянских языков. Ср., например: «Понятие "аспекта" было разработано в 19-м веке немецкими лингвистами при изучении славянских языков, в частности русского, а потом при изучении греческого глагола. Между глаголами существуют лексические оппозиции (совершенный/несовершенный), которые нельзя объяснить одной хронологией; в древнегреческом языке оппозиция настоящего времени, аориста и перфекта – в основном аспектуальной природы. Из изучения отдельных языков родилась общая категория, аспект, которую лингвисты разработали и распространили на другие языки, в частности романские» 4. При неосторожном обращении из этого неоспоримого факта истории науки могут получиться, например, такие сопоставления: «Таким образом, очевидно, что русскоговорящие, изучающие французский язык, сталкиваются с глагольной системой, значительно отличающейся от глагольной системы их родного языка. Несомненно, что Imparfait выражает видовое значение – значение несовершенного вида. Это значение не возникает контекстуально, оно присуще самой форме Imparfait. Это – значение непрерывного действия, "процессность" по терминологии, принятой в настоящее время в лингвистике. Что касается Passé simple, то значение совершенного вида, по-видимому, не является постоянно присущим ему значением, а обусловливается контекстом. Соотношение видового значения Passé simple и совершенного вида в русском языке еще требует тщательного изучения» ⁵. И хотя здесь упоминается и процесс изучения языка, в заключительном абзаце статьи под заголовком «Категория вида...», такая постановка вопроса отражает именно презумпцию эталонности структуры (и номенклатуры) категории вида в русском языке. Реакцией на такую презумпцию можно объяснить отказ от термина «вид» в описаниях неславянских языков, пример которого приво-

¹ Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. С. 165.

² Там же. С. 169.

³ Там же. С. 166.

⁴ Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris : Quadrige/PUF. 1re édition : 1994, 3e édition : 2004, fébrier. 646 p.

⁵ Сенченкова М.В. Категория вида в русском и французском языках // Вестник МГОУ. 1996. № 1. С. 170.

дился в статье 1 ⁶. В.Я Плоткин аргументировал такой отказ именно специфичностью данной категории в разных языках: «Этот термин сложился, как известно, на славянском материале, где соответствующее грамматическое явление очень специфично и мало напоминает то, что обозначается этим термином в нашей англистике. Достаточно сказать, что у русского глагола вид вообще не является категорией словоизменительной, а видовые пары состоят из разных слов» ⁷. То есть признаётся наличие общего (инварианта), что и обусловливает «соответствие» этого явления в разных языках, а отрицается идея полного совпадения в национально-специфических вариантах структуры и способа выражения видового значения, которая лежит в основе упомянутой выше презумпции наличия эталона. Терминологически избежать такого упрощения можно употреблением термина «аспект», который можно считать «зонтичным»: ведь научная дисциплина, объектом изучения которой является эта категория, и в русскоязычной терминологии называется «аспектологией».

Из четырех представленных в материале языков именно в английском наиболее очевидно наличие морфологической грамматической категории, основанной на семантическом признаке, практически единодушно рассматриваемом как дифференциальный для категории вида, — характер именуемого глаголом события (действия, процесса, состояния). В парадигме английского глагола регулярно противопоставляются формы (включая неличные) по наличию/отсутствию прерывистой морфемы be + -ing. И это противопоставление коррелирует именно с разной характеристикой номинируемого действия. Далее «возможны варианты»:

- 1. Возможно описание парадигмы английского глагола, в котором различие по характеру действия передается не одним, а двумя регулярными противопоставлениями форм: наличием или отсутствием be+ing и наличием или отсутствием have+-en. Далее мы либо принимаем отмеченное Р. Якобсоном различие в семантике этих противопоставлений (характер действия соотносительно с другим действием или вне такого соотнесения) в и считаем это различие достаточным, чтобы говорить о двух разных категориях, либо так не считаем и рассматриваем эти две оппозиции как выражение двух подкатегорий категории вида (аспекта), либо как две категории, представляющие одну грамматическую суперкатегорию вида (аспекта), которая в свою очередь есть одно из проявлений семантической категории глагольного вида.
- 2. Возможны разные описания статуса маркера be + -ing как специфической разновидности морфемы или как показателя специфической разновидности словосочетания только в рамках «малого синтаксиса» и не представляющего собой образца, по которому могут быть образованы аналогичные сочетания (например, $He \ keeps \ smiling$, при всей его семантической близости к $He \ is \ smiling$, не может рассматриваться как построенное по той же modenu).

Все эти варианты не различаются как правильные и неправильные, а представляют собой разные описания, основанные на разных сторонах описываемого объекта и на осознанном выборе основ такого описания.

В любом случае категориальный статус форм, противопоставленных по наличию/отсутствию be +-ing, в английском языке можно считать абсолютным. Прежде всего потому, что это противопоставление присуще в английском языке практически любому глаголу. Наличие в грамматических описаниях утверждения о том, что не все английские глаголы *имеют* форму с be + -ing, есть результат нечеткости формулировки. Эта нечеткость подтверждается уже тем, что за утверждением отсутствия у некоторых глаголов видовой формы в этих же описаниях следует констатация возможности функционирования такой формы этих глаголов в случае необходимости. Вот один из многочисленных примеров: «По отношению к категории вида глаголы делятся на имеющие оппозитные видовые формы, и те, которые такой оппозиции не имеют. ...Обычно нейтрализация "видовой" оппозиции зависит от лексических значений соответствующих глаголов» – и в том же параграфе на той же странице: «Иногда, однако, потенциальные значения актуализируются при употреблении формы "длительного вида", показывающей развитие действия в данный момент или на протяжении некоторого периода и подчеркивающей его временный, кратковременный характер, как в She was not hating him any more at that crucial moment (Ruck); You are not seeing him to advantage now (Daily Worker)» 9. Если форма может «употребляться», значит, она у глагола есть, а не возникает по мере необходимости! Есть только одна малочисленная закрытая группа глаголов, у которых не может $\delta bimb$ формы с be + -ing. Это модальные глаголы с усеченной морфологической парадигмой – и, в част-

⁶ Иностранные языки в высшей школе. Рязань, 2014. Вып. 3 (30). С. 44.

⁷ Плоткин В.Я. Строй английского языка. М.: Высшая школа, 1989. С. 119.

⁸ Jakobson R. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb // Selected Writings. 1971. V. 2. P. 130–148.

⁹ Хаймович Б.С., Роговская Б.И. Теоретическая грамматика английского языка (на английском языке). М. : Высшая школа, 1967. С. 138.

ности, не имеющие неличных форм, одна из которых – обязательный компонент маркированной видовой формы. У всех остальных глаголов видовые формы суть часть парадигмы, а разной может быть необходимость и тем самым частотность употребления маркированной формы. Такое «нетипичное» употребление «законно»: оно не нарушает никаких структурных норм языка (типа блокирования нормой формы родительного падежа множественного числа у русских существительных мечта или кочерга). Его ограниченная частотность действительно может быть связана с характером лексического значения глагола и/или с наличием в этом значении метасемиотических элементов: эти формы могут использоваться как способ выражения коннотации и воздействия на адресата. Но это совсем не обязательное условие употребления таких форм. Автор настоящей статьи был свидетелем «семантически чистого» употребления образованным носителем английского языка маркированной видовой формы глагола, числящегося в «черных списках». В экскурсионном автобусе в Кембридже (британском) возникли неполадки с микрофоном экскурсовода. После их устранения экскурсовод для проверки обратился с помощью микрофона к сидящим в автобусе: "Are you hearing me?" Это было не выражением эмоций и не стилистическим приемом, а запросом нужной информации именно в той форме, семантика которой соответствовала данной конкретной ситуации 10. Аналогично в I had a horrid feeling she was seeing right through me and knowing all about me (A. Christie – пример заимствован из: Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. Гл. XV).

Исходя из сказанного, мы будем рассматривать английские тексты в нашем материале как исходные при обсуждении грамматической категории вида (аспекта) (а именно это – объект исследования в серии статей, что отражено и в заголовке), сопоставляя с данными их анализа материал переводов того же текста на немецкий и французский языки и исходного текста на русском языке. Англоязычные переводы в материале были нами сгруппированы по территориальным вариантам.

Количество маркированных видовых форм в переводах

M. Glenny (Ep 1)	28
H. Aplin (Бр 2)	33
D. Burgin & K. O'Connor (Ам 1)	39
R. Pevear & L. Volokhonsky (Ам 2)	37

Внутри- и межвариантные различия есть, но явно не кардинальные. Они вполне соответствуют тому, что отмечается в литературе 11 .

Английский (британский)

Таблица 2

Таблица 1

			Настоящее время	Прошедшее время
Совпадение 12 (30 %)			12	
Несовпадение 27	«компенс.» прич. I	4		4
	«компенс.» др. формой/конструкцией	6	1 (прямая речь)	5
	«компенс.» лексически 7			7
	«чистые» 1	.0	1 (прямая речь)	10 (из них 1 – прямая речь)

Напомним читателю, что сопоставляются разные переводы *одного и того же* предложения (или его части) исходного русского текста. Количество несовпадений более чем вдвое превышает количество со-

¹⁰ Cp.: "People could not believe what they were seeing..." (Markus Zusak. The Book Thief), "They're funny things. Accidents. You never have them till you're having them" (A.A. Milne. The House at Pooh Corner) и "I think not to-day, dear. Another day." "To-morrow?" said Roo hopefully. "We'll see," said Kanga. "You're always seeing, and nothing ever happens," said Roo sadly (Idem), где в третьем фрагменте семантика видовой формы осложнена многозначностью глагола и коннотативными элементами.

¹¹ Например, в «Большой грамматике английского языка» приводятся данные о том, что «прогрессивные [маркированные видовые. – Φ .J.] формы... несколько частотнее (are marginally more frequent) в американском разговорном дискурсе, чем в британском» (Quirk R. [et al]. P. 198).

впадений, а «чистых» несовпадений (не «компенсированных» в контексте ни другой глагольной формой — например, причастием, — ни другой конструкцией, ни лексически) почти столько же, сколько совпадений, и большинство таких несовпадений — как, впрочем, и совпадений — отмечено в формах прошедшего времени. Ср., например: (1) Гость ... проявил величайший интерес к рассказываемому... — Не ... showed the greatest interest in the story... — ... in what he was being told... (2) ... всматриваясь в луну, плывущую за решеткой... — ... staring at the moon floating past the grille... — ... peering at the moon that was floating beyond the grille...(3) Словом, наступила стадия психического заболевания. — I was reaching the stage of mental derangement. — In short, the stage of mental illness began... — и «чистое несовпадение» в (4) Заглянула Прасковья Фёдоровна, спросила, как гость себя чувствует... — Р. F. ... asked Ivan how he felt... — Р. F. ... asked how Ivan was feeling... (5) Рассказ Иванова гостя становился все путанее... — The story grew more and more confused... — Ivan's guest's story was becoming more and more muddled...

Английский (американский)

Таблица 3

			Настоящее время	Прошедшее время
Совпадение 22 (42 %)			4 (прямая речь)	18
Несовпадение 31	«компенс.» причастием I	2		2
	«компенс.» др. формой/конструкцией	7	1 (прямая речь)	6
	«компенс.» лексически	9	4 (прямая речь)	5
	«чистые»	13	4 (прямая речь)	9

Количество несовпадений тоже превышает количество совпадений, но в меньшей пропорции (около полутора). У форм настоящего времени и совпадения, и несовпадения есть только в прямой речи и тоже в заметно меньшем количестве, чем у форм прошедшего времени.

И здесь количество «чистых» несовпадений совпадает с количеством совпадений.

Таблица 4 Межвариантное сопоставление

		Настоящее время	Прошедшее время
Полное сов	падение 11 (18 %)	2 (прямая речь)	9
Несовпадение по количеству 49	1:3 24	4 (прямая речь) (3 Ам, 1 Бр)	20 (12Ам, 8Бр)
	3:1 15		15 (3Ам, 12Бр)
	«совпадение несовпадений» 9	2 (прямая речь)	7
	несовпадения по варианту		1
Несовпадение	«компенс.» прич. I 2		2
	«компенс.» другой формой/конструкцией 16		16
по характеру 51	«компенс.» лексически 11	2 (прямая речь)	9
	«чистые» 21	4 (прямая речь)	17
	«вставки»	1 (прямая речь)	

Количество несовпадений и здесь значительно (в пять раз) превышает количество совпадений. Чаще всего (24) в четырех переводах только одна видовая форма маркирована, реже (15) – только одна немаркирована. Особенно показательны «совпадения несовпадений»: и в том, и другом территориальном варианте одна форма маркирована, другая немаркирована (пятая часть всех несовпадений и больше, чем полных совпадений). Это наглядное подтверждение того, что различие идет не по вариантам, а по индивидуальным авторам переводов. Ср, например: (6) – Пушкина ругает на чем свет стоит ... – "He curses Pushkin for all he's worth – "He's cursing Pushkin like nothing on earth... – He's cursing out Pushkin for all he's worth ... – He curses Pushkin up and down... (7) – Bom вы и поплатились. – Now you're paying for it. – And now you've paid for it. – Now you're paying the price. – So you've paid for it. Из несовпадений почти половина (21 из 51) приходится на «чистые» (некомпенсированные в контексте).

Отметим третье предложение главы: (8) С балкона осторожно заглядывал в комнату... человек примерно лет тридиати восьми. — Peering cautiously into the room from the balcony was a clean-shaven, dark-haired man... — Cautiously looking into the room from the balcony was a clean-shaven, dark-haired man... — A man was standing on the balcony, peering cautiously into the room. — Looking cautiously into the room from the balcony was a clean-shaven, dark-haired man... В трех переводах сказуемое передается маркированной видовой формой, но с инвертированным порядком компонентов, отражающим актуальное членение высказывания («напоминание» о промежуточном статусе конструкции, называемой аналитической формой слова). В третьем переводе сказуемое передано маркированной видовой формой, но другого глагола (was standing = стоял), а сказуемое русского предложения передано причастием английского переводного эквивалента peering (= заглядывая). Мы рассматриваем это соотношение как совпадение: сказуемое предложения выражает и значение длительности события.

Анализ материала английских переводов показывает, что глагольная категория вида регулярно (хотя с меньшей частотностью, чем категория таксиса) представлена в текстах ¹², но выбор формы глагола не жестко детерминирован характером номинированной формой ситуации, а зависит от интерпретации этой ситуации создателем текста.

Сопоставим видовые формы глагола в английском тексте с глагольными формами в *идентичных по содержанию текстах* на немецком, французском и русском языках.

Поскольку в немецком языке отсутствуют глагольные формы, различающиеся по характеру события, номинируемого глагольной формой, проследим соотношение категориальной характеристики форм, аналогичных в переводах английским видовым. У большинства этих форм сохраняются другие грамматические характеристики (категориальные значения залога, наклонения, таксиса и времени). Немногочисленные (менее десяти) расхождения связаны с особенностями передачи косвенной речи в немецком языке — «согласованием времен» и использованием в немецком языке сослагательного наклонения (Konjunktiv). Ср., например: (9) Заглянула Прасковья Фёдоровна, спросила, как гость себя чувствует... — P.F. ... asked Ivan how he felt... — P.F. asked how Ivan was feeling... — P.F. ... fragte, wie er sich fühle... — ... wie sich Iwan fühle... ... wie es Iwan denn geht. Расхождения, вызванные переводческими трансформациями, не обусловленными различием в структуре языка, при таком рассмотрении иррелевантны. Так, например, третий немецкий переводчик в части нарратива Мастера формы прошедшего времени в оригинале передает формами настоящего времени: (10) Я мучился, потому что мне показалось... — I was in torment because ... — I was suffering, because ... — I was in agony because ... // I was in torment, because ... — Es war qualvoll für mich, denn ... — Ich quäl mich, wie ... — Ich quäl mich. ... В какой мере это оправдано — вопрос переводоведческий; но что это никак не связано со структурой языка, совершенно очевидно.

Во французском языке ситуация в известном смысле противоположная: налицо то, что по-французски называется *embarras de richesses* (затруднение из-за большого выбора): английским маркированным видовым формам во французском тексте соответствуют разные глагольные формы, а также другие способы выражения видового значения. Выше (в первом абзаце статьи) мы уже ссылались на представление этой картины В.Г. Гаком. Он приводит разные описания системы глагольного вида во французском языке, в которых различаются соответственно 13, 12, 8 и 6 глагольных видов. В «самом экономном» описании (грамматике Рижель) «выделяются следующие виды глагола: 1) завершенный/незавершенный (accompli/inaccompli), выражаемый противопоставлением простых и сложных времен (il chante/il a chanté); 2) совершенный/несовершенный (perfectif/imperfectif), выражаемый семантикой глаголов (je sors/je marche); 3) пресекающий/непресекающий (sécant/non-sécant), передаваемый противопоставлением imparfait/passé simple: il sortait/il sortit; 4) инхоативный/терминативный (inchoatif/terminatif), выражаемый перифразами с неслужебными глаголами: commencer à / finir de travailler; 5) однократный/итеративный (semelfactif/itératif), передаваемый обстоятельствами (une fois par an/toutes les semaines) или аффиксами (criailler, redire); 6) прогрессивный, выражаемый конструкцией aller + gérondif: Le mal va croissant» ¹³. Из их описания и примеров видно, что речь идет о семантической, а не «чисто грамматической» категории вида.

В нашем материале формам английского настоящего времени (Present Continuous) соответствуют 22 формы Présent и одна форма Passé composé. Формам прошедшего времени (Past Continuous) соответствуют 6 форм Plus-que-parfait, 7 форм Passé simple и 67 форм Imparfait. Если не аналогия форм, то *предпочте*-

¹² Такое соотношение частотности таксисных и видовых форм в тексте совпадает с отмечаемым в лингвистической литературе. В «Большой грамматике английского языка» приводятся цифры, полученные на базе большого корпуса глагольных групп: перфектных форм — около 10 %, маркированных видовых — около 5 %; при этом отмечается, что последние более частотны в разговорном, чем в научном дискурсе (Ibidem. P. 190, 198).

¹³ Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. С. 163.

ния в их соотношении в сопоставляемых языках достаточно очевидны. Есть и несовпадения во французских переводах фрагментов, в английских переводах которых представлены маркированные видовые формы, – и там, где английские видовые формы совпадают, и там, где не совпадают («совпадение несовпадений»). Ср., например: (11) С балкона осторожно заглядывал в комнату ... человек... – Peering cautiously into the room from the balcony was a ... man ... - Cautiously looking into the room from the balcony was a ... man... – A man was standing on the balcony, peering cautiously into the room. – Looking cautiously into the room from the balcony was a clean-shaven, dark-haired man ... - C'était un homme ... Du balcon, il regarda prudemment dans la chambre. – L'individu qui, du balcon, coulait un regard prudent à l'intérieur de la chambre était ип homme ..., где все сказуемые в английских переводах представлены маркированными видовыми формами, и (12) То, о чем рассказывал больной на ухо, по-видимому, очень волновало его. – What the sick man was whispering into Ivan's ear... – What the patient whispered into Ivan's ear ... – ... very excited by what he was whispering into Ivan's ear. – ... greatly agitated by what he whispered into Ivan's ear. – Visiblement, ce que le malade <u>murmura</u> à l'oreille d'Ivan ... – Ce que le malade <u>chuchotait</u> à l'oreille d'Ivan ... (13) Рассказ Иванова гостя становился все путанее... – The story of Ivan's guest was becoming more and more fuddled ...(2) – The story grew more and more confused.... – Ivan's guest's story <u>was becoming</u> more and more muddled... – Le récit du visiteur se fit plus en plus embrouillé... – Le récit du visiteur d'Ivan devenait de plus en plus embrouillé... (14) – Я тебя вылечу, вылечу, – бормотала она... – "I'll cure you," she <u>murmured</u> – "I'll cure you," she <u>was</u> <u>murmuring</u> – "I shall make you better," she <u>murmured</u> ... – "I'll cure you, I will" she <u>muttered</u> – "Je te guérirai, balbutia-t-elle ... – "Je te guérirai", marmonnait-elle ..., где совпадают несовпадения.

Мы не предлагаем рассматривать в качестве языка-эталона по глагольному виду английский язык, но, поскольку он был аргументированно избран нами как исходный при анализе, приведем данные о соотношении маркированных видовых форм в английских переводах с видовыми формами глаголов и глаголами из видовых пар в исходном русском тексте. Дать лингвистическое описание категории глагольного вида в русском языке – задача не менее сложная, чем дать имя коту ¹⁴. Е.В. Падучева с полным основанием говорит о «виде, с его запатентованной сложностью» ¹⁵. Существует множество разных описаний этого лингвистического объекта, часто с противоречащими друг другу интерпретациями фактов. Это касается, в частности, соотношения перфектности и видового значения, а также грамматичности этой категории: от определения вида как «грамматической категории глагола» (а в последующей части словарной статьи: «В плане выражения виды различаются сочетаемостью, ...составом парадигмы, ...строением глагольной основы...:») 16, через «грамматическая (морфологическая) категория, выражающаяся противопоставлением частных грамматических значений совершенного и несовершенного вида. По вопросу о грамматическом значении вида не достигнуто единой точки зрения» ¹⁷ до неприятия термина «вид» в описании неславянских языков, поскольку это «грамматическое явление» в славянских языках «очень специфично» и «не является категорией словоизменительной» ¹⁸. В работах последнего времени конфронтация уступает место идее дополнительности. Ср, например: «...если категорию времени можно описать в чисто грамматических терминах, то исчерпывающее описание категории вида требует широкомасштабного изучения лексического значения глагола...» ¹⁹. В то же время в описаниях семантики видовых форм при всех различиях очевидны общие элементы – и в рамках описания одного языка, и при сопоставлении разных языковых систем. Ср., например: 1. «... семантическое содержание категориальной формы длительного вида может быть сведено к двум элементарным смыслам или "семам": 1) длительность действия (действие уже началось, но еще не завершилось). ... 2) конкретность действия (действие ограничено каким-то определенным моментом или промежутком времени). ... Что касается формы недлительного вида, то она не дает действию какой-либо конкретной характеристики... [Разные возможные] значения выражаются не самой формой недлительного вида как таковой, а выявляются лишь в контексте, в результате взаимодействия лексического значения глагола и значения окружающих слов... Что касается категориального значения самой формы недлительного вида, то ее можно характеризовать лишь негативно – действие не обо-

¹⁴ "The Naming of Cats is a difficult matter, It isn't just one of your holiday games" (T.S. Eliot. The Naming of Cats) («Дать имя коту – очень трудное дело. Это Вам не развлечение в часы досуга». Т.С. Элиот).

 $^{^{15}}$ Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М. : Яз. рус. культуры, 1996. С. 4.

 $^{^{16}}$ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 83 (ЛЭС).

¹⁷ Русский язык : энцикл. / гл. ред. Ф.П. Филин. М. : Сов. энциклопедия, 1979. С. 40.

¹⁸ Плоткин В.Я. Строй английского языка. С. 119.

¹⁹ Падучева Е.В. Семантические исследования... С . 9.

значается в конкретный момент его протекания» ²⁰. 2. «Значение прогрессива может быть разделено на три компонента которые не обязательно присутствуют в каждом данном случае: (а) у события есть *дли-тельность*; (б) у события есть *ограниченная* длительность; (в) событие *не обязательно завершается*» ²¹. 3. «... говоря об инварианте видового значения в лексическом плане, мы вправе принимать во внимание из всех его частных видовых значений только основное. Для НСВ это будет актуально-длительное. ... Ситуация, обозначаемая глаголом [СВ], – это изменение состояния, то есть при нормальном развитии ситуации рано или поздно наступает итоговое – или просто новое – состояние...» ²²

Соотношение русских и английских глагольных форм по виду представлено в лингвистической литературе как эквивалентность английских маркированных форм только формам несовершенного вида, а немаркированных – формам и несовершенного, и совершенного вида²³. Анализ нашего материала требует внесения некоторых уточнений: с формами русских глаголов несовершенного вида соотносятся в 5 случаях как маркированные, так и немаркированные английские глагольные формы настоящего времени, один раз – только маркированные, а один раз обе английские видовые формы настоящего времени соотносятся с глаголом совершенного вида: (15) Bom вы и <u>поплатились</u>.— Now <u>you're paying</u> the price . — So you'<u>ye paid</u> for it. – Now you're paying for it. – And now you've paid for it. Здесь такое соотношение связано со строго морфологическими средствами выражения категории вида в английском языке и лексико-грамматической системой выражения категории в русском языке. В английских переводах мы имеем дело с разными формами одного и того же многозначного глагола to pay, который может быть переводным эквивалентом и платиться, и поплатиться, и расплатиться, и расплачиваться, и платить - глаголов разного глагольного вида. В формах прошедшего времени с формами глаголов несовершенного вида в нашем материале соотносятся в 21 случаях как маркированные, так и немаркированные английские глагольные формы, 18 раз – только маркированные, а 6 раз обе английские видовые формы соотносятся с глаголом совершенного вида. Например: (16) ... так тихо, что то, что он рассказал, стало известно одному поэту толь- $\kappa o \dots - \dots$ so quietly that what he <u>was saying</u> was heard only by the poet \dots - \dots softly that what he <u>told</u> him was known only to the poet... - ... so softly that only the poet could hear what he was saying... // ... so quietly that what he <u>said</u> became known... Показательно, что в переводе следующего предложения с теми же несовпадениями передается глагол несовершенного вида той же видовой пары: (17) То, о чем рассказывал больной на ухо, по-видимому, очень волновало его. – What the sick man was whispering into Ivan's ear ... – What the patient whispered into Ivan's ear ... - ... excited by what he was whispering into Ivan's ear. // ... agitated by what he whispered into Ivan's ear. Здесь такое соотношение связано с явлением, получившим в литературе название «конкуренция видов». Эти два русских глагола, не будучи синонимичными, могут употребляться как взаимозаменяемые, различаясь «фокусом внимания» в каждом конкретном фрагменте текста: «Вопрос "Почему?" требует СВ там, где вопрос "Зачем?" предпочитает глагол несовершенного вида» 24. Различие в «фокусе внимания» у переводчиков может не совпадать с различием у автора исходного текста, что и дает такую пеструю картину соотношения форм.

Подведем итоги. Первое, что бесспорно показал анализ нашего материала, — это плодотворность работы с параллельными текстами при исследовании грамматической семантики, которая еще более недоступна для наблюдения, чем лексическая, — потому что в меньшей степени есть результат рефлексии, а входит в набор стереотипов, на которых основано то, что называется «владение языком». Сопоставление разных переводов одного и того же текста наглядно демонстрирует также, что при наличии в языке грамматической категории, то есть необходимости выбора формы глагола, сам выбор предоставлен адресанту сообщения, то есть обусловлен его интерпретацией обозначаемой высказыванием ситуации. Увеличение количества переводов на один и тот же язык увеличивает возможность дифференцировать факторы варьирования, обусловленные системой языка и предпочтениями переводчика.

Анализ материала дает основания говорить о межъязыковом категориальном инварианте категорий таксиса и аспекта (вида), который в каждом отдельном языке представлен разными вариантами, в разной

²⁰ Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1975. С. 114–145.

²¹ A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk [et al.]. London: Longman, 1980. P. 198.

²² Падучева Е.В. Семантические исследования... С. 85–86.

²³ См., например: Ильиш Б.А. Строй современного английского языка (на английском языке). Л. : Просвещение, 1971. С. 85.

²⁴ Падучева Е.В. Семантические исследования... С. 57.

степени грамматическими. Одноименность категории не означает полного тождества ее значения в разных языках 25 .

Множественность описаний категорий таксиса и аспекта (вида), при отсутствии внутренних противоречий, отражает сложность и континуальный характер объекта описания, и такие описания соотносятся как дополнительные (в смысле Н. Бора).

Список использованной литературы

- 1. Бархударов, Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка [Текст]. М. : Высшая школа, 1975. 156 с.
 - 2. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка [Текст]. М.: Добросвет, 2000. 413 с.
- 3. Ильиш, Б.А. Строй современного английского языка (на английском языке) [Текст]. Л. : Просвещение, 1971.-336 с.
- 4. Кашкин, В.Б. Взаимная дополнительность языков и универсальность [Текст] // Urbi et Academiae Граду и научному сообществу : науч.-практ. журн. СПб. : АЛЕФ-ПРЕСС, 2012. № 1 (3). С. 78–84.
- 5. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990.-685 с. (ЛЭС).
- 6. Падучева, Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива [Текст]. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 464 с.
 - 7 Плоткин, В.Я. Строй английского языка [Текст]. М.: Высшая школа, 1989. 239 с.
 - 8. Русский язык [Текст]: энцикл. / гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Сов. энциклопедия, 1979. 432 с.
- 9. Сенченкова, М.В. Категория вида в русском и французском языках [Текст] // Вестник МГОУ. 1996. № 1. С. 168–171.
- 10. Хаймович, Б.С. Теоретическая грамматика английского языка (на английском языке) [Текст] / Б.С. Хаймович, Б.И. Роговская. М.: Высшая школа, 1967. 298 с.
- 11. Jakobson, R. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb [Text] // Selected Writings. 1971. –V. 2. P. 130–148.
- 12. Quirk, R. A Comprehensive Grammar of the English Language [Text] / R. Quirk [et al.]. London : Longman, 1980.
- 13. Riegel, M. Grammaire méthodique du français [Text] / M. Riegel, J.-C. Pellat, R Rioul. Paris : Quadrige/PUF. 1re édition : 1994 ; 3e édition : 2004 ; fébrier. 646 p.

References

- 1. Barkhudarov, L.S. Ocherki po morfologii sovremennogo angliyskogo yazyka [Sketches of Modern English Morphilogy] [Text]. M.: Vysshaya shkola, 1975. 156 p. (in Russian).
- 2. Gak, V.G. Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka [Theoretical Grammar of French] [Text]. M. : Dobrosvet, 2000. 413 p. (in Russian).
 - 3. Ilyish, B. The Structure of Modern English [Text]. Leningrad: Prosveshcheniye, 1971. 336 p.
- 4. Kashkin, V.B. Reciprocal Complementarity and Universality of Languages [Text] // Urbi et Academiae Nauchno-prakticheskiy zhurnal. Sankt-Peterburg: ALEF-Press, 2012. № 1 (3). P. 78–84 (in Russian).
- 5. Lingvisticheskiy entsyklopedicheskiy slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] [Text] / edited by V.N. Yartseva. M.: Sov. Entsyklopediya, 1990. 685 p. (LES) (in Russian).

²⁵ Ср.: «Определенное соответствие между языками можно найти только на универсальном уровне, в виде потенциала формальных средств и грамматических "интегралов", объединяющих "атомарные" смыслы (если таковые вообще существуют). В конкретных же языках как план выражения, так и план содержания расчленяются в каждом случае по-своему, точнее, избирают свой способ соотнесения "единиц" плана содержания и "единиц" плана выражения из универсального инвентаря возможностей» (Кашкин В.Б. Взаимная дополнительность языков и универсальность // Urbi et Academiae Граду и научному сообществу: науч.-практ. журн. СПб.: АЛЕФ-ПРЕСС, 2012. № 1 (3) С. 80–81).

- 6. Paducheva, Ye.V. Semanticheskiye issledovaniya. Semantika vremeni I vida v russkom yazyke. Semantika narrativa [Semantic Studies. Semantics of Tense and Aspect in Russian. Semantics of Narrative] [Text]. M.: Yazyki rus. kul'tury, 1996. 464 p. (in Russian).
- 7. Plotkin, V.Ya. Stroy angliyskogo yazyka [The Structure of English] [Text]. M.: Vysshaya shkola, 1989. 239 p. (in Russian).
- 8. Russkiy yazyk : Entsiklopediya [The Rusian Language : Encyclopedia] [Text] / edited by F.P. Filin. M. : Sovetskaya entsiklopedia, 1970. 432 p. (in Russian).
- 9. Senchenkova, M.V. The Category of Aspect in Russian and French [Text] // Vestnik MGOU. 1966. N 1. P. 168–171 (in Russian).
- 10. Khaimovich, B.S. A Course in English. Grammar [Text] / B.S. Khaimovich, B.I. Rogovskaya. Moscow: Vysshaya Shkola, 1967.
- 11. Jakobson, R. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb [Text] // Selected Writings. 1971. V. 2. P. 130–148.
- 12. Quirk, R. A Comprehensive Grammar of the English Language [Text] / R. Quirk [et al.]. London : Longman, 1980.
- 13. Riegel, M. Grammaire méthodique du français [Text] / M. Riegel, J.-C. Pellat, R. Rioul. Paris : Quadrige/PUF. 1re édition : 1994 ; 3e édition : 2004 ; fébrier. 646 p.

Материал для анализа

- 1. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/bulgakov_mihail_afanasevich/master_i_margarita
- 2. Bulgakov, Mikhail. The Master and Margarita [Text] / Translated from the Russian by Michael Glenny. Everyman's Library. New York; London; Toronto, 1992.
- 3. Bulgakov, Mikhail. The Master and Margarita [Text] / English translation and notes by Hugh Aplin. One World Classics, 2008.
- 4. Bulgakov, Mikhail. The Master and Margarita [Text] / Translated by Diana Burgin & Katherine Tiernan O'Connor. Annotation & Afterword by Ellendea Proffer. Picador, London, 1997.
- 5. Bulgakov, Mikhail. The Master and Margarita [Text] / Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. London: Penguin Books, 2007.
- 6. Bulgakow, Michail. Der Meister und Margarita [Text] / Aus dem Russischen von Thomas Reschke. − 15. Auflage. − Berlin : Sammlung Luchterhand, © 1994.
- 7. Bulgakow, Michail. Der Meister und Margarita [Text] / Übersetzung : Eric Boerner. Nordestedt : Books on demand GmbH, © 2012.
- 8. Bulgakow, Michail. Meister und Margarita [Text] / Aus dem Russischen übertragen und kommentiert von Alexander Nitzberg. Berlin: Galiani, 2013. 3. Auflage.
- 9. Boulgakov, Michail. Le Maître et Marguerite [Text] / Traduit du russe par Claude Ligny. Pavillons poche Robert Laffont. Villeneuve-d'Ascq, 2012. (© Traduction française: Éditions Robert Laffont, S.A. ALAP, Paris, 1968, 2012).
- 10. Boulgakov, Michail. Le Maître et Marguerite [Text] / Texte presenté, traduit et annoté par Françoise Flamant. Gallimard. (© Éditions Gallimard, 2004, pour la traduction française; 2004 et 2011 pour la préface et le dossier).

Театральная постановка под углом зрения интерсемиотического уподобления

В статье рассматривается семиотическое уподобление как основа системы кодовых переходов, реализуемых в таком типе полимодального дискурса, как дискурс драмы. Драма трактуется как соположенность коррелирующих друг с другом семиотически гетерогенных текстов: пьесы, режиссерской экспликации (сценария) и театральной постановки. При переходе текста пьесы в сценарий имеют место переходы внутри одной кодовой системы. При переходе сценария в спектакль режиссер-постановщик задействует разные кодовые системы, включая мизансценирование, освещение, музыкальное сопровождение, декорации и др.

На примере двух театральных постановок по пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» (режиссеров М. Захарова и Э. Някрошюса) автор статьи показывает механизмы и виды кодовых переходов внутри одной семиотической системы и между разными семиотическими системами в дискурсе драмы. Кроме того, уточняется понятие знака с позиций интрасемиотического и интерсемиотического уподобления и с точки зрения модификации значения, возникающей в трансформационном контексте, конструируемом кодовыми переходами.

полимодальный дискурс, знак, знаковая система, упорядочение, уподобление, кодовые переходы, иконичность

Loginova, Elena, Ph.D. (Philology), Associate Professor (Ryazan State University named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Analogy as a Basis for Intersemiotic Code Metamorphoses in a Theatrical Performance

The paper explores analogy as a universal means of sorting out linguistic and extralinguistic experience. Bringing orderliness through analogy is an axiom which supports the process of intrasemiotic and intersemiotic code metamorphoses in discourse, namely the interpretation of the author's intention by means of different signs within one semiotic system and signs of different semiotic systems. Being a basis for intrasemiotic and intersemiotic code metamorphoses analogy is important for our understanding of discourse development.

Theatrical performance viewed as a unity of related communicative situations within a multimodal discourse (play, scenario, performance) is used by the author of the article to single out different types of code metamorphoses and to identify their peculiarities. This makes it possible to show how these mechanisms of bringing orderliness through analogy ensure meaning across modalities.

multimodal discourse, sign, semiotic system, orderliness, analogy, code metamorphoses, iconicity

а современном этапе развития лингвистической науки все больше исследователей обращаются к изучению того или иного аспекта полимодальной (мультимодальной) коммуникации: просодии, жестов, способов организации информации и т.д. (G. Kress, C. Müller, L. Cameron, A. Cienki, Г.Е. Крейдлин, А.А. Кибрик, О.К. Ирисханова, В.Н. Степанов и др.).

Театральная постановка как полимодальный тип дискурса, то есть совмещающий несколько модусов коммуникации (вербальный, кинетический, визуальный, аудиальный и др.), пока не получила целостного описания именно с точки зрения «означивания» информации (эксплицитной и имплицитной) и ее упорядочения за счет взаимодействия разных знаков и знаковых систем в едином дискурсивном пространстве драмы.

Говоря о дискурсивном пространстве драмы, мы имеем в виду соположенность коррелирующих друг с другом семиотически гетерогенных текстов: пьесы, режиссерской экспликации (сценария) и театральной постановки.

При переходе текста пьесы (ТП) в сценарий (ТП 1) имеют место переходы внутри одной семиотической системы, поскольку и автор пьесы, и режиссер – автор сценария – оперируют знаками одного семиотического уровня. При переходе сценария (ТП 1) в постановку как полимодальный текст (ПТ) режиссерпостановщик задействует разные знаковые системы (мизансценирование, освещение, музыкальное сопровождение, декорации, костюмы и др.). Схематично процесс перехода текста пьесы в сценарий и постановку можно представить следующим образом: ТП- ТП $^1-$ ПТ, где каждый переход- это попытка обозначить иной способ интерпретации авторского замысла.

При таком подходе возникает ряд вопросов, требующих решения. Среди них следующие: Что лежит в основе упорядочения разных знаков и знаковых систем в дискурсивном пространстве драмы? Каковы механизмы этого упорядочения? Что есть знак с точки зрения переходов внутри одной семиотической системы (интрасемиотические переходы) и переходов между семиотическими системами (интерсемиотические переходы) в дискурсивном пространстве драмы?

Попытаемся предложить свои ответы на эти вопросы, опираясь в первую очередь на традиции логического подхода к изучению языка (Г.В. Колшанский), лингвосемиотического подхода к исследованию текста/дискурса (Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, С.Т. Золян, М.Л. Ковшова, И.К. Сескутова, О.К. Ирисханова и др.), теорию диалогического единства (М.М. Бахтин), а также концепцию подобия, используемую в евклидовой геометрии. Последнее позволяет описать возможность реализации переходов внутри каждой соположенной коммуникативной ситуации (пьеса, сценарий, постановка) и между ними с позиций междисциплинарной методологии, характеризующей нынешнее состояние науки о языке (см., например, В.И. Заботкина, А.Д. Кошелев и др.).

В геометрии подобие трактуется как тождество формы при различии величины и характеризуется определенными правилами. Степень подобия может быть разной: подобие плоских фигур, подобие треугольников и др. Как видим, подобие – это критерий, связанный со статикой. Если же говорить о динамике, в частности о развитии дискурса, то механизм, основанный на подобии, функционирует как уподобление.

Уподобление — это одна из основных лингвистических универсалий, проявляющаяся во всем, что касается выражения опыта (лингвистического и экстралингвистического) средствами языка: от грамматического правила до организации информации в тексте/дискурсе. Это путь упорядочения опыта, важнейший, но не единственный. Существуют и другие, в частности, классификация объектов, ранжирование по порядку и т.д.

Однако нас интересует именно уподобление, поскольку оно дает возможность симультанного анализа изменения формы и содержания высказывания при переходах внутри одной семиотической системы и при переходе одной семиотической системы в другую. Иными словами, именно семиотическое уподобление лежит в основе кодовых переходов любого уровня – от замены слова в тексте до различных трактовок произведения режиссерами и актерами.

В рамках настоящего исследования уподобление понимается как механизм взаимодействия разных знаковых/семиотических систем при интерпретации (трансформации) замысла автора, что в рамках кроссмодального подхода позволяет рассматривать уподобление как вид иконичности.

Иконичность достаточно широко трактуется в современной лингвистике в отношении не только отдельных знаков, но и синтаксических конструкций, предложений и целых текстов (J. Haiman, O. Fisher, M. Nänny, К.Я. Сигал и др.). При этом наблюдается тенденция «сокращения» иконичности, когда четко закрепленное значение за формой знака сменяется указанием на более широкие и гибкие категории смысла и индивидуальные ассоциации. В результате, как отмечает Н.Н. Германова, «автономность и самоценность знаковых систем по отношению к окружающей действительности нарастает» ¹.

Уподобление как вид иконичности предполагает не тождество связанных друг с другом за счет кодовых переходов пьесы, сценария и спектакля, а внутреннюю корреляцию их кодовых систем. Виды кодовых переходов как способов уподобления определяются характеристиками взаимодействующих семиотических систем.

В вербальных семиотических системах, где ассоциативный характер опыта (лингвистического и экстралингвистического) упорядочивается строем языка (фонология, морфология, грамматика, риторика), основным средством упорядочения опыта выступает правило. Тенденция к упорядоченности и тенденция к хаосу в языке как бы уравновешивают друг друга, при этом правила как проявление порядка уравновешивают исключения из правил, характеризующие систему любого языка.

¹ Германова Н.Н. Нормирование языка как семиотическая деятельность // Вестник МГЛУ. 2012. Вып. 19 (652). С. 85.

К другим средствам упорядочения можно отнести парафраз, метафору, окказионализмы, аллюзию, которые, как и другие проявления лингвокреативной деятельности человека, призваны упорядочивать опыт с точки зрения поиска и нахождения новых форм для выражения и/или трансформации замысла автора.

В невербальных семиотических системах единицей уподобления могут быть мимические жесты, позы, знаковые движения (в терминологии Р. Бирдвистела «кины» и «кинемы» ²). К невербальной коммуникации относятся тактильная коммуникация, ольфакторная, проксемная и др.

Режиссерская постановка, для которой, как справедливо замечает Г.Г. Почепцов, характерно «семиотическое многоязычие» ³, представляет собой комплексную разноуровневую семиотическую систему, которая не заменяет вербальную систему текста пьесы, а вбирает ее в себя. Поэтому когда мы смотрим спектакль, то имеем дело не с заменой выразительных средств одного вида искусства на выразительные средства другого, а с сочетанием выразительных средств, составляющих единое коммуникативное целое и позволяющих уточнить коммуникативное намерение режиссера спектакля.

Остановимся более подробно на интерсемиотическом переходе – способе уподобления в тех случаях, когда уподобление необходимо для выражения замысла автора в ином контексте средствами иной семиотической системы. В качестве материала для анализа обратимся к пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» и двум ее постановкам: режиссера Э. Някрошюса (совместный проект Фонда Станиславского и литовского театра «Мено Фортас», 2003 год) и режиссера М. Захарова (театр Ленком, 2009 год).

Текст, а театральная постановка трактуется нами как текст, семиотически гетерогенный и полимо-дальный, – это всегда отбор, неважно, лаконичен ли автор или многословен. Так, театральная постановка «Вишневого сада» в интерпретации Э. Някрошюса длится около шести часов, М. Захарова – около двух часов. И в том, и в другом варианте спектакль – это создание образной системы, для чего требуется определенное количество специально организованных «знаковых» деталей, соответствующих замыслу режиссера. Это возможность реализовать соотнесение эксплицитной и имплицитной информации, чтобы она была понятна зрителю и вызвала определенное эстетическое переживание. И в этом смысле это упорядочение, которое движется преимущественно по пути уподобления, а этот путь реализуется за счет способов уподобления информации, коими являются кодовые переходы.

Минимальной единицей уподобления при кодовых переходах из одной модальности в другую, своего рода точкой отсчета упорядочивающего уподобления, выступает сема. Сема не всегда может быть вербально выражена. В спектакле театра Ленком в качестве семы выступает декорация усадьбы Раневской. Это неоднократно перемещающаяся по ходу спектакля деревянная перегородка с открывающимися стеклянными окнами и дверями. Декорация зонирует пространство сцены, позволяя переносить действие из одной комнаты в другую. Но у нее, как представляется, есть и другая — «знаковая» — функция. Декорация символизирует отсутствие взаимодействия между героями, когда кажется, что никто никого не слушает, задает вопросы и не ждет ответа на них. Реплики и монологи персонажей часто накладываются друг на друга, а когда герои говорят все сразу так, что трудно понять текст, это напоминает вавилонское столпотворение, символизирующее несбыточное желание людей установить связь друг с другом.

Через открытое окно перегородки первый раз разговаривают Раневская и Лопахин. Через перегородку происходит разговор Раневской с дочерью, когда Аня говорит о будущем. За перегородкой находится воображаемый вишневый сад, которым любуются герои, вспоминая прошлое. За перегородкой останется в конце спектакля забытый всеми Фирс. И именно рушащаяся перегородка и разбивающиеся стеклянные окна станут финальным аккордом спектакля, символизирующим крушение имения, крушение устоявшегося жизненного и социального уклада и обретенную свободу.

Большинство критиков, комментируя спектакль М. Захарова, писали о «спорном режиссерском решении», о вопросах, «которые возникают у изумленного зрителя с первой минуты и не оставляют до финала», о «бессмысленности и необязательности каждого слова» в спектакле и т.д. ⁴ Действительно, все про-исходящее на сцене кажется неким абсурдом, хаосом. Однако последний содержит в себе систему. Просто не позволяет увидеть ее, как мы привыкли, в упорядоченном состоянии. Н.Д. Арутюнова, рассматривая норму и аномалию, отмечает: «Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном. Аномалия <...> заставляет думать». Еще одна цитата: «Ненормативное явление уже само по себе воспринимается семиотически, это знак скрытого смысла» ⁵.

² Birdwhistell R.L. Kinesics and Context: Essays on Body Motion Communication. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1970.

 $^{^{3}}$ Почепцов Г.Г. История русской семиотики до и после 1917 года. М. : Лабиринт, 1998. URL: http://www.klex.ru/gaf

⁴ Вишневый сад. Театр Ленком. Пресса о спектакле. URL: http://www.smotr.ru/2009/2009_lenkom_vs.htm

⁵ Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт М.: Наука, 1988. С. 300, 313.

Для того чтобы понять скрытый смысл, мы оперируем уподоблением как принципом организации последовательности взаимодополняющих кодовых переходов, не только эксплицирующих авторский замысел, но и обеспечивающих «приращение» смысла, возникающее в результате данных переходов.

В трактовке М. Захарова жизнь уподобляется импровизации, заключающей бесчисленное количество вариантов. Многие персонажи, играющие карикатурно, напоминают маски комедии dell arte (Шарлотта, Яша, Симеонов-Пищик и др.).

Абсурд эксплицируется в спектакле в тот момент, когда на сцене появляется Шарлотта, выпрыгивая из шкафа, к которому обращается Гаев. Первая фраза, которую произносит героиня в спектакле, не соответствует тому, что написано в пьесе. У Чехова Шарлотта появляется в первом действии вместе с Раневской и Аней. На ней дорожное платье. Она держит собачку на цепочке и произносит следующую реплику: «Моя собака и орехи кушает».

В спектакле театра Ленком Шарлотта предстает перед зрителем как клоунесса: в коротком пушистом платье, в ботинках с помпонами и большими яркими бантами на голове. В руке у нее зонтик, которым она кокетливо играет, то открывая, то закрывая его. Ее появление сопровождается громким хлопком и музыкой. Сама же Шарлотта, выпрыгивая из шкафа, поет веселую песенку на немецком языке.

Ответная реплика героини на просьбу Лопахина поцеловать ручку сопровождается жестами, которые не соответствуют тому, что она произносит, и это придает дополнительный смысл ее словам. Так, например, говоря о локте, Шарлотта показывает на грудь. Происходит своего рода дефокусирование ⁶, когда в ходе кодового перехода возникает перераспределение семантических компонентов по степени их выражения в вербальных и невербальных компонентах высказывания.

Сама реплика, которую Шарлотта произносит с заметным акцентом, меняется. В пьесе Чехова героиня говорит фразу: «Если позволить Вам поцеловать руку, то вы потом пожелаете в локоть, потом в плечо...» В спектакле окончание фразы иное: «Если позволить Вам поцеловать руку, то вы потом пожелаете в локоть, потом в плечо, а потом сразу за горло и ...»

Следует отметить, что в постановке фраза Лопахина «Позвольте ручку поцеловать» – это тоже кодовый переход, когда авторская ремарка в тексте пьесы («Хочет поцеловать ей руку») в спектакле репрезентируется вербально.

При переходе текста пьесы в сценарий и в постановку как полимодальный текст происходит не толь-ко перераспределение семантических компонентов, которое эксплицируется, помимо указанных выше средств, в замене слова словосочетанием и, наоборот, замене словосочетания словом, в изменении последовательности реплик персонажей и др. Также может иметь место опущение или добавление семантических компонентов. Режиссер, например, может убрать какие-либо эпизоды, присутствующие в тексте пьесы, компрессируя знаковую систему спектакля, или, наоборот, добавить.

В постановке М. Захарова нет лопахинских реплик «Охмелия, иди в монастырь...», «Охмелия, о нимфа, помяни меня в твоих молитвах». Гаев ни разу не говорит про леденцы.

В постановке Э. Някрошюса конфет, наоборот, утрированно много. Гаев раздает горсти конфет племянницам. Из конфетных фантиков ему складывают погоны. Конфеты бросают в зрительный зал и т.д. Режиссер многое добавляет в свой спектакль, в частности, появляется еще один персонаж — приближенный Лопахина — молодой человек в ярко-розовой рубахе с большим железным кольцом на груди, внешним видом и поведением напоминающий корову. Это апелляция к тому, что Лопахин — это «малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал», «только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком», как он сам о себе говорит в пьесе.

Возможность разной интерпретации пьесы, разных кодовых переходов между соположенными знаками и знаковыми системами при создании театральной постановки обусловлена тем, что знак является единицей, не только репрезентирующей опыт, но и предельно обобщающей его. Отсюда максимальная концептуализация знака, что обусловливает возможность упорядочения как означаемого, так и означающего в процессе кодовых переходов.

Режиссер может воспринимать пьесу, написанную давно, в контексте современной реальности и концептуально выходить за рамки художественного пространства автора произведения, не нарушая авторского замысла, но добавляя что-то к нему. Так, например, в постановке М. Захарова прохожий, появляющийся в сцене разговора Пети, Ани, Лопахина, Гаева и Раневской, — это человек «азиатской внешно-

⁶ О механизмах перспективизации информации в тексте (фокусировании и дефокусировании) см.: Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования : монография. М. : Языки славянской культуры, 2014. 319 с.

сти». Реплики, которые он произносит в спектакле, так же, как и реплики Лопахина и Гаева, изменены. Сравним:

В пьесе А.П. Чехова	В спектакле М. Захарова	
Прохожий. Позвольте вас спросить, могу ли я пройти здесь прямо на станцию?	Прохожий. Позвольте спросить, могу ли я пройти на вашу станцию?	
Гаев. Можете. Идите по этой дороге. Прохожий. Чувствительно вам благодарен. (<i>Кашлянув.</i>) Погода превосходная (<i>Декламирует.</i>) Брат мой, страдающий брат выдь на Волгу, чей стон (<i>Варе.</i>) Мадемуазель, позвольте голодному россиянину копеек тридцать.	Гаев. Можете. Вот откуда пришли, туда и идите (со- провождает фразу жестом). Прохожий (обнимает Гаева за плечи и начинает декламировать.) Брат мой, выдь на Волгу (замол- кает, махнув рукой на Гаева, и обращается к Ранев- ской.) Мадемуазель, позвольте голодному россияни-	
Варя испугалась, вскрикивает. Лопахин (сердито). Всякому безобразию есть свое приличие!	ну копеек тридцать Лопахин (<i>сердито</i>). Всякому безобразию есть предел.	

Прохожий еще раз появляется в спектакле в начале второго действия. В течение нескольких минут он молча стоит в глубине сцены, наблюдая за происходящим. Слова «азиат», «азиатчина», «азиатская страна» несколько раз звучат на протяжении спектакля, возникая в монологе Пети Трофимова, в репликах Яши и других персонажей. Все это примеры кодовых переходов, выражающихся в повторе семантических компонентов.

Являясь одним из основных средств упорядочения формы и содержания дискурса, в вербальной семиотической системе повтор может реализовываться как дословный и вариативный, повтор-эхо, «зеркальное» эхо и др. Гаев в пьесе постоянно повторяет в той или иной вариации фразу «Режу в угол!» из игры в бильярд. Это выражение становится образообразующим знаком для данного персонажа, как и прозвище «двадцать два несчастья» для Епиходова, недотепство которого обозначается как «смешной человек», «пустой человек» и другими вербальными средствами.

В языке кино восприятие режиссируется за счет повтора как регулярности чередования звуков, пауз, жестов, действия, за счет четких режиссерских планов, «наплывов» одного и того же кадра и т.д.

Кинематографической технике «крупного плана» в театре соответствует, например, выхватывание фигуры одного актера световым лучом или яркая одежда на фоне однотонной одежды остальных участников мизансцены. Л. Раневская в постановке М. Захарова стремительно появляется в начале спектакля в ярко-розовом длинном шарфе, который, свободно ниспадая поверх одежды, сразу приковывает к себе внимание зрителя. В заключительной мизансцене спектакля на героине снова шарф, теперь уже яркокрасный, элегантно повязанный вокруг шеи.

В дискурсе драмы частотен не только повтор реплик, жестов, коммуникативных ситуаций, но и музыкальной темы, что способствует созданию эмоциональной атмосферы спектакля и ритмизирует сценическое действие.

Кодовый переход на язык музыки представляет собой интерсемиотический переход, в ходе которого содержание, выраженное имплицитно, репрезентируется музыкальными средствами. Так, в спектакле Э. Някрошюса любовь мужика Ермолая к дворянке Раневской эксплицируется в сцене, когда он поет ей а капелла про горлицу. В постановке М. Захарова музыка в исполнении еврейского оркестра врывается в происходящее и оглушает звуками, под которые Шарлотта отчаянно, гротескно танцует на бильярдном столе, выражая пластикой восприятие дома, его обитателей и собственной жизни. В сцене отъезда Л. Раневская, прощаясь с имением и своим прошлым, напевает под музыку и кружится с чемоданом в руке.

Обращение к семиотике танца – это способ уподобления мысли движению. Как отмечает Ю.А. Гевленко, «танец передает мысль через чувства, прямо запечатленные в образном танцевально-пластическом языке. Чувства и мысль взаимосвязаны, и нередко одно порождает другое» ⁷.

Анализ театральных постановок по пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» режиссеров М. Захарова и Э. Някрошюса показывает, что в дискурсивном пространстве драмы ни у М. Захарова, ни у Э. Някрошюса нет случайных деталей, хотя степень детализации развития знаковых систем в процессе упорядочения соположенных коммуникативных ситуаций при интерпретации замысла разная. Так, вишневый сад в спек-

⁷ Гевленко Ю.А. Семиотический анализ танца // Вестник Том. гос. ун-та. 2009. Вып. 320. С. 89.

такле М. Захарова представлен частоколом на заднем плане — безжизненные белесые стволы. Цветущего сада нет, о нем лишь говорят, им любуются через окна перегородки. Подобная интерпретация предполагает кодовый переход с опорой на векторную замену, когда один и тот же денотат рассматривается с противоположных позиций. В данном случае с позиции того, во что может превратиться вишневый сад и чего не хотят замечать герои.

У Э. Някрошюса сад — «густая поросль маленьких фанерных ветряков у задника: ветра нет, и они смотрят кто куда. Они похожи на игрушечные самолетики, а при боковом белом свете — на скопление знаков, которые, может быть, ничего и не значат» ⁸. Режиссер использует достаточно много кодовых переходов, предполагающих замену семантических категорий. Это выражается в первую очередь в переносах по сходству и смежности. В сцене отъезда из имения после торгов, например, на сцену выносят пакеты, завернутые в белую бумагу. Когда Епиходов ненароком мнет один из них и бумага рвется, то видно, что внутри ничего нет. Пакеты пустые, поскольку взять с собой обитателям усадьбы нечего.

Точкой отсчета упорядочивающего уподобления в спектакле Э. Някрошюса выступает сема (заяц), выраженная и вербально, и невербально. Игрушечного зайца выносит на сцену Аня в первом действии. Шарлотта держит собачку на цепочке, а зайца за пазухой. Сценка, которую Варя, Аня и Шарлотта разыгрывают в спектакле, — это знакомая всем детская шуточная игра «вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет». В финале брошенный Фирс, словно заяц, жует траву, которую сам же и выносит на сцену, а другие обитатели имения надевают бумажные заячьи уши и забиваются между задником и прутиками, обозначающими вишневые деревья, пытаясь укрыться от выстрелов воображаемого охотника.

Постановки М. Захарова и Э. Някрошюса – иллюстрации того, что одного истолкования замысла быть не может, но есть единство в рамках одной интерпретации – то, которое обусловлено уподоблением, имеющим, как можно видеть, фрактальные признаки. Здесь мы вновь обращаемся к математике, где фрактал определяется в терминах фрактальной (дробной) размеренности, связанной с понятиями рекуррентности и самоподобия (F. Hausdorf, J. Hutchinson, A. Безикович и др.).

Если принять фрактал за аксиому, диктующую правило упорядочивающего уподобления в дискурсе драмы, то кодовые переходы можно трактовать как воспроизведение фракталоподобных структур, где каждый последующий переход (внутри одного кода и между разными кодами) — это не частный случай уподобления (хотя его и можно рассмотреть обособленно), а часть системы кодовых переходов, направленной на упорядочение языковых и текстуальных средств выражения замысла. Так, кодовые переходы в пьесе, определяющие кумуляцию опыта при переходе от семы к значению и смыслу, дают режиссеру основание направления организации мизансцен, а также направления модификации художественной детали, переходящей в образ и символ в связи с уточнением замысла.

В целом мы можем говорить о нескольких типах кодовых переходов, реализуемых в процессе интерсемиотического уподобления. Это кодовые переходы, связанные с перераспределением семантических компонентов, их опущением, добавлением или повтором, заменой семантических категорий и векторными заменами. Данные виды кодовых переходов, основанные на типах семантических трансформаций, которые описывал В.Г. Гак⁹, обеспечивают не только смыслоформирование при смене модальности, но и формирование значения знака.

Знак как означающее, означаемое и обобщающее опыта (лингвистического и экстралингвистического) важен, с одной стороны, с точки зрения его функции в осуществлении кодовых переходов (функция единицы уподобления). С другой стороны, с точки зрения приобретения им «знакового значения», которое, если развивать мысль Л. Ельмслева о ситуационном и эксплицитном контексте ¹⁰, возникает в контексте трансформационном, конструируемом кодовыми переходами.

Таким образом, изучение знаков и кодовых переходов между знаками разных модальностей позволяет увидеть за внешними вербальными и невербальными проявлениями глубинные универсалии и ментальные процессы, определяющие характер полимодального дискурса в целом и дискурса драмы в частности.

Список использованной литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст]. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

 $^{^{8}}$ Вишневый сад. Постановка Эймунтаса Някрошюса. Пресса о спектакле. URL: http://www.smotr.ru/2002/2002_nkr_vsad. htm

⁹ Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 78–96.

¹⁰ Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1960. Вып. 1. С. 303–304.

- 2. Гак, В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания [Текст] // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 78–96.
- 3. Гевленко, Ю.А. Семиотический анализ танца [Текст] // Вестник Том. гос. ун-та. 2009. Вып. 320. С. 87–89.
- 4. Германова, Н.Н. Нормирование языка как семиотическая деятельность [Текст] // Вестник МГЛУ. 2012. Вып. 19 (652). С. 74–86.
- 5. Ельмслев, Л. Пролегомены к теории языка [Текст] // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1960. Вып. 1. С. 264–389.
- 6. Ирисханова, О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования [Текст] : монография. М. : Языки славянской культуры, 2014. 319 с.
- 7. Почепцов, Г.Г. История русской семиотики до и после 1917 года [Электронный ресурс]. М.: Лабиринт, 1998. Режим доступа: http://www.klex.ru/gaf (дата обращения: 05.10.2015).

Интернет-ресурсы

- 1. Вишневый сад. Театр Ленком. Пресса о спектакле [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.smotr.ru/2009/2009 lenkom vs.htm (дата обращения: 21.10.2015).
- 2. Вишневый сад. Постановка Эймунтаса Някрошюса. Пресса о спектакле [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.smotr.ru/2002/2002_nkr_vsad.htm_(дата обращения: 21.10.2015).

References

- 1. Arutiunova, N.D. *Tipy yazykovykh znachenii : Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings: Assessment. Event. Fact] [Text]. Moscow : Nauka, 1988. 341 p. (in Russian).
- 2. Gak, V.G. The Semantic Structure of a Word as a Component of the Semantic Structure of an Utterance [Text] // Semanticheskaia structura slova: psikholingvisticheskie issledovaniia [The Semantic Structure of a Word: psycholinguistic research]. Moscow: Nauka, 1971. P. 78–96 (in Russian).
- 3. Gevlenko, Y.A. Semiotic analysis of dance [Text] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Tomsk State University]. Tomsk State University Publishing House, 2009. N 320. P. 87–89 (in Russian).
- 4. Germanova, N.N. Norming the Language as a Kind of Semiotic Activity [Text] // Vestnik MGLU [Herald of Moscow State Linguistic University]. Moscow State University Publishing House, 2012. N 19 (652). P. 74–86 (in Russian).
- 5. Hjelmslev, L. Prolegomena to a Theory of Language [Text] // *Novoye v lingvistike* [Recent Research in International Linguistics]. Moscow: Progress Publishers, 1960. N 1. P. 264–389 (in Russian).
- 6. Iriskhanova, O.K. *Igry fokusa v iazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus Games in the Language. Semantics, syntax and pragmatics of defocus] [Text]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2014. 319 p. (in Russian).
- 7. Pocheptsov, G.G. *Istoriia russkoi semiotiki do i posle 1917 goda* [The History of Russian Semiotics before and after 1917] [Electronic resource]. Moscow: Labirint, 1998. Mode of access: http://www.klex.ru/gaf (date of access: 05.10.2015) (in Russian).

Electronic resources

- 1. The Cherry Orchard. Lenkom Theatre. Play Reviews [Pressa o spektakle] [Electronic resource]. Mode of access: http://www.smotr.ru/2009/2009 lenkom vs.htm (date of access: 21.10.2015).
- 2. The Cherry Orchard by Eimuntas Niakroshius. Play Reviews [Pressa o spektakle] [Electronic resource]. Mode of access: http://www.smotr.ru/2002/2002_nkr_vsad.htm (date of access: 21.10.2015).

Раздел IV

Семантика художественного текста

УДК 81.42

Е.И. Журавлёва, канд. филол. наук (Сев. гос. мед. ун-т, Архангельск)

Особенности взаимодействия фактуальной и подтекстовой информации (на материале поэтического текста)

В статье рассматриваются содержательно-фактуальная и подтекстовая информация, средства их формирования и значимость в поэтическом тексте. На материале конкретных стихотворений показывается, как формируются эти виды информации. Особое внимание уделяется процессу взаимодействия фактуальной информации и подтекста, их взаимовлиянию и взаимопроникновению. В статье подчеркивается, что зачатки подтекстовой информации обнаруживают себя в условиях минимального контекста – словосочетания, предложения. Завершается процесс формирования подтекста на уровне целого текста. Приводятся примеры выведения фактуальной информации на основе подтекста.

поэтический текст, содержательно-фактуальная информация, содержательно-подтекстовая информация, образ, стилистический прием, чувства, ассоциации

Zhuravleva, Elena, PhD in Philology, Associate Professor (Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia)

Features of Interaction Between Factual and Subtextual Information (as exemplified by poetic texts)

The article deals with the factual and subtextual information, its formation as well as its significance in a poetic text. The selected poems serve as a fine example of information creation. Special attention is paid to interaction between the factual information and the subtext, their beneficial interference and influence. The article emphasizes that the rudiments of the subtextual (implied) information can be found in collocations and sentences, whereas the subtext takes its final shape on the textual level. There are several examples of factual information derived from the subtext.

poetic text, factual information, subtextual information, image, stylistic device, feelings, associations

ажнейшими задачами лингвистики текста являются выявление и описание его категорий, исследование того, как они функционируют в тексте, какими средствами формируются. На актуальность этих проблем указывают работы И.Р. Гальперина, Т.Н. Николаевой, З.Я. Тураевой, Л.М. Васильева, В. Дресслера, Х. Вейнриха, Р. Харвега, Э. Косериу. Предельно широкой и «всеобщетекстовой» категорией является категория информативности, которая предполагает универсальное свойство любого текста – нести информацию 1. Последняя в общем смысле являет собой идеальный продукт, фор-

¹ Гальперин И.Р. Грамматические категории текста // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36, № 6. С. 526; Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки. 1987. № 2. С. 39; Vater H. Einführung in die Textlinguistik. München: Fink, 1992. С. 56.

[©] Журавлёва Е.И., 2015

мирующийся в результате процесса активного взаимодействия развитого мозга и окружающего мира ². Информация – понятие сложное и многоуровневое ³. Законченный текст как продукт естественного языка представляет собой поток структурированной информации. Это семантическая информация, передаваемая посредством языкового кода. Комплекс семантической информации любого текста можно разложить на три вида: содержательно-фактуальная информация (СФИ), содержательно-подтекстовая (СПИ) и содержательно-концептуальная (СКИ) ⁴. В данной статье рассматривается содержательно-подтекстовая информация и ее взаимодействие с фактуальной информацией в поэтических текстах, поскольку наиболее ярко подтекстовая информация проявляет себя именно в художественном тексте (И.Р. Гальперин [1981], В.А. Кухаренко [1988], Л.А. Голякова [2006], В.П. Белянин [2007] и др.).

Прежде чем перейти к рассмотрению основного вопроса, необходимо определить понятия содержательно-фактуальной информации и содержательно-подтекстовой информации. Содержательно-фактуальная информация – это информация о фактах, событиях, процессах мира действительного или воображаемого. Она выражается в тексте вербально, в прямых значениях лексических единиц, следовательно, эксплицитна, объективна, легко поддается пересказу «своими словами» ⁵.

Подробная характеристика содержательно-подтекстовой информации дана в диссертационном исследовании Р.А. Унайбаевой «Категория подтекста и способы его выявления». В последние два десятилетия категория подтекста освещалась в работах Л.А. Голяковой (2006), Л.Ю. Чуневой (2006), С.С. Сермягиной (2007), М.П. Козьмы (2008), Е.И. Лелис (2011). Это сложное явление, вызывающее интерес многих исследователей, однако еще недостаточно четко определенное и изученное 6. По мнению Р.А. Унайбаевой, подтекст «представляет собой своеобразный поток неявно выраженных смыслов, возникающих на основе сочетания и взаимодействия эксплицитно выраженных единиц разных языковых уровней» 7. Подтекст имплицитен, возникает в результате актуализации коннотативных аспектов значений слов, однако не отождествляется с ними. Подтекст носит эмоциональный характер, выявляется в результате взаимодействия единиц разных уровней: слов, предложений, сверхфразовых единств (СФЕ) и их сочетаний 8. В работах Л.А. Голяковой понятие подтекста уточняется следующим образом: «Подтекст – это скрытый смысл произведения, не имеющий непосредственного вербального выражения, который актуализируется на разных уровнях сознания воспринимающего текст благодаря процессу воздействия определенным образом организованного автором лингвистического контекста на концептуальную систему адресата» 9. В данном определении подчеркивается, во-первых, невербальный характер подтекста, во-вторых, важность лингвистического контекста в его формировании, в-третьих, активность воспринимающего сознания, умение соединять полученную информацию с накопленным опытом – духовным, социальным, бытовым и т.д. Такое понимание категории подтекста обусловлено антропоцентричностью художественного текста.

Можно сделать предположение, что в поэтическом тексте наличие фактуальной информации будет сведено до минимума. Тем не менее, умалять ее роль не следует, поскольку она является «материальным» носителем «иного, гораздо более существенного, глубинного содержания, составляющего сердцевину лирической коммуникации» ¹⁰.

Рассмотрим формирование содержательно-подтекстовой информации и взаимодействие ее с содержательно-фактуальной на материале стихотворения Р.М. Рильке:

Ein weißes Schloss in weißer Einsamkeit. In blanken Sälen schleichen leise Schauer. Todkrank krallt das Gerank sich an die Mauer, und alle Wege weltwärts sind verschneit.

² Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и ее единицы // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 117.

³ Гальперин И. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. С. 26–27.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же.

⁶ Голякова Л.А. Проблема подтекста в свете современной научной парадигмы // Вестник ТГПУ. Серия «Гуманитарные науки» (Филология). 2006. Вып. 5 (56). С. 93 ; Лелис Е.И. Теория подтекста : учеб.-метод. пособие. Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2011. С. 4.

⁷ Унайбаева Р.А. Категория подтекста и способы его выявления: дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. С. 34.

⁸ Там же. С. 29, 31.

⁹ Голякова Л.А. Проблема подтекста... С. 94.

 $^{^{10}}$ Гончаренко С.Ф. Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод // Поэтика перевода. М. : Радуга, 1988. С. 100.

Darüber hängt der Himmel brach und breit. Es blinkt das Schloss. Und längs den weißen Wänden hilft sich die Sehnsucht fort mit irren Händen... Die Uhren stehn im Schloss: es starb die Zeit ¹¹.

Содержательно-фактуальную информацию текста можно сформулировать следующим образом: Белый замок одинок. Блестящие залы. Страшно. Полузасохший плющ цепляется за стену. Все дороги в мир заснежены. Над ним широкое небо. Замок сияет. Часы в замке стоят (не идут).

Обратимся к подтекстовой информации. Возьмем первую строчку из стихотворения Рильке – "Ein weißes Schloss in weißer Einsamkeit". В рамках первого предложения возникает образ «белого замка в белом одиночестве». Составляющими его являются элементарные образы ein weißes Schloss (1) и in weißer Einsamkeit (2). Остановимся на них подробнее.

- 1. Ein weißes Schloss. Соединение прилагательного цветообозначения weiß и конкретного существительного Schloss рождает сенсорный образ, некую картинку, от которой веет холодом. Почему замок белый? От снега, в тумане, во сне, а может быть, это очень субъективная ассоциация поэта? Образ, вырванный из контекста, остается незавершенным. Малая конкретность возбуждает игру ассоциаций, воображения. Какие эмоции и чувства может вызвать такой образ? Уже на этом уровне происходит столкновение, взаимодополнение и взаимоограничение эмоциональных ассоциаций слов: с одной стороны, сказочность, великолепие замка, надменное величие, исходящее от него, с другой стороны, светлые ощущения, радость, торжественность, однако и холод (не как осязательное ощущение, а как знак внутреннего эмоционального состояния), которые несет белый цвет. Кроме того, ein weißes Schloss – это еще и красиво (гедонистическое чувство)! В результате вырисовывается красивый, величественный, неприступный в своем холодном великолепии образ замка. Его сенсорность, «картинность» принадлежат уровню фактуальной информации, которую дополняют и обогащают эмоциональные ассоциации, вступающие в многообразные связи и определяющие художественность образа, его «сверхзадачу», то, ради чего он мыслился. Все неопределенные ответы на вопрос «почему замок белый?», все размышления воспринимающего субъекта по этому поводу, а также чувства, сопровождающие их, имплицитны. Они принадлежат уровню подтекстовой информации.
- 2. In weißer Einsamkeit. Доминирующий семантический элемент этого образа Einsamkeit/одиночество. Образ построен на основе соединения цвета с абстрактным понятием, что придает ему особую выразительность, поскольку такое сочетание нетипично, ново и соответственно вызывает некоторое чувство удивления и удовольствия. Одиночество это абстрактное понятие, выражающее в большей степени душевное состояние человека. Белое одиночество от него веет покоем и торжественностью. Эмоциональность этого образа проявляется на уровне фактуальной (само по себе слово «одиночество» несет определенные эмоции) и подтекстовой информации (эмоциональная доминанта корректируется в результате извлечения подтекстовой информации).

Воссоединим части предложения. В результате возникает образ удивительной силы и красоты. Наглядность его рисуется конкретным существительным Schloss и прилагательным цветообозначения $wei\beta$. Смысловой доминантой его является Einsamkeit. Цементирующей силой образа является повтор прилагательного $wei\beta$, в первом случае с конкретным предметом, во втором — с абстрактным. (Если бы были два конкретных предмета, такого эффекта не было бы.) Лиричность и безрадостность, сопровождающие чувство одиночества, снимаются сенсорным образом «белого замка» (ein weißes Schloss) и повтором $wei\beta$; выстраивается красивый, статичный, холодный образ, вызывающий чувства торжественности, величественности, возможно, покоя и умиротворения.

Здесь хотелось бы еще раз обратиться к характеристике категории подтекста в работах И.Р. Гальперина и Р.А. Унайбаевой, где СПИ — «это неясное, размытое, а порой и неуловимое соотношение смысла (1) и смысла (2) в отрезке высказывания» 12 . При этом многократно подчеркивается, что это категория не предложения, а текста 13 , что она не отождествляется ни с образом, ни с символом, ни со стилистическим приемом, ни с коннотацией 14 . Однако подтекст может формироваться уже на уровне элементарных обра-

¹¹ Рильке Р.М. Ein weißes Schloss... Сайт: Gedichte.eu. URL: http://www.gedichte.eu/71/rilke/erste-gedichte/ein-weisses-schloss-in.php

¹² Гальперин И.Р. Текст как объект... С. 45.

¹³ Там же. С. 43.

¹⁴ Там же. С. 45 ; Унайбаева Р. А. Категория подтекста и способы ее выявления. С. 20, 29–33.

зов, формирующихся в пределах предложения, а иногда и словосочетания (см. примеры выше). Это зачатки подтекстовой информации, которая возникает из ассоциативной ауры и поэтической энергетики слов, их семантических приращений, эманаций внетекстовых значений вербальных единиц, из пересечения контекстов слов на всех уровнях: звуковом, семантическом, грамматическом, так как именно слово является «исходным элементом языково значимой организации стихотворения» ¹⁵. При этом прямые значения слов-носителей фактуальной информации вовлекаются в эту игру ассоциаций, то есть фактуальная информация существует не сама по себе, это не параллельный поток; она питает подтекстовую информацию, подчиняясь ей и поглощаясь ею, так как фактуальная информация не имеет самостоятельного значения в поэтическом тексте (ср.: эксплицитная сенсорность анализируемого образа, она оттеняет, делает осязаемым нечто более важное). В результате рождается очень своеобразная мерцающая субстанция, обладающая относительной целостностью и замкнутостью, единицами которой являются многомерные образы, разнообразные по структуре и сложности, не изолированные друг от друга, а сосуществующие, взаимопроникающие, усиливающие, ослабляющие и определяющие друг друга, образы пластичные, чувственные, эмоционально заряженные.

Поток ассоциаций, чувств будет трансформироваться, от чего-то освобождаться, что-то приобретать вновь, развиваться дальше в результате многочисленных сцеплений в рамках всего текста. В итоге выкристаллизовывается структурированная ткань подтекста в полном объеме. Этот процесс завершается, когда каждое слово, предложение рассматривается в контексте каждого другого слова, предложения и всего текста. И в этом смысле подтекст, безусловно, категория не предложения, а текста.

Следует подчеркнуть некоторую субъективность толкования, а следовательно, и формирования субстанции подтекста, «...но такова уж природа СПИ!», – делает заключение И. Р. Гальперин ¹⁶. Более того, в процессе декодирования «подтекст демонстрирует свою неисчерпаемую динамику», поскольку определяется опытом интерпретирующего субъекта, его ценностной ориентацией, духовной осведомленностью и т.д. ¹⁷ «Динамическая палитра может включать в себя как случаи полной невостребованности подтекста и его искажения, так и максимально возможную степень его актуализации» ¹⁸.

Средства, формирующие подтекст, очень разнообразны: звуковая игра (ср.: в анализируемом фрагменте звуковой повтор [s] в трех словах первой строки), коннотативные значения слов, разного рода повторы (в нашем случае повтор прилагательного $wei\beta$), соединение, «соположение», выстраивание в один ряд слов, которые в обыденной речи несовместимы («белое одиночество»), комбинации синтаксических групп, «дистантная перекличка языковых средств» ¹⁹. Названные средства в большинстве своем есть тропы и фигуры, то есть подтекстовая информация рождается в результате использования стилистических приемов – тропов и фигур, но не отождествляется с ними (о чем говорилось выше).

Есть еще один источник подтекстовой информации – ассоциативная аура слов, которая формируется на основе ментального, эмоционального, сенсорного опыта отдельного человека и обобщается на уровне общности носителей данного языка. Это одна из граней облика слова, его «прошлого и настоящего», которая вплетается в семантическую и образную ткань поэтического текста и усугубляет индивидуальность, субъективность его восприятия. В анализируемом тексте сюда относятся ассоциации и эмоции, а также сенсорные характеристики, которые возникали в сознании автора статьи при восприятии стихотворения.

Существует мнение, что начальная СПИ не всегда в совершенной степени имплицитна. В особенности это относится к стилистическим приемам, так как последние, по мнению И.Р. Гальперина, «прямолинейны в выражении двойного смысла высказывания» 20 . Однако, несмотря на это, извлечение уже начальной СПИ требует интенсивной работы мышления и воображения. Выше рассмотренный пример тому свидетельство. Прямолинейность выражается скорее в том, что образ, построенный на основе стилистического приема, притягивает к себе внимание, громко заявляет о себе: в нашем примере повтор $wei\beta$ и невероятное соединение $wei\beta$ + Einsamkeit. Однако чтобы понять, зачем автор использовал эти приемы, чтобы выйти на скрытые смыслы, необходимо заставить работать мысли и чувства. Еще раз подчеркнем, что результаты этой работы во многом определяются опытом воспринимающего субъекта в разных сферах жизни, его мировоззрением и мироощущением.

¹⁵ Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М.: Сов. писатель, 1986. С. 321.

¹⁶ Гальперин И.Р. Текст как объект... С. 43.

¹⁷ Голякова Л.А. Проблема подтекста в свете... С. 94.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 97.

²⁰ Гальперин И.Р. Текст как объект... С. 45.

Традиционно считается, что фактуальная информация формируется прямыми значениями лексических единиц и что подтекстовая информация, имплицитная по своей природе, постепенно проступает сквозь фактуальную ²¹. Думается, что здесь также может иметь место другой способ экспликации СФИ – когда она рождается из подтекста. Рассмотрим третью строку стихотворения: Todkrank krallt das Gerank sich an die Mauer (смертельно больной плющ / вьющееся растение впивается когтями / цепляется за стену). Возникающий на уровне предложения образ построен на приеме персонификации. Образ сенсорный, вырисовывается в результате экспликации фактуальной и подтекстовой информации. В ходе анализа это предложение было переведено в фактуальный план следующим образом: полузасохший плющ цепляется за стену (см. выше СФИ текста). «Смертельно больной человек» как факт – это понятно, «смертельно больной плюш» – с точки зрения «фактуальной», обыденной логики – это непонятно. Попробуем показать, каким образом возникает сформулированная выше фактуальная информация этой строки. Два ключевых слова Gerank (вьющееся растение) и Mauer (стена) создают ярко выраженную ощутимость, осязаемость образа. В данном случае СФИ выводится из прямых значений этих слов. Далее они соединяются с двумя другими – $sich\ krallen$ и todkrank. Значения глагола $sich\ krallen-1$) «впиваться когтями», 2) «цепляться». В его образности (sich krallen) преобладает тактильная модальность. Ассоциации, возникающие в связи с этим словом, создают мотив хищности. Эпитет todkrank оживляет, одушевляет плющ, как и глагол sich krallen, и вызывает ощущение близкой смерти, а с нею чувство страха, отчаяния, безысходности, неотвратимости. Эти два слова (sich krallen u todkrank) являются эмоциональной и смысловой доминантой образа. Образ очень выразительный и сильный, динамичный. Подтекстовая информация строки вырастает из взаимодействия прямых значений слов и игры разного рода ассоциаций, зрительных и тактильных ощущений, эмоциональных токов. Однако фактуальная информация – образ растения в рамках обыденной логики – отчасти формируется прямыми значениями слов (Gerank, Mauer), а отчасти вырастает из подтекста. Таким образом, «смертельно больной "плющ"» – это, вероятно, растение, готовое засохнуть. Это можно рассматривать как факт, выведенный из подтекста.

Приведем другой пример из стихотворения Фридриха Хеббеля "Sommerbild".

Sommerbild

Ich sah des Sommers letzte Rose stehn, Sie war, als ob sie bluten könne, rot; Da sprach ich schauernd im Vorübergehn: So weit im Leben, ist zu nah am Tod!

Es regte sich kein Hauch am heißen Tag, Nur leise strich ein weißer Schmetterling; Doch, ob auch kaum die Luft sein Flügelschlag Bewegte, sie empfand es und verging ²².

В стихотворении дается летняя зарисовка: красная роза достигла наивысшей точки цветения (автор называет ее «последней розой лета»), вдруг появляется бабочка, едва уловимое движение воздуха от взмаха ее крыла несет смерть цветку, роза умирает. Во второй строке стихотворения автор использует сравнение для описания розы — Sie war, als ob sie bluten könne, rot (она была красной, как будто могла кровоточить / истекать кровью). Образ формируется из соединения очень простой и конкретно-сенсорной характеристики sie war rot и яркого чувственного сравнения als ob sie bluten könne. Одно-единственное bluten, перенесенное в несвойственную ему предметно-смысловую сферу, будоражит воображение и вызывает поток ассоциаций, «образов-картинок», мыслей и чувств: красная роза, живая, истекающая кровью, тяжелая, ей больно, болезненные чувства, чувство тяжести. Сравнение формирует фактуальную информацию. Факт состоит в том, что роза ярко-красного цвета достигла определенного момента в своем цветении, момента перехода от наивысшей точки расцвета к увяданию. Следовательно, не всегда пласт фактуальной информации формируется прямыми значениями слов. Подобные примеры не единичны. Выявленный механизм формирования СФИ, вырастания ее из подтекста, требует дальнейшего изучения.

²¹ Гальперин И.Р. Текст как объект... С. 44.

 $^{^{22}}$ Хеббель Φ . Sommerbild. Сайт: Projekt Gutenberg-DE. URL: http://gutenberg.spiegel.de/buch/friedrich-hebbel-gedichte-2662/4

Подведем итоги. Текст как продукт естественного языка есть поток структурированной информации. Все богатство семантической информации текста укладывается в рамки СФИ, СПИ и СКИ. Фактуальная информация эксплицитна, так как формируется прямыми значениями лексических единиц и становится материальным носителем подтекстовой информации. Подтекстовая информация, имплицитная по своей природе, постепенно проступает сквозь фактуальную. Однако, как показал анализ примеров, возможно выведение фактуальной информации на основе подтекста. В зачаточном состоянии СПИ обнаруживает себя, вероятно, уже в условиях минимального контекста — словосочетания, предложения, в том числе контекста, создаваемого на основе стилистического приема. Содержательно-подтекстовая информация находится в постоянном движении и развитии и стремится к своему конечному состоянию, которое достигается на уровне целого текста. Таким образом, СПИ на уровне текста можно определить как конечную, а подтекст на уровне отдельных его фрагментов — как начальную или промежуточную СПИ. Средства, формирующие подтекст, очень разнообразны. В большинстве случаев подтекстовая информация рождается в результате использования стилистических приемов — тропов и фигур. Важным источником подтекстовой информации является ассоциативная аура слов.

Список использованной литературы

- 1. Гальперин, И.Р. Грамматические категории текста [Текст] // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36, № 6. С. 522–532.
 - 2. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст]. М.: Наука, 1981. 139 с.
- 3. Голякова, Л.А. Проблема подтекста в свете современной научной парадигмы [Текст] // Вестник ТГПУ. Серия «Гуманитарные науки» (Филология). 2006. Вып. 5 (56). С. 93–98.
- 4. Гончаренко, С.Ф. Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод [Текст] // Поэтика перевода. М. : Радуга, 1988. С. 100-111.
- 5. Кожина, М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста [Текст] // Филологические науки. -1987. -№ 2. C. 35–41.
- 6. Лелис, Е.И. Теория подтекста [Текст]: учеб.-метод. пособие. Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2011.-60 с.
- 7. Поляков, М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики [Текст]. М. : Сов. писатель, 1986. 480 с.
- 8. Унайбаева, Р.А. Категория подтекста и способы его выявления [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. М., $1980.-201~\mathrm{c}$.
- 9. Черняховская, Л.А. Смысловая структура текста и ее единицы [Текст] // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 117–122.
 - 10. Vater, H. Einführung in die Textlinguistik [Text]. München : Fink, 1992. 206 S.

Список литературных источников

- 1. Рильке, P.M. Ein weißes Schloss ... Caйт: Gedichte.eu [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gedichte.eu/71/rilke/erste-gedichte/ein-weisses-schloss-in.php
- 2. Хеббель, Ф. Sommerbild. Сайт: Projekt Gutenberg-DE [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gutenberg.spiegel.de/buch/friedrich-hebbel-gedichte-2662/4

References

- 1. Galperin, I.R. Grammar categories of the text [Text] // Izvestija Akademii Nauk SSSR. Serija Literatury i jazyka [Izvestija of Academy of Sciences of the USSR. Series Literature and Language]. 1977. Vol. 36, N 6. P. 522–532 (in Russian).
- 2. Galperin, I.R. Tekst kak ob'ekt lingvističeskogo issledovanija [Text as an object of linguistic research] [Text]. M.: Nauka, 1981. 139 p. (in Russian).
- 3. Goljakova, L.A. The Problem of Concealed Meaning from the Point of View of Contemporary Scientific Paradigm [Text] // Vestnik TGPU. Serija: "Gumanitarnye nauki" (Filologija) [Vestnik TSPU. Issue 5 (56). Series "Human Sciences" (Philology)]. Tomsk, 2006. Vyp. 5 (56). P. 93–98 (in Russian).

- 4. Gončarenko, S.F. Poetic structures of the lyrical text and poetic translation [Text] // Poetika perevoda [Poetics of Translation] . M.: Raduga, 1988. P. 100–111 (in Russian).
- 5. Kožina, M.N. On functional semantic and stylistic categories of text [Text] // Filologičeskije Nauki [Philological Sciences]. − 1987. − № 2. − P. 35–41 (in Russian).
- 6. Lelis, E.I. Teorija podteksta: učebno-metodičeskoje posobije [Theory of subtext: Teaching manual] [Text]. Iževsk: Udmurtskij universitet, 2011. 60 p. (in Russian).
- 7. Poljakov, M.Ja. Voprosy poetiki i chudožestvennoj semantiki [Issues of poetics and artistic semantics] [Text]. Moskva: Sovetskij pisatel', 1986. 480 p. (in Russian).
- 8. Unajbajeva, R.A. Kategorija podteksta i sposoby ego vyjavlenija] [Text] : diss. ... kand. filol. nauk [Category of subtext and methods of its detection]. Moskva, 1980. 201 p. (in Russian).
- 9. Černjachovskaja, L.A. The semantic structure of text and its units [Text] // Voprosy jazykoznanija [Problems of Linguistics]. 1983. № 6. P. 117–122 (in Russian).
- 10. Vater, H. Einführung in die Textlinguistik [Introduction to Text-linguistics] [Text]. München : Fink, 1992. 206 p. (in German).

УДК 81'42+81'255.4+378

Е.Л. Марьяновская, канд. пед. наук (РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)

Предпереводческий анализ – предпосылка адекватности полученного результата

В статье предлагается аналитико-синтетический подход к предпереводческому анализу, который в свою очередь рассматривается как совокупность трех этапов. Именно такой подход позволяет обеспечить эффективность и адекватность интерпретации текста и его последующего перевода. Кроме того, в центре внимания статьи — попытка писателя-модерниста связать свое творчество при создании произведения и творчество читателя-переводчика при восприятии этого произведения в аналитико-синтетическое единство. Это единство зиждется на общности индивидуального и коллективного опыта, выражающегося в зафиксированных на бумаге ассоциациях и получающего логическое завершение в рамках сочетания двух контекстов: поверхностного и импликативного. Такой комплексный предпереводческий анализ позволяет увидеть, как каждое слово в ряду других слов становится на верное место и каким образом реализуется замысел автора.

предпереводческий анализ, аналитико-синтетический подход, роль читателя-переводчика, манера письма Дж. Джойса, «Улисс»

Maryanvskaya, Elena, *Ph.D.* (Language Teaching Methodology) (Ryazan State University named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Pre-Translation Analysis as a Prerequisite for an Adequate Translation

The paper suggests an analytical-synthetic approach to pre-translation analysis. Pre-translation analysis, in its turn, is viewed as a unity of three stages. Only when used in combination, these three stages of pre-translation analysis enhance effectiveness and adequacy of interpretation and translation. The article also focuses on the attempt of the modernist

[©] Марьяновская Е.Л., 2015

writer to link his creative activity while writing a novel with the creative activity of its potential reader-translator into an analytical-synthetic unity. This unity is based on the overlap of the individual and collective experience that finds its manifestation in associations, which are logically expressed within the correlation of the explicit and implicit contexts. An in-depth pre-translation analysis of explicit and implicit information contained in a literary piece shows how the right word fits the right slot, envisaged for it by the writer.

pre-translation analysis, analytical-synthetic approach, a reader-translator's role, James Joyce's manner of writing, "Ulysses"

редпереводческий анализ трактуется учеными по-разному в зависимости от того, что каждый из них ставит во главу угла: лингвистические трудности или экстралингвистические трудности, трудности, связанные с формой или трудности, связанные с содержанием (или смыслом).

Среди зарубежных лингвистов развернутую схему предпереводческого анализа разработала К. Норд в работе "Text analysis in Translation". Список вопросов, которые она предлагает, разделены на две большие группы, которые в свою очередь дробятся на более мелкие. В результате предложенная ею схема выглядит следующим образом:

- 1. Внешнетекстовые факторы:
 - а) кто? (автор);
 - б) для чего? (намерение автора);
 - в) кому? (определение реципиента);
 - г) какими средствами?;
 - д) где? (место создания текста);
 - е) когда? (время создания текста);
 - ж) почему? (повод коммуникации);
 - з) с какой целью?
- 2. Внутритекстовые факторы:
 - а) о чем? (тематика сообщения);
 - б) что сообщается? (содержание сообщения);
 - в) что в тексте не сообщается?;
 - г) последовательность сообщения (строение и членение текста);
 - д) выяснение невербальных элементов и их роли по отношению к вербальным частям текста;
 - е) выяснение особенностей синтаксиса (какие типы предложений присутствуют в тексте);
 - ж) выяснение лексического состава;
 - з) определение тональности текста (настроение автора текста);
 - и) выяснение того, какое воздействие оказывает текст 2 .

Схема достаточно подробна, учитывает лингвистическую и экстралингвистическую информацию, заложенную в тексте, хотя некоторые пункты дублируют друг друга. Но такая трактовка предпереводческого анализа совсем не учитывает, что читатель текста — переводчик, а переводчик — это не просто читатель, а человек, определяющий манеру письма автора, зависящую от замысла высказывания и фоновых факторов, обусловливающих эту манеру. Кроме того, такая трактовка игнорирует характер текста, то есть способ выражения мысли и переводческие стратегии, которые следует подбирать в зависимости от характера текста; а также лингвистический и экстралингвистический опыт читателя и его позицию по отношению к замыслу автора. В связи с этим эффективный предпереводческий анализ должен учитывать взаимоотношения «перевод — автор», «перевод — оригинал», а последние в приведенной выше схеме не обозначены.

Принимая во внимание схему К. Норд, И.С. Алексеева выделяет и подробно описывает следующие аспекты предпереводческого анализа: сбор внешних сведений о тексте, определение источника и реципиента, состав информации и ее плотность, коммуникативное задание и доминанты перевода, а также речевой жанр³.

М.П. Брандес и В.И. Провоторов в пособии «Предпереводческий анализ текста» ⁴, в свою очередь, утверждают, что, «когда переводчик приступает к переводу, он через язык текста должен выяснить для

 $^{^1}$ Nord Ch. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Amsterdam; New York, 2005. 275 p.

² Ibid. P. 41

³ Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004. С. 235.

⁴ Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 224 с.

себя глобальные вещи — в каком речевом жанре выполнен текст и в каком функциональном стиле этот текст существует. Специфику языка и текста, все оценочно-смысловые оттенки текста определяет не фактуальное содержание, а речевой жанр и функциональный стиль, которые изнутри пронизывают фактуальное содержание. Большая переводческая трудность — проникнуть в это "нутро", которое определяет внутреннюю и внешнюю форму текста. Поэтому предметом профессионального перевода является форма текста (в широком понимании слова "форма")» ⁵. Предпереводческий анализ, который предлагают М.П. Брандес и В.И. Провоторов, состоит из трех этапов: на первом этапе происходит внимательное, многократное вчитывание в текст и выявление его общих жанрово-стилевых особенностей (для художественного текста — это художественное направление и образ автора), а также процессные параметры коммуникации — тип жанровости и специфика повествовательной речи. На втором этапе в художественном тексте выявляется, в какой роли выступает говорящий субъект (повествователь, рассказчик, наблюдатель, аналитик и т.д.) и на какой композиционно-речевой форме базируется такое впечатление читателя. Данный этап помогает понять типовую синтаксическую организацию текста, а также типовое лексическое оформление. На третьем этапе анализируется конкретный язык текста в рамках выявленной на первом и втором этапах типовой схемы способа изложения содержания ⁶.

Л.Л. Нелюбин характеризует переводческую интерпретацию исходного текста как видение его глазами носителя другого языка и другой культуры. Предпереводческий анализ текста позволяет определить переводчику:

- 1) верные ориентиры в переводе;
- 2) переводческую стратегию;
- 3) главное при переводе, то есть доминанты перевода;
- 4) с каким типом текста он имеет дело и какова его типичная структура, а также особенности, от которых зависит внутренняя и внешняя форма текста;
- 5) разнообразные языковые черты, которые непременно нужно передать в переводе, на которые следует обратить активное внимание, выбор языковых средств при переводе, каким словам и синтаксическим структурам следует оказывать предпочтение;
 - 6) информативную ценность отрезков текста;
 - 7) что можно и чего нельзя будет допускать в переводе 7 .

Не вдаваясь в подробности других трактовок предпереводческого анализа, сделаем вывод, что, несмотря на подробные и иногда организованные в систему существующие способы, их авторы все же не учитывают несколько, на наш взгляд, очень важных факторов. Во-первых, роль читателя-переводчика, выступающего в качестве посредника и берущего на себя две коммуникативные функции: реципиентаинтерпретатора информации, с одной стороны, и реципиента-медиатора, с другой стороны, что при чтении играет решающую роль, потому что здесь интерпретация содержания способствует не столько интериоризации содержания, сколько объективации и упорядочению этой информации, для чего она и подвергается реструктуризации и дальнейшей сборке и только потом отправляется реципиенту-читателю перевода. В связи с тем, что процессуальность определяет методический аспект нашего подхода, поскольку обучение происходит в процессе чтения и симультанного анализа и синтеза, во время предпереводческого анализа следует рассматривать перевод как процесс рецептивно-репродуктивный, в котором репродукция может выступать в двух планах: как первичная репродукция, которая представляет собой тот же феномен, что и репродукция в ходе чтения любой литературы на родном или иностранном языках, то есть она предполагает диалогизм как неизбежную характеристику чтения в процессе декодирования и перекодировки информации; кроме того, можно говорить о вторичной репродукции, когда происходит расчленение полученной информации на смысловые значимые части, поиск эквивалентов, а также культурных соответствий/несоответствий в языке перевода, их сопоставление с языком и культурой оригинала, а затем их упорядочение, сборка и передача информации реципиенту с последующим возможным редактированием. Во-вторых, ни один из предложенных способов предпереводческого анализа не учитывает возможности передачи художественного образа при переводе. Если для студента-филолога достаточно выяснить средства создания художественного образа и интерпретировать замысел автора, то переводчику, кроме этого, придется иметь дело с адаптацией и доместикацией художественного образа к родной культуре, что не

⁵ Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста. С. 3.

⁶ Там же. С. 4–5.

⁷ Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Hayкa, 2003. 320 с. URL: http://www.easyschool.ru/books/linguistic/tolkovii-perevodovedcheskii-slovar/p

сводится к пониманию отдельных реалий. Это связано с пониманием всего текста и с принятием решения о том, что можно потерять, а что обязательно нужно сохранить или компенсировать.

Основная же разница между существующими интерпретациями предпереводческого анализа и нашим подходом заключается в том, что в его рамках проникновение в замысел автора является для переводчика лишь промежуточной целью. Следующей целью становится воссоздание процесса порождения замысла автора для того, чтобы «врасти в новую и каждый раз уникальную систему передачи опыта, фактического и эмоционального», а затем, перевоплотившись в автора, «воссоздать однажды переданный опыт новой системой выразительных средств и на языке иной культуры» В. Любой текст при переводе подвергается трансформации и может даже приобрести другое звучание, ведь это такая интерпретация, при которой автор должен заговорить на языке перевода.

Итак, полагаем, что предпереводческий анализ должен быть представлен как совокупность трех этапов:

- 1) на первом этапе текст рассматривается как линейная дискретная последовательность, где формальные и содержательные компоненты анализируются с точки зрения роли каждого в коммуникативной канве целого;
 - 2) на втором этапе анализа текст рассматривается как дискурс;
- 3) третий этап можно назвать сопоставительным, так как в его результате определяется уникальность произведения, манеры письма автора, способов воздействия на читателя и социосемиотической системы, заключенной в произведении, благодаря которой все, что создает автор, и все, что созидает читатель, трактуется как система знаков, имеющих не только двухмерную структуру (форму и содержание), но и многомерную.

На каждом этапе анализ непременно сопряжен с синтезом, то есть переводчик как бы дважды «воссоздает» художественный текст — как читатель, выдвигающий гипотезы и уточняющий их в соответствии с замыслом автора, и как транслятор замысла автора в ином коде. Именно такой подход позволяет достаточно объективно определить меру свободы интерпретации замысла.

Иллюстративным материалом в данной статье служит отрывок из первой главы романа Дж. Джойса «Улисс» – произведения, которое с большой осторожностью используют при обучении филологов и переводчиков, считая его сложным для понимания и сильно отличающимся от других произведений писателей-модернистов.

Но если рассматривать творчество Дж. Джойса как попытку писателя-модерниста связать свое творчество при создании произведения и творчество читателя при восприятии этого произведения в аналитико-синтетическое единство, то все становится на свои места. Эта нераздельность зиждется на общности индивидуального и коллективного опыта, выражающегося в зафиксированных на бумаге ассоциациях и получающего логическое завершение в рамках сочетания двух контекстов: поверхностного и импликативного. Произведение Дж. Джойса избрано в качестве примера анализа еще и потому, что данный автор широко пользуется «обратным переводом»: в отличие от большинства писателей, упорядочивающих ассоциативный ряд, свойственный мышлению, в логическое повествование, Джойс намеренно убирает закономерности, оставляя ассоциации нетронутыми, но располагает их так, что последовательность видна и читатель ее воссоздает.

Манера письма Дж. Джойса отличает его от других писателей еще и потому, что этот «модернист», как его называют многие, опирался прежде всего на факты, представляющие окружающую действительность, и, с другой стороны, на естественные процессы, возникающие при восприятии действительности 9.

Дело в том, что логическое мышление — процесс искусственный, призванный примирить индивидуальный опыт человека, передающего информацию, с индивидуальным опытом другого, принимающего информацию. Для человека естественным является ассоциативное мышление 10 , а логические связи изобретаются писателем для того, чтобы обеспечить понимание со стороны людей с иным опытом (жизненным, лингвистическим и т.д.).

Дж. Джойс ничего не придумывает, он фиксирует все, что видит и слышит, и, сохраняя присущую человеку ассоциативность мышления, излагает увиденное так, что оно отражает общее в каждом индивидуальном опыте. Именно поэтому его героя можно назвать человеком, познающим философию бытия, кото-

 $^{^{8}}$ Колкер Я.М. Поэзия и проза художественного перевода. М. : Гуманитарий, 2014. С. 61.

⁹ The Pelican Guide to English Literature. The Modern Age / ed. by B. Ford. 1975. Vol. 7; Bolt S. A Preface to Joyce. Pearson Education Limited, 1992; James J. / ed. by D. Attridge. Cambridge University Press, 2004; и др.

¹⁰ Сеченов 1947, Выготский 1956, Беннетт 1956, Жинкин 1964, Соколов 1967, Лурия 1998, Кацнельсон 2001, Кравченко 2007.

рый находится один на один с природой и наблюдает за присущим ей круговоротом, а точнее, за метаморфозами, происходящими вокруг него, то есть за переходами всего сущего из одного состояния в другое: "God becomes man becomes fish becomes barnacle goose becomes featherbed mountain".

Более того, при восприятии действительности многие процессы проходят симультанно; отображая их на бумаге, писатель в последовательности лингвистических знаков видит единственный способ приблизиться к «одновременности». Ему на помощь приходят различные характеристики знака, вызывающие у читающего, благодаря работе анализаторов (часто одновременной), чувственное отношение к тому, о чем говорится в тексте.

Несомненно, ощущения зависят от вида искусства, но в своей писательской манере Дж. Джойс использует практически все анализаторы, давая читателю возможность подойти к «натуре» в разных перспективах. Более того, писатель — великий психолог, он знает тончайшие связи между человеком и действительностью. Его паузы (самой разной длины) наполнены отношениями человека к действительности. Эти отношения могут быть не выражены вербально, но если есть такая необходимость, они помогают придать логику ассоциациям.

Мы хотим показать, используя предлагаемый нами подход (совокупность трех этапов предпереводческого анализа), что происходит, когда Дж. Джойс излагает мысли на бумаге, как они оформляются знаками языка и как писатель ведет диалог с читателем, рассчитывая точно в каждом отдельном случае на особенности психологии человека, на его опыт, в том числе и лингвистический, и соответственно на особенности обратной связи.

Five fathoms out there. Full fathom five thy father lies. At one he said. Found drowned. High water at Dublin bar. Driving before it a loose drift of rubble, fanshoals of fishes, silly shells. A corpse rising saltwhite from the undertow, bobbing landward, a pace a pace a porpoise. There he is. Hook it quick. Sunk though he be beneath the watery floor. We have him. Easy now 11.

В абзацах, предшествующих выбранному нами для анализа, отправной точкой создания образной системы становилось природное явление, вода, в данном отрывке — это литературное произведение. Здесь происходит смена отношений, то есть переход к философии, определяющей осмысление бытия и бренности человеческого существования. Именно поэтому Джойсу необходимо обратиться к бессмертным Шекспиру и Мильтону, ведь кто, как не они, может помочь «оценить состояние дел в мире». Образ воды, который писатель развивает за несколько абзацев до анализируемого, сохраняется и здесь. Но он также подчинен той философии, которую собирается создавать Джойс. Если ранее образ текущей воды наталкивает героя на размышления о том, что будет, если броситься вниз (Му ashplant will float away. I shall wait...), и таким образом направляет восприятие действительности, то в выбранном нами отрывке вода — это инструмент. С помощью последнего писатель очень натуралистично без тени романтики показывает, что происходит с человеком, который бросился в воду и утонул. Но поскольку все это представлено через восприятие героя, автор выводит внутренний план, то есть мыслительную активность человека, на первое место. Это обусловливает синтаксическую структуру отрывка и длину пауз, которые Джойс предлагает заполнить читателю. Фактически писателю удается показать естественное развитие опыта: от впечатления к ощущению, а от ощущению к обобщению.

По способу выражения мысли выбранный отрывок представляет собой повествование, которое благодаря чередованию коротких и длинных предложений становится ритмичным и динамичным, заставляя читателя почти физически ощущать, как рывками вытягивают из воды невод. При этом писатель рассчитывает на общечеловеческий опыт, опираясь как на фактическую информацию, так и на экстралингвистический опыт.

Первое предложение "Five fathoms out there" – простое односоставное безличное. За счет *out* происходит усиление наречия *there*, а также локализация в пространстве: там, в отдалении. Это создает глубинный семантический синтаксис. Синтаксис, который создает значение не только по структуре, но и по смыслу. "Five fathoms out there" – часть фразы лодочника, которую главный герой услышал несколько часов назад "There's five fathoms out there, he said", и теперь она «всплывает» из глубин памяти, когда Стивен смотрит на прилив, и вызывает новые ассоциации. Джойс намеренно не использует кавычки. С одной стороны, читатель воспринимает все через слуховой анализатор персонажа, с другой – это своеобразный сигнал, что все впечатления основываются на воспоминаниях о прочитанном или увиденном/услышанном ранее, то есть прошлое прорастает в настоящем новыми впечатлениями, сливается с ним в одно целое. Синтаксическая структура предложения обеспечивает резкую смену планов: размеренная и однообразная активность воды, которую созерцает главный герой, обрывается короткой и отрывистой фразой, готовя-

¹¹ Joyce J. Ulysses. London: Penguin Classics, 2000. P. 62.

щей читателя к командам в конце абзаца, которые обычно выкрикивают спасатели, вытаскивая тело утопленника. Здесь мы видим и аллитерацию фрикативного [f], который являлся ключевым согласным в двух предыдущих абзацах. Джойс продолжает использовать звук как связующее звено от образа к образу и в то же время рассчитывает на естественную зрительную и слуховую реакцию читателя, которая повлечет неизбежную паузу. Последняя необходима писателю, чтобы вызвать интерес к той фактической информации, которая заложена в первом предложении. Более того, Джойс вкрапляет в канву повествования цитату из трагикомедии В. Шекспира «Буря», преследуя ту же цель – обратить внимание читателя на сведения, заложенные и в строке "Full fathom five thy father lies". Однако писатель цитирует Шекспира, рассчитывая на то, что само переложение меры длины заставит человека остановиться, задуматься и осознать, что происходит. Джойс очень точно просчитывает ту психологическую реакцию, которую вызовет дважды повторенный факт "five fathoms", "full fathom five", а аллитерация [f] подкрепляет этот расчет: мимо данного факта читатель не сможет пройти. Той же цели служит и очевидная инверсия. В стихе на нее внимания не обратили бы, а вот в прозе, особенно когда строка заканчивается предикатом thy father <u>lies</u> и предподлежащная группа больше, чем подлежащее и сказуемое, это неизбежно бросится в глаза. Пять саженей (9 метров) – большая глубина, и это должно произвести впечатление. Таким образом, Джойс добивается сильного эмоционального эффекта, используя очень точно подобранную фактическую информацию. Пауза, следующая за этим фактом, идет как естественная реакция на полученный результат: и герою, и читателю необходимо время, чтобы представить глубину и осознать в полной мере, какую опасность таит в себе вода, которую так образно описывал писатель в предыдущих абзацах. Аллитерация [f] также обеспечивает естественность паузы.

Следующие после паузы предложения "At one he said. Found drowned. High water at Dublin bar" являются закономерным развитием первых двух. Герой продолжает вспоминать слова лодочника, что вполне естественно: то, о чем говорилось гипотетически, теперь находит реальное подтверждение. "At one he said" – это реакция на услышанный ранее факт, что около часа начнется прилив, и тело утопленника обязательно вынесет на cymy: "It'll be swept up that way when the tide comes in about one". Физическая активность воды, которую так образно изображает Джойс, естественным образом приводит Стивена к разговору, услышанному ранее. Теперь герой воочию наблюдает, как неспокойна во время прилива бухта, и романтичная картина женщины-луны, перетаскивающей тяжелый невод вод ("...loom of the moon. Weary too in sight of lovers, lascivious men, a naked woman shining in her courts, she draws a toil of waters"), сменяется очень натуралистичной картиной того, как поднимают неводом утопленника. Короткие простые предложения, похожие на обрывки фраз, проносящихся в сознании главного героя, готовят читателя к следующему отрывку повествования, где Джойс намеренно замедляет ритм, имитируя процесс вытягивания невода. Предложение "Driving before it a loose drift of rubble, fanshoals of fishes, silly shells" является уточнением к предыдущему. Автор опять переключает внимание читателя на физическую активность воды, поэтому стратегии создания образа – такие же, как и в предыдущих абзацах. Ритм замедляется за счет пауз разной длины. Прежде всего, это долгая пауза между двумя предложениями. Синтаксически они могли бы являться одним целым, так как уточнение объекта высказывания представляет собой развернутое определение в постпозиции, но Джойса не заботят правила грамматики, ему необходимо создать нужное впечатление. «Джойс играет в игру, в которую играют все поэты. Поэты вовсе не считают порядок слов чем-то неприкосновенным. Они организуют слова так, чтобы они наилучшим образом способствовали реализации их цели, стараясь при этом принимать во внимание их едва заметные оттенки и контролируя "последствия вербального взрыва"» (перевод наш. – E.M.) ¹². Причастие, с которого начинается предложение, также создает паузу, но менее короткую. Она необходима писателю для того, чтобы настроить читателя на следующую далее аллитерацию и снова вовлечь слуховой анализатор. Джойс использует звук как связующее звено, объединяющее факты в единое впечатление, при этом форма знака опять подчеркивает форму содержания. Поскольку повтор фрикативных, шипящих и свистящих [f, s, ∫] подкрепляет значения слов, которые подобрал автор, и создает необходимый ритм и звучание шумящей воды. А -ing-форма обеспечивает необходимое движение.

Предложение, занимающее центральную позицию в выбранном для анализа абзаце, — это своего рода кульминация. Все увиденное/услышанное ранее материализуется в виде утопленника, и для максимального усиления эффекта Джойс делает картину, предстающую перед Стивеном, предельно натуралистичной: A corpse rising saltwhite from the undertow, bobbing landward, a pace a pace a porpoise. Писатель намеренно замедляет движение, причем используя все те же ing-формы, которые в предыдущих предложени-

¹² The Consistency of James Joyce by Arnold Kettle // The Pelican Guide to English Literature. The Modern Age. Penguin Books. P. 329.

ях, наоборот, ускоряли повествование, приводили его в движение. Замедление движения происходит и на семантическом уровне, потому что финальный аккорд *a pace a pace a porpoise* за счет трехкратного повтора артикля, лексического повтора и аллитерации [р] делает повествование похожим на замедленную съемку. Такую же роль выполняют и паузы в этом предложении, усиливая визуальный и слуховой образ и подчеркивая неимоверность напряжения. Сочетание *from the undertow* вызывает ощущение тяжелого труда по извлечению утопленника из водных глубин.

Следующие два предложения "There he is. Hook it quick" резко меняют ритм повествования. Несмотря на то, что Джойс пренебрегает кавычками, читатель сразу понимает, что это выкрики матросов, резкие и точные, как выстрелы. Тянуть слишком тяжело, и на сантименты нет времени. Наблюдая за этим, Стивен вспоминает строку из поэмы Мильтона «Люсидас» "Sunk though he be beneath the watery floor". Так, Джойс опять возвращает читателя к мыслительной активности персонажа: герой вспомнил эту фразу еще утром, когда впервые услышал об утопленнике. Теперь, благодаря цепи ассоциаций, она снова в памяти. Фраза настолько уместно вплетается в канву повествования, что Джойсу и здесь не нужны кавычки. Синтактикостилистическое оформление словосочетания говорит само за себя: это воспоминания героя, скорее всего, его литературный, читательский опыт, поскольку цитата явно взята из поэтического произведения. Завершающие короткие предложения вновь возвращают нас к реальности через слуховой анализатор Стивена: "We have him. Easy now". Два последних рывка, и утопленника достали. Движение вновь замедляется и становится равным нулю: последний аккорд звучит как выдох после завершения тяжелого труда. Причем не только на семантическом уровне, но и на фонетическом: долгий передний [i:] и закрывающий дифтонг [аu] создают эффект финала на аудитивном уровне.

Только при таком исследовании дискурса читатель-переводчик, анализирующий художественное произведение, является одновременно его создателем. Он опирается на целый ряд данных, полученных в результате обращения к авторскому мнению и собственной позиции, касающихся эстетического и фактического содержания текста. В этом смысле читатель как бы дополняет создателя произведения, оценивая опыт автора и свой собственный.

Список использованной литературы

- 1. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение [Текст]. М.: Академия, 2004. 352 с.
- 2. Брандес, М.П. Предпереводческий анализ текста [Текст] / М.П. Брандес, В.И. Провоторов. М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 224 с.
 - 3. Колкер, Я.М. Поэзия и проза художественного перевода [Текст]. М.: Гуманитарий, 2014. 497 с.
 - 4. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь [Текст]. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
 - 5. Joyce, J. Ulysses [Text]. London: Penguin Classics, 2000. 939 p.
- 6. Nord, Ch. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis [Text]. Amsterdam; NewYork, 2005. 275 p.
- 7. The Pelican Guide to English Literature. The Modern Age [Text] / ed. by B. Ford. Penguin Books, 1975. Vol. 7. P. 319–332.

References

- 1. Alekseeva, I.S. Vvedeniye v Perevodovedeniye [Introduction to translation] [Text]. M.: Academy, 2004. 352 p. (in Russian).
- 2. Brandes, M.P. Predperevodcheskiy Analiz Teksta [Pretranslation Text Analysis] [Text] / M.P. Brandes, V.I. Provotorov. M. : NVI-Thesaurus, 2001. 224 p. (in Russian).
- 3. Kolker, Ya.M. Poeziya i Prosa Khudozhestvennogo Perevoda [Poetry and Prose of Translating Fiction] [Text]. M.: Humanist, 2014. 497 p. (in Russian).
- 4. Nelyubin, L.L. Tolkovyi Perevodovedcheskiyi Slovar` [Translator's Explanatory Dictionary] [Text]. M.: Flinta, 2003. 320 p. (in Russian).
 - 5. Joyce, J. Ulysses [Text]. London: Penguin Classics, 2000. 939 p.
- 6. Nord, Ch. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis [Text]. Amsterdam; New York, 2005. 275 p.
- 7. The Pelican Guide to English Literature. The Modern Age [Text] / ed. by B. Ford. Penguin Books, 1975. Vol. 7. P. 319–332.

Техника монтажа как способ построения нарративного художественного текста (на материале рассказа Г. Бёлля «Ты слишком часто ездишь в Гейдельберг»)

Статья раскрывает понятие техники литературного монтажа, рассматривает языковые способы ее актуализации в нарративном художественном тексте. На материале рассказа известного западногерманского писателя Генриха Бёлля «Ты слишком часто ездишь в Гейдельберг» показано, какие смыслы могут быть выражены с помощью техники монтажа, объясняется необходимость привлечения к интерпретации текстов такого рода фоновых и страноведческих знаний, проводятся параллели между языковыми и содержательным особенностями текста, построенного по принципу потока сознания. Предлагается интерпретация рассказа с учетом сведений об исторической и политической ситуации в Федеративной Республике Германии в конце 70-х годов XX века, о личностных предпочтениях и идеологической позиции Г. Бёлля.

литературный монтаж/коллаж, повествовательная перспектива, несобственно-прямая речь, поток сознания, стиль стаккато

Shipova, Irina, *Ph.D. (Philology), Associate Professor* (Moscow Pedagofical State University, Moscow, Russia)

"Montage" as a Method of Constructing Literary Texts (based on G. Böll's Story "Du fährst zu oft nach Heidelberg")

The article examines "montage" as a literary concept and explores various means of its linguistic representation in literary narrative. The author uses the story "Du fährst zu oft nach Heidelberg" by Heinrich Böll to show what kinds of meaning can be expressed by this technique. The article reveals the necessity of background knowledge, draws parallels between the language and the content of the text, which is built according to the stream-of-consciousness principle. The article offers an interpretation of the story based on background information about the historical and political situation in Federal German Republic in the late 70s of the twentieth century, as well as personal and ideological preferences of H. Böll.

literary collage, the narrator's perspective, represented speech, stream of consciousness, staccato style

ехника монтажа получила распространение в художественном тексте, в первую очередь в нарративном, на рубеже XIX–XX веков. Она стала новаторской, так как, соединяя разрозненные текстовые фрагменты без очевидной взаимосвязи, игнорируя идентификацию персонажей, предполагала обозначение типажей, передачу новых, сложных для отражения в литературе смыслов, составлявших в новых исторических условиях реалии жизни, требующих осознания и осмысления.

Монтаж как технический термин известен в самых разнообразных сферах человеческой деятельности: в строительстве, приборостроении, радиоэлектронике, при наладке компьютерного оборудования и т.п. В сфере искусства монтаж обозначает творческий и технический процесс создания кинофильма, следующий за проведением киносъемок ¹. Он предусматривает «конструирование» фильма из отснятого материала в соответствии с замыслом его создателей: сценариста, режиссера, оператора и др.

¹ Советский энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1979. С. 827.

[©] Шипова И.А., 2015

Как способ «конструирования» нарративного текста монтаж предполагает расслоение повествовательной перспективы, превращение текста в своеобразную полиперспективную структуру. Происходящее при этом изображается с нарушением хронологии событий, включает в себя элементы, передающие восприятие на разных уровнях сознания (например, визуальное и акустическое восприятие комбинируется с элементами потока сознания, интертекстуализмами, фрагментами сновидений и т.п.) и превращается в своего рода мозаичный образ общей картины событий.

Элементы использования данной техники можно найти уже в литературе Средних веков, но поистине распространенным методом производства текста монтаж становится в начале XX века и встречается практически во всех художественно-литературных жанрах: в эпике, драме, лирике, как в поэтической, так и в прозаической форме. С точки зрения читательского восприятия техника монтажа превращает текст в некий «пазл», требующий от адресата способности выстраивать сложные ассоциативные ряды, привлекая личностный жизненный опыт, экстралингвистические знания, сведения из области истории и культуры, представления об устройстве социально-политической системы мира или отдельного государства и многое другое.

В немецкоязычной литературе технику монтажа можно встретить в текстах Вольфганга Кёппена, Альфреда Дёблина, Бертольда Брехта, Ингеборг Бахманн, Макса Фриша, Гюнтера Грасса, Генриха Бёлля и др.

Прибегая к технике монтажа, автор литературно-художественного произведения сознательно или бессознательно преследует определенные прагматические цели. Превращая текст в сложную неоднородную материю, он вплетает в повествование фрагменты воспоминаний, версии видения будущего, события, происходящие одновременно в ином месте, нежели описываемые непосредственно в актуальный момент, разного рода интертекстуальные включения и т.п. В результате возникает многослойная текстовая ткань, которая позволяет приблизиться к отражению современного, постоянно меняющегося мира, передать сложные психологические процессы, происходящие в сознании человека, столь характерные для сегодняшней действительности.

Техника монтажа – типичная черта прозы, пожалуй, самого известного в России немецкого писателя второй половины XX века Генриха Бёлля. Убежденный и последовательный реалист, он использует в сво-их произведениях типичные для модернистского и постмодернистского текста приемы, к которым можно отнести и монтаж. В литературоведении довольно много работ посвящено приемам последнего. Однако несомненный интерес представляет собой языковая сторона этого явления. Прослеживая данный феномен с лингвистической точки зрения, следует сразу оговориться, что, изучая языковые характеристики техники монтажа, невозможно абстрагироваться от содержательной интерпретации производимого ею эффекта. Это доказывает предлагаемый для анализа рассказ Г. Бёлля «Ты слишком часто ездишь в Гейдельберг» ("Du fährst zu oft nach Heidelberg"), написанный в 1979 году и посвященный, как и все его тексты, злободневным для той поры политическим и социальным проблемам западногерманского общества и теме верности высоконравственным моральным принципам личности. С прагматической точки зрения структурные и языковые особенности данного рассказа призваны передать критическое отношение автора к принятому в ФРГ в 70-е годы XX века антидемократическому закону запрета на профессию, внутреннему конформизму большинства членов буржуазного общества и показать, какова цена неотступного следования собственным убеждениям.

Предваряя анализ, нельзя не упомянуть, что в терминологии техники монтажа существует некоторая неопределенность. Под монтажом понимают «конструирование» текста из фрагментов как бы случайных элементов: газетных цитат, рекламных слоганов, отрывков художественной прозы или стихотворений и т.п. В результате то, что предназначалось для другой сферы использования, становится частью нового текста и служит реализации какого-либо авторского замысла. Такого рода монтаж обозначается также как литературный коллаж. Этот прием встречается и в других произведениях Г. Бёлля, в частности, в его повести «Потерянная честь Катарины Блюм», где фрагменты газетных статей определяют значительную часть развития сюжета и существенно влияют на стилистическое многообразие данного художественного текста.

Хотя рассказ Г. Бёлля «Ты слишком часто ездишь в Гейдельберг» ("Du fährst zu oft nach Heidelberg") – частный случай использования техники монтажа в нарративном художественном тексте, он демонстрирует, как с ее помощью в произведении могут соединяться разные повествовательные перспективы в форме авторской, персонажной, несобственно-прямой речи, фрагментов потока сознания с нарушением событийной хронологии, ассоциативные комментарии, обрывки фраз, приобретающие в новом контексте иное звучание. В результате возникает особый тип текста, имеющий все признаки художественного нарратива, но не соответствующий его традиционным языковым параметрам. В рассказе «Ты слишком часто ездишь в Гейдельберг» Бёлль «монтирует» самые разные пласты текста, выбирая сложную форму повество-

вательной перспективы, а именно комбинированный тип повествователя, в котором совмещаются линии автора и героя. Здесь соотносятся несобственно-авторская и несобственно-прямая речь, существующая не в произнесенной/декларативной, а в «медитативной» форме ². Такая структурная неоднородность отражается в текстовом материале, порождая временную многоплановость, как, например, во фрагменте (1).

(1) Abends, als er im Schlafanzug auf der Bettkante saß, auf die Zwölf-Uhr-Nachrichten wartete und noch eine Zigarette rauchte, versuchte er im Rückblick den Punkt zu finden, an dem ihm dieser schöne Sonntag weggerutscht war. Der Morgen war sonnig gewesen, frisch, maikühl noch im Juni, und doch war die Wärme, die gegen Mittag kommen würde, schon spürbar: Licht und Temperatur erinnerten an vergangene Trainingstage, an denen er zwischen sechs und acht, vor der Arbeit, trainiert hatte.

Рассказ начинается обозначением точки временного отсчета повествования: *abends*, но автор не раскрывает значения момента, а переводит его в плоскость воспоминаний об утре данного дня, затем о тренировках прошлых лет. Соединение в двух предложениях временного отрезка протяженностью в несколько лет позволяет читателю увидеть одновременно ряд пластов: вечер/утро/день воскресения/три прошедших года, референция которых передана в комбинации претерита и плюсквамперфекта. Таким сложным образом происходит погружение адресата в повествование.

Типичным для данной техники является прономинализация. В начале текста автор не дает читателю сколько-нибудь определенного объяснения о том, кто герой произведения. Интрига сохраняется до конца рассказа, хотя через косвенные знаки с достаточной степенью уверенности можно понять, что речь идет о молодом человеке около 30 лет, прошедшем сложный путь от электрика и спортсмена-любителя до выпускника вуза, которому предстоит собеседование по поводу получения перспективного места работы с хорошей зарплатой. Информацию о прошлом и будущем героя Бёлль предоставляет в форме монтируемых в тексте повествовательных линий, напоминающих поток сознания персонажа, в котором перемешивается сознательное и бессознательное, собственно речь, сплетающаяся с сенсорными образами, объединяющая мышление и чувственное восприятие ³.

(2) Beruf, Abendgymnasium, Geldverdienen, Studium – *er* hatte wenig dran tun können in den vergangenen drei Jahren, (wieder regelmäßig zu trainieren. – доп. *И.Ш.*); **er** *würde* nur einen neuen Schlitten *brauchen*; kein Problem, wenn *er* <u>morgen</u> mit Kronsorgeler <u>zurechtkam</u>, und es bestand kein Zweifel, dass *er* mit Kronsorgeler *zurechtkommen würde*.

В одном высказывании прослеживается прошлое — в форме перечисленных номинаций (Beruf, Abendgymnasium, Geldverdienen, Studium), настоящее — в форме самостоятельного, синтаксически независимого простого предложения со сказуемым в конъюнктиве (er würde nur einen neuen Schlitten brauchen) и будущее, выраженное с элементом модально-эпистемической оценки (kein Problem/es bestand kein Zweifel). Надо отметить также алогичное употребление темпорального наречия *morgen* с претеритом глагола *zurecht kommen*, который в окружении глаголов в форме кондиционалис I (würde brauchen, zurecht-kommen würde) приобретает семантику ирреальности действия в будущем времени.

Монтаж как прием реализуется и в использовании имени собственного (Kronsorgeler), с помощью которого происходит называние (но не идентификация) второстепенного персонажа при анонимности протагониста рассказа, обозначенного личным местоимением (ег) и окруженного именами собственными. Это не только люди, с которыми герой связан родственными или дружескими узами:

- (3) er plauderte mit ihnen über seinen Bruder Karl, die Schwägerin Hilda, Elke und Klaus, die beiden Kinder;
- (4) Carola (seine Verlobte) war noch nicht da, als er zu Schulte-Bebrungs kam;
- (5) Er war statt nach Hause nach Heidelberg gefahren, hatte Diego und Teresa nicht angetroffen, auch Raoul nicht, Diegos Freund... (chilenische Freunde).

Это также уже названный чиновник Кронзоргелер, должность которого остается неопределенной (пример 2).

Так в ходе повествования происходит идентификация героя, образ которого носит обобщающие черты любого гражданина ФРГ, имеющего семью, друзей, невесту, начальника, живущего «по образу и подобию» всех и каждого.

Имена *Eddy Merckx* (легендарный бельгийский профессиональный шоссейный велогонщик) и *Idi Amin* (президент Уганды в 1971–1979 годах, создатель одного из самых жестоких авторитарных режимов в Африке) появляются в тексте как бы случайно. Но каждый раз они используются для создания ассоциативных рядов, привносящих в повествование дополнительный смысл: во-первых, это – актуализация эпо-

² Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. М.: Прогресс-Традиция: ИНФРА-М, 2004. С. 258, 260.

³ Сергеева Ю.М. Эволюция стилистического приема «внутренняя речь» в английской художественной литературе. М. : Готика, 2006. С. 6.

хи, во-вторых, соотнесение с увлечением героя спортом и подтекст, в котором намек на поведение спортемена предлагается как пример для выбора стратегии действий протагониста:

(6) Sie sprachen erst über Tour de Suisse; ob Merckx geblufft habe, um bei der Tour de France unterschätzt zu werden, ob er wirklich abgesunken sei; Kronsorgeler meinte, *Merckx habe geblufft*, ...

Включение ничего не значащей для сюжета темы беседы двух любителей спорта в повествование (*Merckx habe geblufft*) превращается в финале рассказа в значимый элемент, создающий подтекст, который адекватно воспринимается лишь при понимании сути техники монтажа и ее ассоциативной природы. Об этой детали речь пойдет далее.

Монтируя различные повествовательные линии (учеба героя, работа, его занятие спортом, отношения в семье, с невестой и ее семьей, поверхностный рассказ о друзьях-беженцах из Чили, беседа с чиновником-работодателем), автор как заклинание включает в каждую из них упоминание Гейдельберга. Понять смысл заголовка рассказа "Du fährst zu oft nach Heidelberg" и значение тринадцать раз повторяемого названия города невозможно, не обладая информацией о политической ситуации в ФРГ в 70-х годах XX века. В связи с неутихающей волной террора, проводимого левонастроенными радикальными элементами, в это время в стране принят закон о запрете на профессию, известный как Berufsverbot. Согласно ему лица из организаций, ставящих своей целью свержение конституционного строя, а также все, замеченные в симпатии к таковым, не могли быть приняты на государственную службу. Дружба с чилийскими беженцами, вынужденными покинуть свою Родину из-за путча, организованного генералом Пиночетом в 1973 году, и установленной после него жестокой диктатурой, автоматически делает героя рассказа неблагонадежным, сочувствующим левым элементам, хотя он никаким образом не проявляет интереса ни к политическим акциям, ни к коммунистическим идеям. Эта информация полностью отсутствует в рассказе и должна «монтироваться» читателем в сюжет с опорой на страноведческие знания, как и странное упоминание Гейдельберга, города, где живут чилийские друзья протагониста.

(7) Er rauchte die zweite Zigarette nicht zu Ende, drückte sie in einem halb leergegessenen Yoghurtbecher aus; er war wirklich todmüde und schlief bald ein, obwohl *das Wort Heidelberg* in seinem Kopf rumorte.

Для текста типичны объемные паратактические предложения, в которые вплетаются пересказанная речь, комментарии к ощущениям в форме внутреннего монолога, фрагменты воспоминаний, цитаты и их оценки:

- (8) Er sprach mit Carolas Mutter über Gemüsegärten, mit ihrem Vater über Radsport, fand den Kaffee schlechter als zu Hause und versuchte, seine Nervosität nicht zu Gereiztheit werden zu lassen. (8a) Es waren *doch wirklich* nette, progressive Leute, die ihn *völlig* vorurteilslos, *sogar* offiziell, per Verlobungsanzeige akzeptiert hatten; inzwischen mochte er sie *regelrecht*, auch Carolas Mutter, deren häufiges "entzückend" ihm anfangs auf die Nerven gegangen war.
- В (8a) можно наблюдать, как автор усиливает денотативное значение оценочных высказываний с помощью модальных слов и усилительных частиц (doch wirklich, völlig, sogar, regelrecht). Но Бёлль достигает обратного эффекта: он не переводит положительную оценку в разряд абсолютных категорий, а порождает ощущение, что герой сомневается в этих оценках, пытаясь убедить себя в том, что хорошо относится к людям, о которых рассказывает. Это становится очевидно при сравнении оригинального текста (8a) с вариантом (8b), в котором перечисленные усилительные элементы отсутствуют:
- (8b) Es waren nette, progressive Leute, die ihn vorurteilslos, offiziell, per Verlobungsanzeige akzeptiert hatten; inzwischen mochte er sie, auch Carolas Mutter, deren häufiges "entzückend" ihm anfangs auf die Nerven gegangen war.

Таким образом, Бёлль выражает критическую оценку тех, кто на словах старается выглядеть демократом «без предрассудков», на деле же идет на любой компромисс с совестью, чтобы не иметь проблем с государственной системой.

Подобные комментарии возникают в тексте, перебивая основной план повествования, т.е. это монтаж, реализуемый в форме совмещения разных мотивов.

В рассказе можно наблюдать, как автор внезапно переходит к описаниям визуальных или акустических образов, не имеющих отношения к теме повествования:

(9) Nun kamen endlich Nachrichten, die er mit halbem Ohr nur hörte: er dachte an die Mohrrüben, den Spinat und die Kirschen, die er noch ins Tiefkühlfach packen musste; er zündete die zweite Zigarette doch an: irgendwo – war es Irland? – waren Wahlen gewesen: Erdrutsch; irgendeiner – war es wirklich der Bundespräsident? – hatte irgendwas sehr Positives über Krawatten gesagt; irgendeiner ließ irgendwas dementieren; die Kurse stiegen; Idi Amin blieb verschwunden.

В данном случае фрагмент демонстрирует один из распространенных в творчестве Г. Бёлля стилистических приемов – так называемый стиль-стаккато, который реализуется прежде всего в синтаксической организации материала. При этом в тексте преобладают краткие нераспространенные предложения,

эллиптические структуры, номинации, перечислительные ряды, придающие тексту лаконизм, конкретность описания, способствующие компрессии информации. В примере (9) прослеживается комбинация из двух сложноподчиненных предложений и ряда простых, прерываемых парантезами в рамках одного высказывания, не связанных между собой логической связью, описывающих содержание новостной телевизионной программы. Хаотическая смена линии повествования, прослеживаемая в нарушении темарематической цепи, обусловлена не только и не столько многообразием телевизионных сюжетов, а скорее состоянием героя, пытающегося отвлечься от предстоящей судьбоносной встречи с Кронзоргелером и предчувствующего исход собеседования.

Наполненный ассоциациями текст Г. Бёлля не имеет случайных деталей. Герой рассказа – типичный бёллевский персонаж, опирающийся на незыблемые нравственные законы и ясные постулаты. Он не предаст ни своих друзей, ни моральных принципов, что эксплицируется в заключительном фрагменте текста:

(10) Kronsorgeler seufzte. Es war offensichtlich, dass er litt, echt litt. Als er ihm die Hand gab, flüsterte er: "Fahren Sie nicht nach Heidelberg, mehr kann ich nicht sagen". Dann lächelte er und sagte: "Denken Sie an Eddy Merckx". Schon als er die Tür hinter sich schloss und durchs Vorzimmer ging, dachte er an Alternativen: Übersetzer, Dolmetscher, Reiseleiter, Spanischkorrespondent bei einer Maklerfirma.

Финал рассказа дает однозначный ответ, но в имплицитной форме: предложение Кронзоргелера блефовать наподобие Эдди Меркса, то есть сделать вид, что он порвал отношения с чилийцами, монтируется с внутренним монологом протагониста о его будущем. Автор соединяет, казалось бы, несоединимые моменты: Гейдельберг — Эдди Меркс — перечисление возможных вариантов дальнейшей профессиональной деятельности героя. С лингвистической точки зрения здесь наблюдается прерывание тема-рематической цепи и соответственно нарушение когерентности текста, что должно было бы свидетельствовать об отсутствии одного из важных признаков текста как такового. Но в рамках повествования и использованных в нем приемов такое нарушение не только оправдано, оно способствует творческой активности читателя — реципиента текста, создает подтекст произведения через построение ассоциативных планов с помощью техники монтажа.

История отражает глубокий конфликт между обществом и отдельной личностью, показывает неизбирательность системы, обрекающей даже самых достойных на роль аутсайдеров только потому, что они не могут перешагнуть грань, отделяющую порядочность от предательства, и не вписываются в стереотипы якобы демократического государства. Прибегая к технике монтажа, Бёлль создает картину внутренней жизни личности, ее переживаний, исканий, сомнений и окончательного выбора, всегда соответствующего принципам высокой морали.

Предложенный анализ показывает на частном примере, какими языковыми средствами выражена техника литературного монтажа, каковы ее выразительные возможности в нарративном художественном тексте. Он иллюстрирует также вариант реализации определенных прагматических установок. Маркерами данного типа текста выступают:

- 1) нарушение тема-рематической цепи, спонтанная смена мотивов, влекущая за собой формальное нарушение когерентности текста;
- 2) комбинированное использование временных форм с возможным нарушением хронологической последовательности и, как результат, анархическое перемещение временных планов повествования, при этом авторское употребление временных форм глаголов не обязательно соответствует семантике временных ступеней;
- 3) нарушение линейной структуры предложения за счет вводимых в него парантез, в рамках распространенного пара- и гипотаксиса;
- 4) реализация приемов стиля-стаккато и создания с его помощью компрессии информации, позволяющей монтировать в одном высказывании разноплановые повествовательные линии.

Список использованной литературы

- 1. Брандес, М.П. Стилистика текста. Теоретический курс [Текст]. М.: Прогресс-Традиция: ИНФРА-М, 2004. 416 с.
- 2. Пономарева, О.Н. Жанр короткого рассказа в творчестве Генриха Бёлля конца 1940-х начала 1960-х годов [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 209 с.
- 3. Сергеева, Ю.М. Эволюция стилистического приема «внутренняя речь» в английской художественной литературе [Текст]. М.: Готика, 2006. 220 с.
 - 4. Советский энциклопедический словарь [Текст]. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1979. 1600 с.

- 5. Biermann, H. Texte, Themen und Strukturen [Text] / H. Biermann, W. Häring, B. Schurf. Berlin : Cornelsen Verlag, 1996. S. 270–273.
- 6. Böll, H. Du fährst zu oft nach Heidelberg [Text] // In: Du fährst zu oft nach Heidelberg und andere Erzählungen. München : dvt., 2004. S. 74–83.

References

- 1. Brandes, M.P. Stilistika teksta. Teoreticheskiy kurs [Text]. M.: Progress-Tradiciya: INFRA-M, 2004. 416 p. [Stylistics of text. Theoretical course] (in Russian).
- 2. Ponomareva, O.N. Zhanr korotkogo rasskaza v tvorchestve Genriha Byollya kontsa 1940-h nachala 1960-h godov [Text] : dis. ... kand. filol. nauk [Genre of short story in Heinrich Böll's Works of the Late '40s Early '60s.]. Voronezh, 2006. 209 p. (in Russian).
- 3. Sergeeva, Ju.M. Evoliutsiya stilisticheskogo priyoma "vnutrennyaya rech" v angliyskoy hudozhestvennoy literature [Text]. M.: Gotika, 2006. 220 p. [Evolution of the Stylistic Technique of "Inner Speech" in the English literature] (in Russian).
- 4. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Text]. M.: Izd-vo Sovets. Encikl., 1979. 1600 p. [Soviet Encyclopedic Dictionary] (in Russian).
- 5. Biermann, H. Texte, Themen und Strukturen [Text] / H. Biermann, W. Häring, B. Schurf. Berlin : Cornelsen Verlag, 1996. S. 270–273.
- 6. Böll, H. Du fährst zu oft nach Heidelberg [Text] // In: Du fährst zu oft nach Heidelberg und andere Erzählungen. München : dvt., 2004. S. 74–83.

Раздел V

Современные тенденции в языке

УДК 811.11

В.В. Казяба, канд. филол. наук (Гуманит. ин-т САФУ им. М.В. Ломоносова, Северодвинск)

Номинативный потенциал апеллятивов, использующихся в создании интернет-никнеймов немецкоязычных пользователей

Статья посвящена анализу использования апеллятивов (имен нарицательных) в качестве никнейма в интернет-коммуникации, а именно в немецкоязычном сегменте интернет-ресурсов Facebook, Twitter, ICQ, Flickr, World of Tanks, World of Warcraft. Роль виртуального псевдонима в большинстве случаев выполняют нарицательные единицы любых частей речи. В основе подобных самономинаций лежат определенные индивидуальные ассоциации между лицом и предметами, событиями, явлениями. В статье рассматривается и описывается номинативный потенциал апеллятивов, использующихся в роли монокомпонентных интернет-никнеймов.

антропоним, никнейм, личное имя, апеллятив, интернет-коммуникация, номинация, самономинация, самопрезентация

> *Kazyaba, Victoria*, *Ph.D.* (*Philology*), *Associate Professor* Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severodvinsk, Russia)

The Nominative Potential of Appellatives Used in the Formation of German-Speaking Internet Users' Nicknames

The present article analyzes the usage of appellatives (common nouns) as a nickname in the Internet communication, namely in the German-speaking segment of the following Internet-resources: Facebook, Twitter, ICQ, Flickr, World of Tanks, World of Warcraft. In most cases all the appellative parts of speech perform the role of a virtual pseudonym. Such self-nominations are based on certain individual association between a person and things, events and phenomena. The article studies and describes the nominative potential of appellatives used as monocomponent Internet-nicknames.

anthroponym, nickname, first name, Internet-communication, nomination, self-nomination, self-presentation

овременный человек постоянно расширяет границы своего жизненного пространства, осваивая при этом новые области своей деятельности. В этом смысле виртуальный мир глобальной сети Интернет не является исключением. Веб-пользователь не только коммуницирует, работает, занимается творчеством, ищет информацию, но прежде всего существует, живет. Несмотря на кажущуюся анонимность Интернета рано или поздно почти любому человеку приходится обозначить свое присутствие в этой среде. Неосознанно или вполне целенаправленно пользователь создает свою виртуальную личность, а иногда даже не одну. Такое виртуальное alter ego базируется на двух составляющих. Первая из них — автономные действия человека в Интернете, то есть очевидная для других коммуникативная активность и деятельность. В качестве второй составляющей виртуальной личности выступает имя, псевдоним

созданного интернет-персонажа – так называемый никнейм. Он позволяет отличать пользователей друг от друга, а в некоторых случаях является обязательным техническим требованием.

Существуя в таком виде в Сети, пользователь строит свою веб-жизнь на различных ресурсах: от социальных сетей до тематических чатов и онлайн-игр. Однако вне зависимости от того, где мы сталкиваемся с виртуальной персоной, первым, на что мы обращаем внимание, оказывается именно никнейм, тем более, что все виртуальное пространство зиждется на ономастической оси. Никнейм может многое рассказать о своем владельце еще на докоммуникативном уровне, это не только «лицо», «паспорт» пользователя, но и часто «маска».

Эффект «масочности» или, точнее сказать, «карнавальности» заложен в самой сути виртуального имени. Никнейм не просто дает своему обладателю возможность установить авторство своих слов и действий, он становится важной частью виртуальной личности, речевой маски, инструментом творчества в Интернете, а также одним из способов онлайн-самопрезентации личности.

В этой связи стоит подчеркнуть, что несмотря на то, что ник вобрал в себя черты других человеческих имен, это новый, самостоятельный сложный класс антропонимов, присваиваемых носителем исключительно самостоятельно и используемый с целью интернет-идентификации, самоидентификации и самовыражения.

Предъявление себя интернет-сообществу посредством самономинации осуществляется в ходе использования одного из трех типов никнейма: ника-автонима, ника-псевдонима или ника переходного характера. Отнесение сетевого имени к той или иной группе зависит от того, какая языковая единица лежит в его основе: собственный реальный антропоним человека (ник-автоним), отаппелятивная лексема или «чужой» оним (ник-псевдоним), объединение реального имени пользователя с нарицательной единицей или «чужим» именем собственным (переходный тип).

Анализ 4 000 никнеймов и сопутствующих метаданных немецкоязычных пользователей таких интернет-ресурсов, как Facebook, Twitter, ICQ, Flickr, World of Tanks, World of Warcraft, показывает, что около 20 % никнеймов представляют собой монокомпонентные (однословные) образования псевдонимного характера. Нарицательные единицы, замещая антропоним, маркируют какое-то конкретное свойство, выдающуюся особенность лица. Так, пользователь *Markus Brehm* комментирует в метаданных своего ICQ-аккауната место работы и занимаемую им должность следующим образом: "in einer Fleischerei, leidender und leitender Angestellter". А в качестве ICQ-ника мужчина избрал лексему Metzger, которая как раз и отображает реальную профессиональную принадлежность автора этой самономинации.

Часто «в результате перехода апеллятивной лексической единицы в разряд ономастической номинации происходит редукция основного значения, и актуализируются признаки, потенциально входящие в значение данного слова» ¹. Например, в сетевом имени *Engel (Hilde Spörl)* таким актуализованным значением становится признак «невинность», одновременно на задний план отодвигается основное значение экс-апеллятива.

Исследование никнеймов выявляет определенные предпочтения и склонности пользователей в выборе нарицательных единиц, подвергающихся в процессе самономинации онимизации. Ведущее положение в описываемой группе монокомпонентных никнеймов-псевдонимов занимают лексемы, служащие для выражения какой-либо *характеристики лица*. Почти 50 % самономинаций данного типа квалифицируют человека по тому или иному признаку.

В первую очередь значительным оказывается пласт никнеймов, указывающих на профессию или род занятий человека. В основном нарицательная единица, играющая роль виртуального антропонима, обозначает реальную профессию пользователя: LehrerIN (Dora Rücker), Maschinist (Thomas Weiler), Chirurg (Heinz Henne). Данный факт легко верифицируется путем сравнения информации, предоставленной в графе «Место работы», с присвоенным ником. Например, пользовательница с никнеймом Fahrlehrerin (anita peter) сообщает название организации, в которой она работает, и должность: "Fahrschule Drive is Fun angestellte". Основанием для номинации по профессиональному признаку иногда становится образование: домохозяйка Susanne именует себя в соответствии с полученной некогда специальностью: Therapeutin. Состав единиц, выражающих род занятий человека, диффузен. Сюда включены лексемы, не обозначающие в строгом смысле профессиональную деятельность, но указывающие, так или иначе, на выполнение каких-либо работ (с разными целями): Mittler! (Julian M), Autodieb® (Timo I.), Azubi (Carsten Schäfer). Как показывают опросы информантов, самономинации данного типа часто являются лишь «ярлыками» и не отражают реального положения дел.

¹ Буркова Т.А. Функционально-стилистическое варьирование антропонимов в немецком языке : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2011. С. 253.

К профессиональным характеристикам тесно примыкают никнеймы, маркирующие *титулы*, *звания*, *должности* людей. Как правило, эти апеллятивы, перерождаясь в антропонимы, призваны завышать статус человека, так как в действительности они не принадлежат пользователям: President (Chrissy Neuroth), $K\"{o}nig$ (Michael Thiele), prinz (Jan Piller), =DOZENT= (Otto s.).

В роли сетевых имен используются единицы, обозначающие **личностные качества пользователя**, его **темперамент**. Практически все никнеймы служат выражением черт характера, порицаемых, неодобряемых обществом: Schandmäulchen (Florian F.), untreu! (August Wiegmann), Verrueckt (Sandro Arndt), Phlegma (christina). Владельцы этих антропонимов, в основном мужчины, признавались, что они выстра-ивают с помощью подобных имен имидж «плохого парня». Хотя часть респондентов не отрицала наличия отрицательного качества в структуре собственной личности. Единичными никами, иллюстрирующими одобряемые, положительные характеристики, являются: Ehrlich (Christoph -), $\underline{r}_u h_i \underline{g}_u$ (Kenny Plitt).

С подгруппой никнеймов, описанной выше, граничит совокупность сетевых «псевдонимов», которые репрезентируют *сексологическую характеристику* лица. Она может выражаться в общем смысле: sexy (Jennifer Hörth), SEXY♥ (DENISE♥ KÖRNINGER). Встречаются примеры ников, описывающие данный аспект личности максимально конкретно, например, с позиций предпочтений, ориентации пользователя: womanizer (lukas metzech), Schwuggie (AnDREaS Mm), gaylevis (Willibald A). Автор последнего никнейма в разделе «О себе» поясняет: "Webcam, jeans, trading pics, gay, schwul". Обладателями таких виртуальных антропонимов, как правило, являются люди, ищущие соответствующих отношений и контактов.

В ряде случаев характеризующая функция интернет-ников проявляется в самономинациях, маркирующих внешние признаки людей: Brünette (Miriam Feld), Corpulent (Peter), h@ger (Braflowski), pummelchen (christopher wieditz). Подобное самоописание может даваться в обобщенном смысле (формальная констатация, оценка «внешне красивый/некрасивый»): schöniii (имя отсутствует), ugly (Peter). Но чаще на первый план выдвигается какая-либо одна особенность внешности пользователя, воспроизведенная на основе бахуврихи или синекдохи: Kahlkopf (Sascha Lübcke), Sommersprosse (Patric Michelic). Примечателен и тот факт, что внешние характеристики, традиционно воспринимаемые обществом как недостатки, изъяны превалируют в корпусе примеров. Однако чаще всего такие самономинации не имеют ничего общего с самокритикой или недовольством своей внешностью. Напротив, эти ники, акцентирующие внешнюю «изюминку» автора, намеренно подчеркивают его отличие от других людей. Нередко человек просто иронизирует по поводу своей внешности, что также находит отражение в никнейме. Окказионально образованный ник nuffelia (Jessica G.), принадлежащий девушке с курносым носом, сопровождается следующим комментарием: "Hallo, ich bin Nüff, na und ...und ich kann mir keine Namen merken!"

Умственные и интеллектуальные способности человека также становятся мотивом для самоименований. При этом в корпусе примеров были обнаружены только резко отрицательные самономинации указанного типа: blööödi (Irme Gruben), DooF (Paul Faßhauer), Idiot (tobias clement). Данные никнеймы принадлежат преимущественно школьникам, многие из которых признаются в проблемах с успеваемостью. Нередко эти сетевые имена являются отражением безразличного и несерьезного отношения к учебе и образованию.

Менее популярными характеристиками, заключенными в интернет-никнеймы, представляются следующие: национально-этническая (Spanierin, griechin, \sim |*<K®O@T \in >* $|\sim$), социально-демографическая (ömchen, Vater), идеолого-политическая (Kommunist, idealistin), религиозная (Baptist, Mohammedaner22), семейный статус (Geschiedene, married).

Приведенные примеры доказывают, что отапеллятивные образования подобного рода способны маркировать одно или одновременно несколько определенных качеств личности. Какую именно лексему, характеризующую персону, выдвигать на первый план путем превращения ее в виртуальный антропоним — осознанный выбор пользователя, равно как и решение скрыть или, напротив, приукрасить какое-либо собственное качество. В таком случае некорректно было бы говорить о полной и безоговорочной анонимизации пользователя, что обычно подразумевается при использовании ников-псевдонимов, поскольку человек часто вполне правдиво сообщает в никнейме свой некий «опознавательный знак», важный признак. В ряде случаях это делается напрямую, а не в завуалированной форме.

Довольно представительную и непростую для интерпретации группу сетевых имен составляют неофициальные самономинации, в состав которых входят видовые *названия животных*. Данный способ имятворчества весьма распространен в традиционном прозвищном номинировании. «Основанием для производства подобных слов-характеристик является сходство человека с животным в плане физических качеств, свойств, манеры поведения и т.д. Отсюда прозвища: *Baer* (чаще символ здорового и физически

сильного человека), Schnecke (копуша), Hering (кощей), Karpfen (лупоглазик), Krokodil (лицемер), Elster (воровка) и т.д.» 2 .

Анализ зооморфных никнеймов выявил повышенную частотность некоторых лексем. В качестве материала для вторичной номинации употребительны единицы, обозначающие тигра (Tiger, Kleinertiger 2701), лису (Fuchs, fuchs 95), льва (Loewe, löwe), зайца (Hase, hase), медведя (bär, Bärchen), панду (Panda, pandiii). Около половины однокомпонентных ников-зооморфизмов — заимствования из английского языка: Fox (Carolin Klein), Bear 73 (S. W.), Lion (Ingo Bänsch), Monkey (Christian Haß), Housemouse (Ann-Christin), Panther (B. Bachmeyer). Среди них лидирующие места также занимают видовые названия тигра, медведя, лисы.

Возникновение подобных ников связано с человеческой потребностью в более четком представлении абстрактных явлений, таких как глупость, смелость, верность, упрямство, хитрость, суть которых можно представить себе в чем-то конкретном³. Опрос информантов показал, что в основу зооморфных самономинаций в большинстве случаев положен метафорический перенос, базирующийся на сходстве человека с животным миром. Интересен тот факт, что у людей с одинаковыми никнеймами обнаруживаются разные основания метафоризации. Например, пользовательница sarina lohmeyer с ником Fuchs объясняет выбор виртуального имени ее сходством с повадками, манерой поведения лисы. В немецком языке образ этого животного ассоциируется не только с хитростью, но и с осторожностью, опытностью. Общение с носительницей сетевого имени подтверждает данный лингвокультурологический стереотип. В то же время девушка Jessica Henne, обладающая аналогичным никнеймом Fuchs, поясняет данную самономинацию сходством цвета ее рыжих волос с окрасом лисьей шерсти.

Анималистическая лексика, согласно проведенному опросу информантов, используется преимущественно для подчеркивания положительных характеристик лица: тигр для символизации силы, доминации, лев — аналогично, а также для акцентуации лидерства, главенства, заяц — активности и смышлености.

Наряду с никнеймами-зоонимами, выделяются группы самономинаций, в основе которых находятся *инсектонимы* (названия насекомых), *ихтионимы* (названия рыб) и *орнитонимы* (названия птиц). Примерами могут быть такие ники, как: *Motte (Dominik), Raupe (carmen knackstedt), Barracuda (Martin Rieder), Goldfisch (Jess), Papagei (Corinna Reinartz), Spatzi (Hans Heinzel).* В целом корпус этих сетевых имен необъемен, но разнороден. Распространенной и сравнительно частотной в роли никнейма является лексема *Biene*. Метафорическое употребление рассматриваемой единицы в немецкой лингвокультуре традиционно связывается с актуализацией сем «привлекательность», «молодость», «подвижность», «легкость», «трудолюбие» ⁴. Эту мысль подтверждает комментарий пользовательницы *martina* с никнеймом *Biene:): "16. jung-süβ-schön!*". Тем не менее, стоит оговориться, что ники, содержащие в своем составе зоономинации, не всегда метафоричны. Часто функционирование данных лексем в роли сетевого имени обусловлено личными симпатиями к тому или иному виду животных, птиц и т.д. В доказательство сказанному приведем реплику пользователя с ником *Doggi* из личного опроса:

Doggi (12:00:20 14/06/2014)

Ich bin ein echter Dogfreund! Meine beiden Dackel Max und Bax sind tagsüber nebenan.

В качестве монокомпонентных никнеймов-псевдонимов употребительны лексемы-кулинаронимы, обслуживающие область номинации человеческой деятельности по приготовлению пищи, куда в основном входят наименования продуктов питания. Значительная часть сетевых имен кулинарной направленности принадлежат женщинам и обозначают сладости: schokoladentorte (Ramona), honey (Chrissi B.), Keks. (!n9@.), Krümelkuchen. (: (Jasmin S.), lolipop (Jenny), marzipan (Petra), BonBon (Verena Thole). По признанию самих пользовательниц, употребление единиц подобного рода мотивировано потребностью подчеркнуть свою притягательность, заинтриговать и очаровать собеседника.

Нередко никнейм предстает в виде названия напитка: *kakao (marlene kopp), Philterkaffee (Philipp)*. В таких случаях речь идет в основном о метонимии, поскольку в рамках описываемой самономинации наблюдается замещение по модели «напиток – любитель данного напитка».

В исследуемом материале выявлены случаи, когда денотаты соотносятся с *ирреальными существа-ми*. Лексемы, приобретающие антропонимический статус, заимствуются из таких сфер, как *религиозная*: Engel (Hilde Spörl), Teufel (Norbert Meister), angel (jessi), Devil (Heike Melzian); фольклорная: feuervogel88 (нет имени), Hexe (Najet); мифологическая: Werwolf (Thorsten Grimm), Nymphe (Jennifer fleischer),

² Потапова С.Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе. Ярославль : МУБиНТ, 2003. С. 115.

³ Робертус М.М. Характеристика лица в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2005. С. 7.

⁴ Там же.

Gorgon (Christopher Ruf); фэнтези: Dragon (Dragon Dragon), Troll (Anne-Katrin Johl). Самономинации такого плана являются косвенной отсылкой, указанием на характеристику внешности или характера их автора. Выбирая в качестве никнейма лексему Satyr, пользователь Stefan Gerth, по его словам, пытался подчеркнуть присущие ему лень, распутство и пьянство. Именно перечисленные качества приписываются в мифологическом эпосе сатирам. Молодой человек объясняет и воспринимает данное сетевое имя как самоиронию. Девушка, именующаяся nymphe (kathleen scholz), делает тем самым акцент на своей внешней привлекательности, которой так славились нимфы.

Иные лексические единицы исполняют роль виртуального антропонима заметно реже. Непродуктивные группы образуют фитонимы (названия растений): Rose (Sabrina), schokominzzza (Anna Harder), Veilchen (Sandra); цветообозначения: darkred (Moritz Wiedemann), deep-blue (Lars); явления природы: rain (Simone Fels), Schnee (ISABELL SCHLEICHER), Blitz (Herdis Hirsch); абстрактные понятия, нематериальные явления: CHAOS (Christian N), ECHO (Mark), Fame (André Roth), obscurity (anja millen), RISK (Dennis Pausch); предметы материальной культуры: Patrone (Rene H.), SCHANZE (Janine), Schrank (Fridolin Großschwanz); соматизмы (название частей тела): Schnaeutzchen (Claudia K.), Schnueffel (René Passmann), Herzchen. (Louisa) и некоторые иные.

Как показывает проведенный анализ, сетевым прозвищем потенциально способен стать любой апеллятив на основе как постоянной, так и самой случайной, кратковременной связи между носителем антропонима и ассоциируемыми с ним событиями, явлениями или предметами. Косвенная номинация, подразумевающая, что денотат получает «чужое», уже «готовое» название, может быть символической, переносной, образной, смещенной. Это дает возможность именовать одно и то же лицо в более широком номинативном диапазоне и выдвинуть при помощи оригинального имени новые грани именуемого на первый план, как это демонстрируют приведенные выше примеры никнеймов-псевдонимов.

Таким образом, в основе вторичных номинаций у отапеллятивных интернет-ников лежат ассоциации, характеризующиеся большей степенью произвольности, чем у апеллятивов, что в ономастике рассматривается как особое свойство прозвищ в целом ⁵. Однако, в отличие от неофициальных номинаций традиционного антропонимикона, интернет-самонаименованиям присуща абсолютная смысловая свобода и неограниченность в процессе их конструирования.

Список использованной литературы

- 1. Буркова, Т.А. Функционально-стилистическое варьирование антропонимов в немецком языке [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2011. 438 с.
 - 2. Потапова, С.Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе [Текст]. Ярославль : МУБиНТ, 2003. 276 с.
- 3. Робертус, М.М. Характеристика лица в современном немецком языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2005. 21 с.

References

- 1. Burkova, T.A. *Funktsionalno-stilisticheskoye varyirovaniye antroponmov v nemetskom yazyke* [Functional-Stylistic Variation of Anthroponyms in German] [Text]: Doctoral Dissertation. Ufa, 2011. 438 p.
- 2. Potapova, S.Yu. *Nominatsia litsa v obikhodnom diskurse* [Personal Nominations in Everaday Discourse] [Text]. Yaroslavl': MUBiNT, 2003. 276 p.
- 3. Robertus, M.M. *Kharakteristika litsa v sovremennom nemetskom yasyke* [Personal Characterization in Modern German] [Text]: Abstracts of Dissertation. M.: Moscow Pedagogical State University, 2005. 21 p.

⁵ Буркова Т.А. Указ. соч. С. 256.

Ролевая лексика современного японского языка в практике перевода и преподавания

В статье рассматриваются особенности употребления ролевой лексики современного японского языка на примере мужской и женской речи. В качестве основных маркеров мужской и женской речи анализируются местоимения первого лица и заключительные модально-экспрессивные частицы. Существуют значительные различия между употреблением маркеров мужской и женской речи в реальной речи и употреблением, зафиксированным в таких письменных источниках, как произведения художественной литературы, переводы иностранной литературы и средства массовой коммуникации. Несмотря на это, учебные пособия по-прежнему ориентируются на устаревшие представления об употреблении маркеров мужской и женской речи, не соответствующие современным языковым реалиям.

ролевая лексика, мужская и женская речь, заключительные модально-экспрессивные частицы

Kalyuzhnova, Marina

(Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia)

Gender Role Vocabulary of Modern Japanese as Reflected in Translation and Language Teaching

The paper examines the peculiarities of gender role vocabulary as it manifests itself in contemporary Japanese. The research focuses on the first-person pronouns and sentence-final particles. There are significant differences between the use of gender markers in authentic oral communication and evidence of their use recorded in written sources, such as original works of fiction, translations of fiction, and mass media texts. Despite this, the textbooks of Japanese are still guided by outdated notions about the use of male and female speech markers, disregarding contemporary linguistic realities.

role language, gender differences in spoken Japanese, "women's language", "men's language", sentence-final particles

тандарты высшего профессионального образования предполагают у выпускников владение иностранным языком на уровне, позволяющем получать и оценивать информацию в области профессиональной деятельности из зарубежных источников. С одной стороны, в современном информационном пространстве учащиеся имеют широкие возможности доступа к оригинальным источникам на японском языке (включая произведения художественной литературы, теле- и радио новости, анимэ и манга, сериалы и художественные фильмы). При этом практика показывает, что даже учащиеся с высоким уровнем знания языка и опытом проживания в стране изучаемого языка не владеют навыками распознавания и понимания особенностей ролевой лексики. С другой стороны, учебные пособия транслируют искаженные представления о практике употребления ролевой лексики, не соответствующие реалиям XXI века.

В данной статье хотелось бы подробно остановиться на новейших исследованиях в этой области и проследить, как анализ ролевой лексики и особенностей ее употребления в письменных источниках и в реальном устном общении позволяет скорректировать понимание ролевой лексики на примере особенностей оформления мужской и женской речи.

Кинсуй Сатоси так определяет ролевую лексику *якувариго*: «Если, услышав особое словоупотребление (с точки зрения лексики, грамматики, речевых оборотов, интонации и т.п.), возможно представить себе определенный персонаж (с точки зрения его возраста, пола, профессии, социального слоя, исторической эпохи, внешности, наружности, характера и т.п.) или же если в случае предъявления определенного

[©] Калюжнова М.В., 2015

персонажа (личности, индивидуальности) возможно предположить, что данный персонаж, скорее всего, будет использовать определенное словоупотребление, то подобное словоупотребление называется ролевой речью» ¹. Вместе с тем, такой исследователь, как Саданобу Тосиюки ² определяет подобную личность как речевой персонаж.

Кинсуй Сатоси отмечает, что в широком смысле ролевая речь – это лингвистические стереотипы. При этом следует четко разграничивать такие понятия, как *якувариго* (ролевая лексика) и *исого* (в это понятие включаются арготизмы, жаргонизмы, сленг, местные говоры, просторечие и т.д.) ³. *Исого* – это полученные в результате научных исследований сведения о существующих в реальности модальностях и различиях в речи: «какие персонажи говорят подобным образом» или «как в реальности говорят подобные персонажи». В противоположность этому *якувариго* (ролевая речь) – это представления (идеи), общие у говорящего и слушающего относительно того, что «подобный персонаж (типаж), похоже, должен демонстрировать подобную манеру речи», то есть эти представления не обязательно должны совпадать с действительностью. Еще раз подчеркнем: сами представления, несомненно, существуют в действительности и являются общими почти для 100 % носителей японского языка, но при этом данные представления не обязательно имеют денотат в реальности и совпадают с чувственным опытом данных носителей языка. Например, все носители японского языка имеют четкие представления об особенностях ролевой речи (на японском языке) таких персонажей, как король, принцесса, робот, инопланетянии и т.д.

В эпоху, когда звукозапись была технически не осуществима, очень часто материалом для лингвистических исследований выступали тексты художественных произведений. Однако диалогическая речь здесь (в случае с японским языком в особенности) не может быть приравнена к существующей в действительности. Если говорить о ролевой речи, Кинсуй Сатоси расценивает ее как воображаемую, виртуальную действительность. При этом расстояние между реальной действительностью и воображаемой может быть различным, однако некое смещение обязательно присутствует 4.

При этом носители японского языка могут и не осознавать разрыв между реальной речью и художественной литературой, поскольку ролевая речь присутствует в их сознании в качестве стереотипов. В случае столкновения стереотипа с реальностью, сознание реагирует на подобные расхождения, трактуя их как «исключение из правил». Однако если носителей языка попросить проанализировать собственное речевое поведение, они начинают четко осознавать существование данного разрыва.

Одной из разновидностей ролевой речи является мужская и женская речь. В данной статье мы подробно рассмотрим особенности употребления ролевой лексики на примере мужской и женской речи, которую определяют как «проявление дифференциации речи по гендерному признаку, специфические особенности речи женщин по сравнению с речью мужчин, проявляющиеся как на уровне системы языка, так и в процессе его функционирования» ⁵.

Анализируя подсистемы мужской и женской речи в разных языках, можно утверждать, что их существование в японском языке не является чем-то уникальным, но их чрезвычайное развитие позволяет определить это явление как одну из характерных особенностей японского языка.

В отечественном языкознании есть несколько фундаментальных работ, изданных преимущественно в 80-х годах XX века: В.М. Алпатов «Система личных местоимений 1-го и 2-го лица в современном японском языке» (1980), В.М. Алпатов, Т.Б. Крючкова «О мужском и женском вариантах японского языка» (1980), А.Ф. Прасол «Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи» (1989). Наиболее новая по времени выхода работа — диссертационное исследование Н.Д. Крнета «Мужская и женская речь в современном японском языке» (2003). В ней автор, обобщая работы отечественных и зарубежных ученых и на основании собственного исследования, делает следующие выводы: «Тем не менее, если говорить о превалирующих тенденциях, можно отметить незначительные расхождения между словами, используемыми мужчинами и женщинами, в сфере имен существительных одновременно со все еще четким разделением личных местоимений на мужские (орэ, боку) и женские (атаси, ватакуси). Заключительные модально-экспрессивные частицы разделяются ныне на «мужские» и «женские» не так

¹ Кинсуй Сатоси 金水敏 『バーチャル日本語. 役割語の謎』岩波書店 [Виртуальный японский язык. Загадка ролевой лексики]. Изд-во Иванами сётэн, 2003. С. vi.

² Саданобу Тосиюки 定信利之『日本語社会のぞきキャラくり』 三省堂 [Характеры, подсмотренные в японском обществе]. Изд-во Сансэйдо, 2001. С. 160.

³ Кинсуй Сатоси. Указ. соч. С. 32.

⁴ Там же. С. vi.

⁵ Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 107.

четко, как еще 20 лет назад, поскольку появились заимствования из одной подсистемы в другую» ⁶. Как показывают исследования последних лет, подобные выводы обусловлены использованными источниками и в настоящее время должны быть скорректированы в соответствии с языковыми реалиями XXI века.

Вместе с тем, автор отмечает: «Различие в количестве предложений, заканчивающихся на заключительные модально-экспрессивные частицы пока еще недостаточно документировано, и доказать, что женщины используют больше заключительных модально-экспрессивных частиц в своей речи, не удается. В данном случае более важным является выбор той или иной частицы вообще» 7.

Среди всего разнообразия ролевой лексики в данной статье мы ограничимся рассмотрением таких особенностей мужской и женской речи в японском языке, как употребление местоимений 1-го лица и употребление заключительных частиц.

Среди местоимений 1-го лица, употребляемых в мужской речи, Кинсуй Сатоси противопоставляет, с одной стороны, местоимения ватаси и ватакуси, которые могут употребляться независимо от гендерной принадлежности говорящего, и, с другой стороны, местоимения боку и орэ, которые употребляются исключительно в частной, неофициальной ситуациях речи в. При этом орэ соответствует имиджу брутального, атакующего мужчины, а употребление боку производит впечатление слабого, изнеженного человека. Кроме того, Ота Макико указывает, что боку соответствует имиджу интеллигентного, старательного человека. Кинсуй Сатоси также подчеркивает, что в художественной литературе местоимение орэ, создающее впечатление брутального, сильного мужчины, противопоставляется местоимению боку, соответствующему имиджу умного, смелого, справедливого героя.

Относительно местоимения вacu (в сочетании с формой связки ∂s я) Кинсуй Сатоси подчеркивает, что в современном обществе оно употребляется в функции маркера ролевой речи и соответствует таким персонажам, как «пожилой человек», «пожилой профессор», «мудрый старец» и т.п. 10

Что касается местоимения *дзибун* (в сочетании с формой связки *дэ аримас*) – оно употреблялось в армии (в сухопутных войсках) как местоимение 1-го лица ¹¹. При этом на флоте в аналогичных ситуациях употреблялось *ватакуси* по отношению к вышестоящим и *орэ* – по отношению к равным. Изучавший историю употребления местоимения *дзибун* в функции местоимения 1-го лица Эндо Ёсихидэ отмечает, что подобных фактов совершенно не наблюдалось в китайском языке и почти не встречается в исторических документах ¹². Кунихата Томохидэ и Янг Чхансу подчеркивают, что в Новое время такое употребление характерно для языка самураев (*самураи-котоба*) ¹³. Данные авторы изучали возникновение стереотипов речи военных, однако подчеркивали, что необходимы дальнейшие исследования относительно того, как произошло осознание этих форм в качестве ролевой лексики, характерной для военных. Также Кигава Икуо ¹⁴ отмечает, что употребление местоимения *дзибун* в функции местоимения 1-го лица в современном обществе ассоциируется либо с речью военных, либо с речью младшего по отношению к старшему, однако в письменных документах эпохи Мэйдзи оно использовалось, напротив, в речи старших, обращенной к нижестоящим. Кигава отмечает, что смена парадигмы на обратную произошла, скорее всего, в конце периода Мэйдзи — начале периода Тайсё и имела отношение к реформе японских сухопутных войск. Кигава

⁶ Крнета Н.Д. Мужская и женская речь в современном японском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2003. С. 17.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Кинсуй Сатоси. Указ. соч. С. 14.

⁹ Ота Макико 太田眞希恵『ウサイン・ボルトの"I"は、なぜ「オレ」と訳されるのか』「放送研究と調査」 59(3)2009-03、NHK放送文化研究所 [Почему "I" Усэйна Болта переводят как "Оте": ролевая лексика в спортивном вещании] // Исследования телерадиовещания / НИИ культуры вещания NHK. 2009. № 59 (3). С. 63.

¹⁰ Кинсуй Сатоси. Указ. соч. С. 8.

¹¹ Кигава Икуо 木川行央「一人称代名詞としての「自分」」『言語科学研究:神田外語大学大学院紀要』 [«Дзибун» в качестве местоимения первого лица] // Лингвистические исследования: бюл. аспирантуры Ун-та иностр. яз. Канда. 2011. № 17. С. 40.

¹² Эндо Ёсихидэ 遠藤好英「自分」日本文芸研究会、佐藤喜代治編『講座日本語の語彙10語誌誌2』明治書院 [Местоимение «Дзибун»]. Курсы: Лексикология японского языка. Изд-во «Общество изучения японской литературы», 1983. № 10. С. 185–192.

¹³ Кунихата Томохидэ, Янг Чхансу 衣畑智秀・楊昌朱「役割語としての『軍隊後』の成立」金水敏編『役割語 研究の地平』くろしお出版 [Формирование «армейского языка» как разновидности ролевой лексики] // Горизонты изучения ролевой лексики. Изд-во Куросио, 2007. С. 179–192.

¹⁴ Кигава Икуо. Указ. соч. С. 39–65.

считает, что возможность употреблять местоимение $\partial 3u \delta y h$ как от старшего к младшему, так и наоборот, возникла вследствие его нейтральности ¹⁵.

Теперь обратимся к системе местоимений женской речи. Такие исследователи, как Кинсуй Сатоси, Куросу Рисако, Руфь ван Бален, отмечают, что для женской речи характерно употребление местоимений *ватаси* и *ватакуси*. Несмотря на то, что они могут использоваться независимо от гендерной принадлежности говорящего, существует специфика их употребления женщинами.

Местоимение *атаси* может рассматриваться как специфически женское. Яманиси Масако и Ямада Маюко ¹⁶ указывают, что в нейтральных ситуациях женщины употребляют местоимение *ватаси*, но в ситуациях, когда желательно подчеркнуть ребячливость, послушание, кротость, фамильярность, используется местоимение *атаси*. В противоположность этому, местоимение *ватакуси* употребляется, когда необходимо показать скромность в профессиональной ситуации общения или когда к говорящему привлечено общественное внимание. Яманиси и Ямада рассматривают подобные случаи как сознательное проявление некоего противоречия, несогласия говорящего с ситуацией.

Теперь перейдем к употреблению заключительных частиц как маркеров мужской и женской речи в японском языке. В российском языкознании наиболее подробно заключительные частицы исследовал А.Ф. Прасол в работе 1999 года «Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи».

В японской грамматике они именуются «заключительными вспомогательными частицами» (сю:дзёси), в англоязычной – «завершающими предложение» (Sentence-final particles), в русской – «заключительными модально-экспрессивными частицами».

По данным А.Ф. Прасола, заключительным модально-экспрессивным частицам в японском языке присущи следующие особенности. Во-первых, возраст снимает часть ограничений по уровню вежливости, обязательному для женской речи ¹⁷. В этом заключается одна из трудностей определения принадлежности частицы к мужскому или женскому варианту языка — чем старше говорящий, тем меньше различий между мужской и женской речью, хотя полностью они не стираются. Во-вторых, одна из возрастных особенностей японской речи заключается в использовании ряда частиц и их сочетаний, которые по нормам современной речи считаются архаичными или глубоко периферийными. К ним в первую очередь следует отнести частицы *но:*, э и все образуемые ими сочетания с другими частицами или грамматическими формами сказуемого.

В своей работе Н.Д. Крнета упоминает, что некоторые элементы языка, которые считались особенностью мужской или женской подсистем языка, перенимаются представителями противоположного пола. Например, «женскую» модально-экспрессивную частицу a с

Такие исследователи, как Кинсуй Сатоси, Куросу Рисако, Руфь ван Бален, указывают, что для женской речи характерно употребление заключительной частицы *ё* в сочетании с субстантивами.

Согласно результатам исследований Куросу Рисако ¹⁹ употребление заключительной частицы *ва* абсолютно стопроцентно соотносится с гендерной принадлежностью говорящего.

Кроме того, Руфь ван Бален ²⁰ подчеркивает, что в диалогах художественных произведений употребляются те же речевые маркеры, что и в реальной устной речи, а также тот факт, что в случае с носителями языка читатель художественной литературы, основываясь на общих знаниях (стереотипах) с автором, ожидает встретить те же речевые маркеры.

Корейский исследователь Чжон Хэсон занимается сравнительным исследованием образов персонажей комиксов манга и их предполагаемой манеры речи у носителей японского языка и учащихся – носителей корейского языка. Результаты показали значительную разницу имеющихся знаний ролевой речи меж-

¹⁵ Кигава Икуо. Указ. соч. С. 59.

¹⁶ Яманиси Масако, Ямада Маюко 山西正子、山田繭子『「あたし」考』目白大学 人文学研究第4 .7 v. [Изучение местоимения «атаси»] / Университет Мэдзиро // Гуманитарные исследования. 2008. № 4, 7. С. 189.

 $^{^{17}}$ Прасол А.Ф. Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи. Владивосток : Дальневосточный университет, 1989. С. 12.

¹⁸ Крнета Н.Д. Указ. соч. С. 17.

¹⁹ Куросу Рисако 黒須理紗子「女ことば・男ことばの研究–差異と変遷–」『日本文学』[Исследования женской речи и мужской речи: различия и изменения] // Японская литература. 2008. № 104. С. 195.

²⁰ Ван Бален, Руфь「小説に使用される性差マーカー」『筑波応用言語学研究』[Маркеры половой принадлежности, используемые в романах] // Исследования по прикладной лингвистике Университета Цукуба. 2001. № 8. С. 85–98, 95.

ду учащимися даже продвинутого уровня знаний и носителями языка. Чжон Хэсон ²¹ отмечает, что в случае отсутствия специфических речевых маркеров в речи персонажа, ученики не могут выбрать определенную речевую стратегию. Она выдвигает гипотезу о том, что корейские учащиеся стремятся рассматривать лежащие на поверхности языковые формы (такие как заключительные частицы) в качестве маркеров ролевой речи. Следовательно, можно предположить (в соответствии с ее выводами), что, в случае недостаточной способности обнаружения специфических речевых маркеров мужской и женской речи, студенты не могут выбрать определенную речевую стратегию.

Обратимся к особенностям использования ролевой лексики современного японского языка в таких сферах, как художественная литература и иностранная литература в переводах, а также кинематограф, средства массовой коммуникации, бытовое общение в реальной жизни и презентация в учебных пособиях для иностранных учащихся.

В отношении художественной литературы на японском языке известный японский писатель Симидзу Ёсинори в эссе «Язык художественной прозы» размышляет: «В реальности нет начальников, которые бы отдавали распоряжение подчиненным с помощью формы [оканчивающейся на] *-тамаэ*, вместо нее могут употребляться разные выражения. Однако я не могу использовать в романе в качестве реплики второстепенного героя-начальника реальную фразу из жизни. То есть я могу ее использовать, но тогда придется подробно описывать особенности характера и жизни этого персонажа, и он превратится в главного героя. Если это проходной персонаж, мне нужно, чтобы он произнес свою знаковую реплику и исчез из произведения. Если использовать определенные (стереотипизированные) модели, то это будет выглядеть убедительно для читателя. Конечно, когда я пишу романы с глубоким содержанием, я избегаю установившихся моделей. Но, несмотря на это, я не могу использовать и формы из реального языка. Диалоги в художественном произведении — это заново сформированный, выдуманный (фиктивный) язык. Конечно, я хотел бы по возможности писать более реально, но полностью это не выполнимо» ²².

Кинсуй Сатоси ²³ дополняет это высказывание указанием на то, что эти замечания касаются только второстепенных персонажей. И наоборот, если в романе для всех героев используется только ролевая речь *якувариго* – это произведение из второго ряда. Для главного героя, с которым, как ожидается, будет идентифицировать себя читатель, авторами используется нейтральный литературный язык. Таким образом, в современных произведениях художественной литературы (рассказы, романы, манга) и кинематографа (кинофильмы, телесериалы, мультипликационные фильмы) ролевая лексика активно используется как средство имплицитной характеристики персонажей.

Сходные тенденции наблюдаются также в переводах иностранных произведений художественной литературы и кинематографа на японский язык. Главная тенденция в использовании ролевой лексики состоит в том, что речевые маркеры мужской и женской речи, которые уже не употребляются в современном мире, продолжают использоваться в переводах зарубежных произведений художественной литературы и кинематографа.

Накамура Момоко 24 указывает, что при переводе на японский язык речи мужчин-персонажей зарубежной литературы и речи мужчин-иностранцев, существующих в реальности (актеры, спортсмены и т.д.), используются такие речевые маркеры, как местоимение *боку*, заключительные частицы *яа, са,* вопросительные частицы *дай, кай* и т.п. Эти маркеры создают впечатление чрезвычайно непринужденной, откровенной речи, однако исследователь подчеркивает, что возможность подобного использования ограничена кругом мужчин-иностранцев, а японские мужчины в реальности так не говорят.

Аналогичная ситуация наблюдается и относительно женской речи. Речь героинь произведений зарубежной литературы и речь женщин-иностранок, существующих в реальности (певицы, спортсменки и т.д.), переводится на японский язык с использованием маркеров женской речи: заключительных частиц 6a, 4a, 6a, 6a

²¹ Чжон Хэсон「日本語役割語に対する韓国人日本語学習者の意識」長崎外大論叢第12号 [Осознание корейскими учащимися ролевой лексики в японском языке]: сб. тр. Ун-та иностр. яз. Нагасаки, 2008. № 12. С. 51.

²² Симидзу Ёсинори 清水義範 『日本語必笑講座』講談社 [Занимательные курсы японского языка]. Изд-во Коданся, 2003 // 金水敏 『バーチャル日本語. 役割語の謎』岩波書店 [Виртуальный японский язык. Загадка ролевой лекси-ки]. Изд-во Иванами сётэн, 2003. С. 30.

²³ Кинсуй Сатоси. Указ. соч. С. 32.

²⁴ Накамура Момоко 中村桃子『翻訳が作る日本語.ヒロインは女言葉を話し続ける』白澤社 [Японский язык, создаваемый переводами. Героини продолжают использовать женскую речь]. Изд-во Хакутакуся, 2013. С. 26.

следних в возрасте от 35 до 45 лет они постепенно становятся мертвыми выражениями, а для женщин в возрасте от 20 до 30 лет почти исчезли.

Аналогичную ситуацию с использованием маркеров мужской и женской речи в средствах массовой коммуникации анализирует исследователь Ота Макико ²⁵. Она подчеркивает, что даже при переводе таких близких ситуаций, как интервью мужчин-спортсменов, которые оба являются золотыми медалистами, в зависимости от того, как воспринимаются особенности их характеров (их типажи), используются разные речевые маркеры. Ученый выделяет модели (шаблонные ситуации), в которых используется ролевая речь в средствах массовой коммуникации, и указывает, что функция ролевой лексики в подобных ситуациях — выступать знаком (атрибутом) звезд спорта. Ота провела анкетирование представителей средств массовой коммуникации и выявила, что они сознательно используют подобные речевые маркеры: так, при переводе речи Усэйна Болта это местоимение *орэ*, при переводе высказываний Майкла Фелпса — местоимение *боку*. Однако Ота делает оговорку, что в ситуациях, не имеющих отношение к высокому накалу эмоций, даже для такой яркой индивидуальности, как Усэйн Болт (которому чрезвычайно подходит местоимение *орэ*), в переводе используется нейтральное местоимение *ватаси*.

Ота отмечает, что заключительная частица *ва* как типичный маркер женской речи, обычно передает восклицание и выполняет функцию смягчения утверждения. Именно поэтому заключительная частица *ва* неоднократно используется при переводе на японский язык интервью таких королев спорта, как Елена Исинбаева или Флоренс Гриффит-Джойнер.

Что касается использования маркеров мужской и женской речи в бытовом общении носителями японского языка, то исследования Мидзумото Тэруми, Фукумори Сугако и Такада Кёко ²⁶ показали следующие результаты. Во-первых, реальное употребление заключительных частиц-показателей речи у женщин в возрасте 20-40 лет чрезвычайно редко. А молодые женщины в возрасте 20-30 лет их почти не используют. Во-вторых, коэффициент использования молодыми женщинами-героинями в различных учебных пособиях (за исключением экзаменационных текстов) заключительных частиц-показателей женской речи чрезвычайно высок и превышает реальный в 10–15 раз. В-третьих, в большинстве учебных пособий в бытовых диалогах заключительные частицы-показатели женской речи вводятся как контрастные к мужской речи, с обязательным подчеркиванием разницы между мужской и женской речью независимо от возраста и национальности говорящих. Авторами было проведено анкетирование женщин в возрасте от 20 до 50 лет, вот их ответы на вопрос «В каких ситуациях вы используете заключительные частицы-показатели женской речи?»: «Обычно не использую», «Если использую "касира", то это выглядит как сарказм», «Использую, когда хочу быть высокомерной, или когда хочу вызвать смех, когда ради шутки хочу выглядеть более женственной», «Обычно не использую, а когда пытаюсь это сделать, это звучит как речь транссексуалов», «Женская речь звучит несколько напыщенно, поэтому бывают случаи, когда я намеренно избегаю ее употребления».

Если проанализировать употребление маркеров мужской и женской речи в учебных пособиях по японском языку, то Мидзумото Тэруми, Фукумори Сугако и Такада Кёко отмечают, что в учебных пособиях при презентации ролевой лексики продолжают использоваться показатели женской речи (заключительные частицы), причем в сопоставительном аспекте с мужской речью. При этом количество словоупотреблений в учебных пособиях превышает количество словоупотреблений в естественной речи в 10–15 раз. Налицо огромный разрыв с современными языковыми реалиями.

Результаты опросов молодых японских женщин в возрасте от 20 до 40 лет показывают, что использование заключительных частиц-показателей женской речи ограничивается ситуациями шутки, иронии, сарказма или же сводится к строго ограниченному употреблению в специфических профессиональных ситуациях. В последнее время большинство пособий снабжены аудиоматериалами, содержащими модели диалогов, часто предполагающие повторение за диктором. Проблема в том, что при подобной практике обучения учащимися будут усвоены неестественные для носителей языка модели поведения, что неизбежно приведет к трудностям в реальном общении.

То же самое наблюдается и в ситуации с квалификационными экзаменами. Можно возразить, что однократное предъявление примеров в процессе экзамена не должно значительно повлиять на знания учащихся, однако если принять во внимание, что в процессе подготовки применяется неоднократное прослу-

²⁵ Ота Макико. Указ. соч. С. 65.

²⁶ Мидзумото Тэруми, Фукумори Сугако, Такада Кёко 水本光美、福盛寿賀子、高田恭子「日本語教材に見る女性文末詞-実社会における使用実態調査との比較分析」『日本語とジェンダー』9号 [Заключительные частицы в учебных материалах по японскому языку: исследование реального употребления в обществе и сравнительный анализ] // Японский язык и гендер. 2009. № 9. URL: http://www.gender.jp/journal/no9/02 mizumoto.html

шивание и анализ заданий прошлых лет, то становится ясно, что эта проблема также не может быть проигнорирована.

Рассмотрим причины высокой частотности использования заключительных частиц-показателей женской речи в учебных пособиях. Во-первых, в процессе подготовки последних авторы часто совершенно не интересуются реальным положением с употреблением заключительных частиц-показателей женской речи. Как указывает Кобаяси Миэко ²⁷, при переизданиях учебников пересмотру подвергается круг затрагиваемых тем, но в большинстве случаев грамматические характеристики (в частности, заключительные форманты в предложении) текстов остаются неизменными. Возможно, авторы, не имея сведений о фактическом использовании заключительных частиц-показателей женской речи, по-прежнему транслируют речевые стереотипы. Во-вторых, даже имея представление о фактическом использовании, многие авторы учебников рассматривают существование мужской и женской речи в японском языке как его особенность, которую необходимо затрагивать в процессе обучения. Несомненно, существует точка зрения, согласно которой следует способствовать тому, чтобы была унаследована традиция использования женщинами вежливой речи и правильных, красивых оборотов японского языка. Кроме того, не вызывает возражений мнение Судзуки Муцуми ²⁸ о необходимости знакомить учащихся с таким языковым фактом, как существование заключительных частиц-показателей женской речи, поскольку они продолжают активно употребляться в художественной литературе и телесериалах.

Хотелось бы отметить существование противоположной точки зрения таких исследователей, как Никайдо Сэй ²⁹ и Ябэ Хироко ³⁰, утверждающих: нельзя говорить о том, что у молодежи исчезла разница между мужской и женской речью в реальном употреблении. Данные авторы приводят наблюдения о том, что у молодежи заключительные частицы-показатели женской речи выступают как один из способов передачи эмоциональной составляющей в любовных отношениях (это влияет на более активный выбор частицы *ва*). Однако материалом для названных исследований послужили в одном случае корпус текстов, собранных более 15 лет назад, а в другом случае – материалы дневниковых записей двух девочекреспонденток, полученные более 25 лет назад, что сложно расценивать как данные о современных женщинах молодого поколения.

Таким образом, необходимо учитывать проблемы, которые могут возникнуть в результате привлечения материала подобных учебных пособий при обучении иностранных учащихся употреблению заключительных частиц-показателей женской речи, используемых современными молодыми японками. О подобных проблемах, в частности, упоминают Томсон-Киносита Тихиро и Иида Дзюнко ³¹. Другими словами, необходимо четкое разделение между распознаванием языковых явлений и их продуцированием. Прошло уже более 20 лет с момента появления тенденции к исчезновению из употребления в реальной речи носителей языка заключительных частиц-показателей женской речи. Также при рассмотрении категории женщин среднего и старшего возраста, которые еще продолжают их изредка употреблять, можно вслед за Накадзима Эцуко ³² прогнозировать, что через 10 лет в этой возрастной категории окажутся женщины, которые их не употребляют. Мы находимся на стадии, когда необходимо, признав постоянные изменения,

²⁷ Кобаяси Миэко 小林美恵子「世代と女性語-若い世代の言葉の『中性化』について」『日本語学』[Поколения и женская речь: о «нейтрализации» языка молодого поколения] // Изучение японского языка. 1993. № 12–6. С. 181–192.

²⁸ Судзуки Муцуми 鈴木睦「言葉の男女差と日本語教育」『日本語教育』134号,日本語教育学会 [Различия в мужской и женской речи и обучение японскому языку] // Обучение японскому языку. Изд-во «Общество преподавания японского языка», 2007. № 134. С. 48–57.

²⁹ Никайдо Сэй 二階堂整「ジェンダーとことば」ダニエル・ロング・中井精一・宮地弘明編 『応用言語 学を学ぶ人のために』世界思想社 [Гендер и язык]. Для тех, кто изучает прикладную лингвистику. Изд-во Сэкай сисося, 2001. С. 83–90.

³⁰ Ябэ Хироко 谷部弘子「『女性ことば・職場編』にみる終助詞『わ』の行方」『日本語教育』130号,日本語教育学会 [Место заключительной частицы «ва»: исследование женской речи и рабочих мест женщин] // Обучение японскому языку. Изд-во Общества преподавания японского языка, 2006. № 130. С. 60–69.

³¹ Томсон-Киносита Тихиро, Иида Дзюнко「日本語教育における性差の学習:オーストラリアの学習者の意識調査より」 『日本語教育論集 世界の日本語教育』12, 国際交流基金日本語国際センター [Изучение гендерных различий в преподавании японского языка: обзор анкетирования австралийских учащихся] // Обучение японскому языку в мире: сб. работ по преподаванию японского языка. Изд-во «Международный центр преподавания японского языка при Японском фонде», 2002. № 12. С. 1–20.

³² Накадзима Эцуко 中島悦子「疑問表現の様相」現代日本語研究会編『女性の言葉・職場編』ひつじ書房 [Аспекты изучения вопросительных конструкций] // Женская речь и рабочие места женщин. Изд-во Хицудзи кобо, 1997. С. 59–82.

происходящие в японском обществе, пересмотреть формы репрезентации ролевой лексики в учебных пособиях.

Основная задача для дальнейших исследований в этом направлении – стремиться достичь большего соответствия учебных материалов и методик обучения реальному функционированию языка в обществе.

Список использованной литературы

- 1. Алпатов, В.М. О мужском и женском вариантах японского языка [Текст] / В.М Алпатов, Т.Б. Крючкова // Вопросы языкознания. М. : Наука, 1980. N = 3. C. 58–68.
- 2. Алпатов, В.М. Система личных местоимений 1-го и 2-го лица в современном японском языке [Текст] // Теория и типология местоимений. М.: Наука, 1980. 165 с.
- 3. Ван Бален, Руфь 「小説に使用される性差マーカー」『筑波応用言語学研究』 [Маркеры половой принадлежности, используемые в романах] [Текст] // Исследования по прикладной лингвистике Ун-та Цукуба. 2001. № 8. С. 85—98.
- 4. Кигава Икуо 木川行央「一人称代名詞としての「自分」」『言語科学研究:神田外語大学大学院紀要』[«Дзибун» в качестве местоимения первого лица] [Текст] // Лингвистические исследования: бюл. аспирантуры Ун-та иностр. яз. Канда. 2011. № 17. С. 39–65.
- 5. Кинсуй Сатоси 金水敏 『バーチャル日本語. 役割語の謎』岩波書店 [Виртуальный японский язык. Загадка ролевой лексики] [Текст]. Изд-во Иванами сётэн, 2003. 225 с.
- 6. Кобаяси Миэко 小林美恵子「世代と女性語-若い世代の言葉の『中性化』について」『日本語学』 [Поколения и женская речь: о «нейтрализации» языка молодого поколения] [Текст] // Изучение японского языка. 1993. № 12–6. С. 181–192.
- 7. Крнета, Н.Д. Мужская и женская речь в современном японском языке [Текст] : автореф. дис. . . . канд. филол. наук. -2003. -23 с.
- 8. Кунихата Томохидэ 衣畑智秀・楊昌朱「役割語としての『軍隊後』の成立」金水敏編『役割語研究の地平』くろしお出版 [Формирование «армейского языка» как разновидности ролевой лексики] [Текст] / Кунихата Томохидэ, Янг Чхансу // Горизонты изучения ролевой лексики. Изд-во Куросио, 2007. С. 179—192.
- 9. Куросу Рисако 黒須理紗子「女ことば・男ことばの研究–差異と変遷–」 『日本文学』[Исследования женской речи и мужской речи: различия и изменения] [Текст] // Японская литература. 2008. № 104. С. 187—203.
- 10. Мидзумото Тэруми 水本光美、福盛寿賀子、高田恭子「日本語教材に見る女性文末詞-実社会における使用実態調査との比較分析」『日本語とジェンダー』9号[Заключительные частицы в учебных материалах по японскому языку]: исследование реального употребления в обществе и сравнительный анализ] [Электронный ресурс] / Мидзумото Тэруми, Фукумори Сугако, Такада Кёко // Японский язык и гендер. 2009. № 9. Режим доступа: http://www.gender.jp/journal/no9/02_mizumoto.html
- 11. Накадзима Эцуко 中島悦子「疑問表現の様相」現代日本語研究会編『女性の言葉・職場編』ひつじ書房 [Аспекты изучения вопросительных конструкций] [Текст] // Женская речь и рабочие места женщин. Издво Хицудзи кобо, 1997. Р. 59–82.
- 12. Накамура Момоко 中村桃子『翻訳が作る日本語 . ヒロインは女言葉を話し続ける』白澤社 [Японский язык, создаваемый переводами. Героини продолжают использовать женскую речь] [Текст]. Изд-во Хакутакуся, 2013. 205 с.
- 13. Никайдо Сэй 二階堂整「ジェンダーとことば」ダニエル・ロング・中井精一・宮地弘明編 『応用言語学を学ぶ人のために』世界思想社 [Гендер и язык] [Текст] // Для тех, кто изучает прикладную лингвистику. Изд-во Сэкай сисося, 2001. С. 83—90.
- 14. Ота Макико 太田眞希恵『ウサイン・ボルトの "I"は、なぜ「オレ」と訳されるのか』「放送研究と調査」59(3)2009-03、NHK放送文化研究所 [Почему "I" Усэйна Болта переводят как "Оге": ролевая лексика в спортивном вещании] [Текст] // Исследования телерадиовещания / НИИ культуры вещания NHK. 2009. № 59 (3). С. 56—73.
- 15. Прасол, А.Ф. Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи [Текст]. Владивосток : Дальневост. ун-т, 1989. 68 с.
- 16. Саданобу Тосиюки 定信利之『日本語社会のぞきキャラくり』三省堂 [Характеры, подсмотренные в японском обществе] [Текст]. Изд-во Сансэйдо, 2001. 208 с.
 - 17. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов [Текст]. Назрань: Пилигрим, 2010. 488 с.

- 18. Судзуки Муцуми 鈴木睦「言葉の男女差と日本語教育」『日本語教育』134号,日本語教育学会 [Различия в мужской и женской речи и обучение японскому языку] [Текст] // Обучение японскому языку. Изд-во «Общество преподавания японского языка», 2007. № 134 С. 48–57.
- 19. Томсон-Киносита Тихиро「日本語教育における性差の学習:オーストラリアの学習者の意識調査より」 『日本語教育論集 世界の日本語教育』12, 国際交流基金日本語国際センター [Изучение гендерных различий в преподавании японского языка: обзор анкетирования австралийских учащихся] [Текст] / Томсон-Киносита Тихиро, Иида Дзюнко // Обучение японскому языку в мире: сб. работ по преподаванию японского языка. Изд-во «Международный центр преподавания японского языка при Японском фонде», 2002. № 12. С. 1–20.
- 20. Чжон Хэсон 鄭惠先 「日本語役割語に対する韓国人日本語学習者の意識」長崎外大論叢第12号 [Осознание корейскими учащимися ролевой лексики в японском языке] [Текст]: сб. тр. Ун-та иностр. яз. Нагасаки, 2008. № 12. С. 49—58.
- 21. Эндо Ёсихидэ 遠藤好英「自分」日本文芸研究会、佐藤喜代治編『講座日本語の語彙10語誌誌2』明治書院 [Местоимение «Дзибун»] Курсы: Лексикология японского языка [Текст]. Изд-во ««Общество изучения японской литературы», 1983. № 10. С. 185–192.
- 22. Ябэ Хироко 谷部弘子「『女性ことば・職場編』にみる終助詞『わ』の行方」『日本語教育』130号, 日本語教育学会 [Место заключительной частицы «ва»: исследование женской речи и рабочих мест женщин] [Текст] // Обучение японскому языку. Изд-во «Общество преподавания японского языка», 2006. № 130. С. 60—69.
- 23. Яманиси Масако 山西正子、山田繭子『「あたし」考』目白大学 人文学研究第4.7 v. [Изучение местоимения «атаси»] [Текст]/ Яманиси Масако, Ямада Маюко // Гуманитарные исследования. Университет Мэдзиро, 2008. № 4, 7. С. 183—200.

References

- 1. Alpatov, V.M. O muzhskom i zhenskom variantakh yaponskogo yazyka [About the male and female versions of the Japanese language] [Text] / V.M. Alpatov, T.B. Kryuchkova // Voprosy yazykoznaniya [Topics in the study of language]. M.: Nauka, 1980. N = 3. P.58 = 68 (in Russian).
- 2. Alpatov, V.M. Sistema lichnyh mestoimenij 1-go i 2-go litsa v sovremennom yaponskom yazyke [A system of personal pronouns of the 1st and 2nd person in the modern Japanese language] [Text] // Teoriya i tipologiya mestoimenij [Theory and typology of pronouns]. M.: Nauka, 1980. 165 p. (in Russian).
- 3. EndoYushihide 遠藤好英「自分」[Pronoun "Jibun"][Text]日本文芸研究会 佐藤喜代治編『講座日本語の語彙10 語誌2』明治書院. Society for Japanese literature study. "Course: Lexicology of Japanese". Publishing House Meiji shouin, 1983. P. 185–192.
- 4. Kigawa Ikuo 木川行央「一人称代名詞としての「自分」」『言語科学研究:神田外語大学大学院紀要』["Jibun" as "the first person pronoun"] [Text] // Language scientific research: Kanda University of International Studies graduate school bulletin, 2011. N 17. P. 39–65.
- 5. Kinsui Satoshi 金水敏『バーチャル日本語. 役割語の謎』岩波書店 [Virtual Japanese. Mystery of the role language] [Text]. Publishing House Iwanami shoten, 2003. 225 p.
- 6. Krneta, N.D. Muzhskaya i zhenskaya rech v sovremennom yaponskom yazyke [Male and female language in modern Japanese language] [Text]: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. k.filol.n. [Abstract of the thesis for the degree of Candidate of Philology]. 2003 (in Russian).
- 7. Kobayashi Mieko 小林美恵子「世代と女性語-若い世代の言葉の『中性化』について」『日本語学』 [Generations and female language: About "the neutralization" of younger generation's language] [Text] // Japanese Language study. 1993. N 12–6. P. 181–192.
- 8. Kunihata Tomohide 衣畑智秀・楊昌朱(2007)「役割語としての『軍隊後』の成立」金水敏編『役割語研究の地平』くろしお出版 [Formation of "Army language" as an Instance of Role Language] [Text] / Kunihata Tomohide, Yang Chansu // The horizon of the role language study. Publishing House Kuroshio shuppan, 2007. P. 179–192.
- 9. Kurosu Risako 黒須理紗子「女ことば・男ことばの研究-差異と変遷-」『日本文学』[Study of male and female language: differences and changes] [Text] // Japanese literature, 2008. N 104. P. 187–203.
- 10. Mizumoto Terumi 水本光美、福盛寿賀子、高田恭子「日本語教材に見る女性文末詞-実社会における使用実態調査との比較分析-」『日本語とジェンダー』9号 [Female sentence-final particles in the Japanese teach-

ing materials: study of real use in society and comparative analysis] [Electronic resource] / Mizumoto Terumi, Fukumori Sugako, Takada Kyoko // Gender Studies in Japanese, 2009. – N 9. – Mode of access: http://www.gender.jp/journal/no9/02 mizumoto.html

- 11. Nakajima Etsuko 中島悦子「疑問表現の様相」[The aspects of study of question structures] [Text] 現代日本語研究会編『女性の言葉・職場編』ひつじ書房 // [Society for Modern Japanese study. "Female language and woman's workplace"]. Publishing House Hitsuji shobo, 1997. P. 59–82.
- 12. Nakamura Momoko 中村桃子『翻訳が作る日本語.ヒロインは女言葉を話し続ける』白澤社[Japanese which translation makes. The heroine continues speaking female language] [Text]. Publishing House Hakutakusha, 2013 205 p.
- 13. Nikaido Sei 二階堂整「ジェンダーとことば」[Gender and language] [Text] ダニエル・ロング・中井精一・宮地弘明編 『応用言語学を学ぶ人のために』世界思想社 // [For a person who is learning applied linguistics]. Publishing House Sekai shisosha, 2001. P. 83—90.
- 14. Ota Makiko 太田眞希恵『ウサイン・ボルトの"I"は、なぜ「オレ」と訳されるのか』放送研究と調査59(3)2009-03、NHK放送文化研究所 [Why Usain Bolt's "I" is translated as "Ore". Role language in the sports broadcasting] [Text] // Broadcast study and research. NHK broadcast culture research institute, 2009. P. 56–73.
- 15.Prasol, A.F. Zaklyuchitelnye modalno-ekspressivnye chastitsy v yaaponskoj rechi [Sentence-final particles in Japanese] [Text]. Vladivostok: Dalnevostochnyj universitet, 1989. 68 p. (in Russian).
- 16. Ruth Vanbaelen「小説に使用される性差マーカー」『筑波応用言語学研究』[The sex differences markers used in novels] [Text] // Tsukuba journal of applied linguistics. 2001. N 8. P. 85–98.
- 17. Sadanobu Toshiyuki 定信利之『日本語社会のぞきキャラくり』三省堂 [Characters watched in Japanese society] [Text]. Publishing House Sanseido, 2011. 208 p.
- 18. Zherebilo, T.V. Slovar lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms] [Text]. Nazran : Piligrim, 2010. 488 p. (in Russian).
- 19. Suzuki Mutsumi 鈴木睦「言葉の男女差と日本語教育」『日本語教育』134号,日本語教育学会 [The gender differences of language and teaching of Japanese] [Text] // Teaching of Japanese. The Society for Teaching Japanese. 2007. N 134. P. 48—57.
- 20. Thomson-Kinoshita Chihiro トムソン木下千尋・飯田純子「日本語教育における性差の学習:オーストラリアの学習者の意識調査より」『日本語教育論集 世界の日本語教育』12, 国際交流基金日本語国際センター [The learning of gender differences in teaching of Japanese: Australian students' attitude survey] [Text] / Thomson-Kinoshita Chihiro, Iida Junko // Teaching of Japanese. Collected articles. Teaching of Japanese in the World. Publishing Japan Foundation International Japanese center, 2002. N 12. P. 1–20.
- 21. Yung Hyeseon 鄭惠先「日本語役割語に対する韓国人日本語学習者の意識」長崎外大論叢第12号 [Korean students' attitude toward role language in Japanese] [Text]. Journal of Nagasaki University of Foreign Studies. 2008. N 12. P. 49–58.
- 22. Yabe Hiroko 谷部弘子「『女性ことば・職場編』にみる終助詞『わ』の行方」『日本語教育』130号, 日本語教育学会 [Place of using sentence-final particle "wa": female language and woman's workplace study] [Text] // Teaching of Japanese. – The Society for Teaching Japanese. – 2006. – P. 60–69.
- 23. Yamanishi Masako 山西正子、山田繭子『「あたし」考』目白大学人文学研究第4.7 v. [A Note on Pronoun "Atashi"] [Text] / Yamanishi Masako, Yamada Mayuko // Humanities Studies Mejiro University. 2008. N 4, 7. P. 183–200.

Изучение афроамериканских антропонимов в аспекте категории тождества и антропоцентрического подхода

Статья посвящена особенностям афроамериканской антропонимической системы в рамках категории тождества и антропоцентрического подхода к изучению языка.

Впервые рассматривается афроамериканская антропонимическая система применительно к категории тождества. Личные имена афроамериканцев представляют собой отражение социального статуса имядателя и его мировосприятия. Выбор имени обусловлен принципами и моральными ценностями, которые он хочет передать ребенку с помощью тождественного выражения своего личного о нем представления.

В статье подчеркиваются особенности выражения антропоцентризма в словарном составе языка, особенно в процессах номинации. Антропоцентрический подход в современном языкознании мотивирует изучение не только языковых явлений. Личные имена отражают творческое мышление имядателя, аккумулируют исторический, лингвистический, социальный, этнокультурный опыт народа. Изучение особенностей возникновения, функционирования и пополнения антропонимов демонстрирует способность языковой системы адаптироваться к специфике мышления человека и процесса коммуникации.

антропонимы, афроамериканская антропонимическая система, категория тождества, межкультурная коммуникация, антропоцентризм, антропоцентрический подход, имянаречение, язык и культура

Sebryuk, Anna, PhD (Philology)

(National Research University Higher School of Economics, Moscow)

African American Anthroponyms from the Perspective of the Category of Identity and the Anthropocentric Approach to Linguistic Studies

The article examines specific features of the African American anthroponymic system in terms of the category of identity and the anthropocentric approach to language studies.

Personal names of African Americans represent the social status and mentality of the name giver. The name giver chooses a name according to his or her fundamental beliefs and values with the help of identity expression.

Anthropocentrism is reflected in the lexicon of any language in a specific way, which is most vividly apparent in the naming process. The paper shows that the anthroponymic system of a language is influenced by the values and motives of its creators. The anthroponymic approach to language studies fosters not only language development, but the study of human capacity for linguistic creativity. Personal names accumulate historical, linguistic, social and ethnocultural experience of an ethnic group or a nation.

The author analyzes specific features of African American anthroponyms, which enrich the national and cultural variety of the U.S. onomastic system.

anthroponyms, African American anthroponymic system, category of identity, intercultural communication, anthropocentrism, anthropocentric approach, naming, language and culture

а рубеже XX–XXI веков в лингвистике наблюдается особый интерес к вопросам антропонимии, обусловленный антропоцентрическим подходом в современной науке, который предполагает исследование не только языковых явлений, но и самого носителя языка. Язык стал рассматриваться в параллели с национально-культурными особенностями его носителей. Очевидно то, что духовная и материальная культура непосредственно отражается в языке.

Принимая во внимание тот факт, что культура служит собранием традиций, идей и достижений человека, а язык – это неотъемлемая часть культуры, следует заметить, что межкультурная коммуникация це-

[©] Себрюк А.Н., 2015

лых народов и единичных представителей последних невозможна без обращения людей друг к другу по имени – особой единицы языка.

Все региональные ономастиконы складывались в ходе исторического процесса, что объясняет их многоуровневость и полиэтничность.

Антропоцентрический подход в ономастике находит различное отражение как в лексике языка, так и в номинативных процессах.

Целью ономастической номинации является создание особого словесного знака, который обладает специфическими языковыми функциями. В номинативной структуре имени собственного всегда проявляется намерение назывателя.

В самом определении ономастики наряду с процессом создания имен рассматривается процесс их изучения. Человек понимает окружающий его мир как составляющую всей природы. Создавая онимы, он стремится к выделению одних объектов среди других, выражая в этом свою личную заинтересованность.

На наш взгляд, процесс имятворчества демонстрирует лингвокреативный тип мышления человека. Имя собственное не только выделяет объект на фоне других, но и выявляет структурность действительности. Так, существуют ономастические системы для ограниченных групп людей или сообществ (ученые, доктора, военные).

Нельзя не подчеркнуть влияние эгоцентризма на создание имен собственных. Они служат отражением внутренних установок, мотивов и целей их создателей. Человек, ставя себя в центр мироздания, придает прагматичность имени собственному.

Следует отметить, что вопрос этнической идентичности в выражении базовых оппозиций в ономастике напрямую затрагивает отношение человека к явлениям окружающей действительности. Придерживаясь точки зрения И.Г. Кошевой и Л.К. Свиридовой, мы считаем, что в антропонимической системе реализуются две главные языковые категории: категория выделительности и категория тождества. На их основе осуществляется функционирование антропонима в речи.

Категория выделительности, являясь общеязыковой закономерностью, осуществляет выбор требуемого по смыслу объекта через входящие в нее языковые средства. В основе данной категории лежит тождество, но, поскольку ее функция заключается в раскрытии объекта в аспекте его идентичности к прикрепленному к нему именованию, она представляет собой вторичный общеязыковой процесс.

Как известно, под категорией тождества понимается абсолютное или относительное равенство взаимозаменяемых языковых знаков. Следовательно, тождество представляет собой категорию равенства. Исследуя соотношение категории тождества с названием, Л.К. Свиридова сделала вывод, что любое название представляет собой сжатое определение той или иной идеи автора. Название непременно несет в себе социальную и мировоззренческую составляющую. Тем не менее, в случаях, когда название представлено в виде антропонима, оно ориентируется на определенную личность или на пространство, в котором оно будет функционировать².

Можно утверждать, что категория тождества, обладая своей внутренней смысловой природой, определяет информационные данные об объекте действительности. Ее внешняя знаковая сторона связывает язык и речь с помощью выбора необходимых форм оценки в плане идентификации объекта.

Развивая этот тезис, мы полагаем, что антропонимы афроамериканцев представляют собой непосредственное отражение социального статуса и мировосприятия имядателя. Последний выражает в выбранном имени свое представление о добре и зле, о моральных ценностях и амбициях, которые он хотел бы передать ребенку, тем самым отождествляя имя и называемого человека.

Анализируя те случаи, когда название текста представлено через имя собственное ("Hamlet", "Othello", "King Lear" и т.д.), Л.К. Свиридова считает, что если произведение достигает успеха и известности, то оно реализует категорию тождества и образ, например, Отелло будет вызывать в представлении читателя ассоциации с ревнивцем, и т.д. 3

Мы полагаем, что антропонимы являются начальной и завершающей ступенью категории тождества. Начальная ступень относится к его кодирующей стороне, связанной с ракурсом автора, в то время, как завершающая ступень относится к его декодирующей стороне, связанной с действием функциональной смысловой обусловленности.

¹ Кошевая И.Г. К проблеме знака и значения в языке : учебн. пособие. М. : МГПИ, 1976. С. 52.

² Свиридова Л.К. Роль эмоциональных структур в реализации категории тождества при построении драматургического текста : дис. . . . д-ра филол. наук. М., 2004. С. 99–101.

³ Там же. С. 105.

Как интралингвистическая по своей природе, категория тождества экстралингвистически заряжена, так как переходит от объект действительности к человеку, который оценивает этот объект и избирает языковые структуры на свое усмотрение. Мы отождествляем такого человека с имядателем, согласно своим личным мотивам выбирающего определенное имя, которое обладает смысловой нагрузкой и значением.

Как известно, имена собственные могут иметь различные варианты. Если говорить об антропонимах, то это – сокращенные и уменьшительные формы, фамилии родственников с модифицированным морфологическим отображением. Антропонимы уникальны тем, что, даже имея множество вариантов, они указывают на определенного человека. Разные варианты личного имени обладают тождеством, например, William, Will, Bill.

Мы считаем, что антропоцентризм является исторической основой языковой и ономастической картины мира. Личность человека и его имя тождественны по отношению друг к другу. Имя, которое человек получает в самом начале своей жизни и к которому сразу же привыкает, навсегда откладывается в его подсознании, становясь уникальным идентификатором его личности. Человека с таким же именем, как и у нас, мы подсознательно отождествляем с собой.

Антропоним содержит культурную информацию, отражая этнические и эстетические ценности, установленные в том или ином обществе. Он коррелирует с различными этапами социальной, культурной, политической и духовной жизни страны.

Антропоцентризм в языкознании привел к появлению таких междисциплинарных наук, как лингво-культурология, этнолингвистика, социолингвистика, лингвострановедение и т.д.

Как известно, имя – это одно из самых первых слов, которые человек осваивает в жизни, оно сопровождает личность всегда, являясь ее представителем в разных сферах жизнедеятельности.

Будучи языковыми единицами, антропонимы отражают особенности развития того или иного народа, аккумулируя культурное, историческое и географическое наследие.

Личное имя как социолингвистический знак служит показателем таких факторов, как этническая принадлежность человека, его социальный статус, уровень образования и принадлежность к той или иной религии. Антропонимы накапливают исторический и культурный опыт конкретно взятого общества.

В процессе создания личного имени, имядатель использует творческое мышление, а передавая уже существующее имя другому поколению, человек сохраняет и развивает наследие своих предков.

Антропонимы образуют уникальное национально-культурное пространство. Особенности менталитета афроамериканцев создают особенную картину мира. История личных имен непрерывно пересекается с культурой их носителей.

На наш взгляд, особенным национальным колоритом обладает антропонимическая система США, обусловленная особенностями этнического состава населения данной страны.

Фокусирование научного интереса на афроамериканскои национально-культурной составляющей в ономастике США позволяет исследовать антропонимы в рамках отражения в них специфики духовнои и социальнои жизни данного этноса как части мультикультурного государства. Однако особенности языка афроамериканцев и его важность в современном американском обществе — это тема, затрагивающая ряд таких дисциплин, как история, политология, культурология, социология и т.д.

Изучая антропонимическую систему афроамериканцев, мы выделили 6 групп их наиболее распространенных личных имен:

- 1) западноевропейские (Christopher, Mary, William);
- 2) африканские (Barack, Simba, Dyanna);
- 3) арабские (Khalil, Hakeem, Malik);
- 4) древнееврейские (Aaron, Abraham, Samuel, Sarah);
- 5) сокращенные (Ben, Will, Sam);
- 6) вымышленные имена, распространенные только среди афроамерикацев (Deswhawn, Kenya, Keisha)⁴.

На примере антропонимической системы афроамериканцев мы рассмотрели, как специфика образа жизни, история и мировоззрение этноса отражается на процессе имянаречения. Можно смело утверждать, что сложное, противоречивое и драматическое становление афроамериканцев как равноправного этнического сообщества в США определило их уникальную систему личных имен.

Афроамериканцы верят, что, выбирая имя ребенку, они закладывают в него энергетическую программу, в которой отражены их требования и пожелания, определяющие его будущее. На наш взгляд, убеж-

⁴ Себрюк А.Н. Становление и функционирование афроамериканских антропонимов (на материале американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2014. С. 122–123.

денность в тождестве имени человека и его судьбы является основополагающим аспектом афроамериканской картины мира.

Антропонимы афроамериканцев обладают не только номинативной и дифференцирующей функциями, но и социальной и адресной. Выбирая то или иное имя, имядатель демонстрирует свою связь с социумом, одновременно подчеркивая собственную индивидуальность и личностные ценности и мотивы.

Помимо официального имени, родители дают ребенку прозвище (basket name/day name), которое используется в домашнем кругу и другими членами афроамериканского сообщества (Mercy, Pride, Smart Child, Siungila – «помогать», «поддерживать»). Это прозвище не только выделяет индивидуальные особенности его носителя, но и определяет его будущее.

В середине XX века все чаще среди афроамериканцев стали появляться люди с очень необычными личными именами. Движение за гражданские права в 1960–1970-х годах значительно возродило их этническое самосознание. Именно в этот период модными становятся африканские и мусульманские арабские имена, например: Jamal, Abdul, Hakeem, Shaquille и пр. Популярность мусульманских имен сохраняется и в наше время.

В целом необходимо подчеркнуть, что в результате ассимиляции рабы африканского происхождения забывали свой родной язык, культуру, традиции и обычаи, а также переставали называть своих детей исконно африканскими именами. Однако в настоящее время среди современных афроамериканцев наблюдается тенденция к возрождению этих имен. Многие общественные организации, представляющие афроамериканцев, призывают своих членов отказаться от унизительного «рабского имени» (slave name) и вернуться к своим истокам. Многие известные афроамериканцы последовали этому призыву и, отказавшись от своего американского имени, вернулись к традициям африканского имянаречения в знак борьбы за свои гражданские права и этническую самоидентификацию. Например, великий боксер, один из самых известных профессионалов в истории мирового бокса, член организации «Нация Ислама» Кассиус Клей стал Мохаммедом Али (Миһатма Ali); Фердинанд Льюис Алсиндор, профессиональный баскетболист, выбрал новое имя — Карим Абдул-Джаббар (Кагеет Abdul-Jabbar); американский ученый, антрополог Глория Альберта Маршалл теперь известна под именем Ниара Сударкаса (Niara Sudarkasa).

Иллюстрацией стремления представителей афроамериканского сообщества, отразившегося в их именнике, могут послужить такие уникальные его черты, как:

- а) использование пунктуационных знаков в написании личных имен (дефисы, диакритические знаки) (R-Kal, Ra'shawn);
 - б) употребление прописных букв в середине имени (LaToya, LaQunda);
- в) использование в качестве личных имен топонимов (London, Rome, China), названий дизайнерских брэндов (Armani, Chanel), марок автомобилей (Lexus, Ferrari, Nissan), прилагательных (Royal, Majestic), обозначающих роскошный образ жизни (Luxury) и пр. ⁵

Специфика афроамериканских антропонимов свидетельствует о тесной связи между имянаречением и социально-политическими настроениями в обществе.

Антропонимы афроамериканцев отражают их богатый жизненный опыт и особенности их мировоззрения, в котором значительную роль играют наследуемые верования, традиции и обычаи.

Выбирая имя для ребенка, афроамериканские родители руководствуются прежде всего особенностями своего этноса, сложившимися традициями имянаречения, а также желанием отличиться от белых американцев.

К примеру, истоки фамилий многих современных афроамериканцев восходят ко временам аболиционизма в США. Бывшие рабы в выборе фамилии выражали восторженные чувства обретенной свободы и желание самоутверждения. Многие из них брали фамилии известных политиков, сыгравших важную роль в борьбе за свободу рабов (Washington, Lincoln). Тем не менее, некоторые оставляли фамилии своих бывших хозяев. Среди фамилий первых свободных рабов африканского происхождения мы также выделили фамилии, образованные от личных имен (David, John); отражающие род занятий (Carpenter, Mason) и фамилии-топонимы (Newton, Hampton).

В ходе развития лингвистических исследований очевидной стала взаимосвязь культуры, языка и этноса. Для изучения настолько многопланового явления, как язык, недостаточно рассматривать лишь его формальную сторону и функции. Для анализа сущности необходимо рассматривать язык как средство общения и важнейшего компонента культуры его носителей.

Имя собственное представляет собой ключ к пониманию различных проблем истории человечества и его языков. Оно способно преодолеть языковые границы и территориальные рубежи.

⁵ Себрюк А.Н. Указ соч. С. 123, 127–128.

В рамках антропоцентрического подхода в современной лингвистике можно утверждать, что антропонимическая система афроамериканцев в аспекте категории тождества отражает внутренние установки и ценности имядателей, отражая их мировоззрение и особенности мышления.

Список использованной литературы

- 1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст]. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
- 2. Ермолович, Д.И. Функционально-стилистические особенности индивидуализирующих знаков (на материале именований лица в английском языке) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 203 с.
 - 3. Кошевая, И.Г. К проблеме знака и значения в языке [Текст] : учеб. пособие. М. : МГПИ, 1976. 143 с.
 - 4. Кубрякова, Е.С. Теория номинации и словообразование [Текст]. М.: Либроком, 2010. 88 с.
- 5. Свиридова, Л.К. Категория тождества в процессе осознания объекта [Текст] // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. 2013. –
- 6. Свиридова, Л.К. Роль эмоциональных структур в реализации категории тождества при построении драматургического текста [Текст] : дис. . . . д-ра филол. наук. М., 2004. 442 с.
- 7. Себрюк, А.Н. Становление и функционирование афроамериканских антропонимов (на материале американского варианта английского языка) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2014. 224 с.
- 8. Щербак, А.С. Когнитивные основы региональной ономастики [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19.- Тамбов, 2008.-452 с.
- 9. Greene, L.J. African American English: A Linguistic Introduction [Text]. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 300 p.
- 10. Rickford, J.R. African American Vernacular English: Features, Evolution, Educational Implications [Text]. New York: John Wiley, 1999. 428 p.

References

- 1. Arutynova, N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the World of Humankind] [Text]. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. 896 p. (in Russian).
- 2. Ermolovich, D.I. Funkcional'no-stilisticheskie osobennosti individualiziruyushchih znakov (na materiale imenovanij lica v anglijskom yazyke) [Functional and stylistic peculiarities of individualizing signs (based on the naming process in the English language)] [Text]: Candidate of Philology Dissertation. M., 1981. 203 p. (in Russian).
- 3. Koshevaya, I.G. K probleme znaka i znacheniya v yazyke [Text] : uchebnoe posobie [The problem of a Sign and Meaning in a Language: Textbook] . M. : MGPI, 1976. 143 p. (in Russian).
- 4. Kubryakova, E.S. Teoriya nominacii i slovoobrazovanie [The theory of Naming and Word-Building] [Text]. M.: Librokom, 2010. 88 p. (in Russian).
- 5. Sviridova, L.K. The category of identity in the process of the realization of the object [Text] // Vestnik MGGU imeni Sholokhova [Bulletin of Sholokhov Moscow State University for the Humanities]. − 2013. − № 4. − P. 58–62 (in Russian).
- 6. Sviridova, L.K. Rol' emocional'nyh struktur v realizacii kategorii tozhdestva pri postroenii dramaturgicheskogo teksta [The Role of Emotional Structures in the Realization of the Category of Identity in Creating a Dramaturgical Text] [Text]: Doctor of Philology Dissertation. M., 2004. 442 p. (in Russian).
- 7. Sebryuk, A.N. Stanovlenie i funkcionirovanie afroamerikanskih antroponimov (na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo yazyka) [The formation and functioning of African American anthroponyms (based on the American variant of the English language)] [Text]: Candidate of Philology Dissertation. M., 2014. 224 p. (in Russian).
- 8. Scherbak, A.S. Kognitivnye osnovy regional'noj onomastiki [Cognitive basics of regional onomastics] [Text]: Doctor of Philology Dissertation. Tambov, 2008. 452 p. (in Russian).
- 9. Greene, L.J. African American English: A Linguistic Introduction [Text]. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 300 p.
- 10. Rickford, J.R. African American Vernacular English: Features, Evolution, Educational Implications [Text]. New York: John Wiley, 1999. 428 p.

УДК: 81'366.5+811.111

С.Б. Уланова, канд. филол. наук (Ряз. ин-т (филиал) Ун-та машиностроения, Рязань), Т.А. Комова, д-р филол. наук (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва)

Особенности перекатегоризации суперлативов

В статье рассматриваются лексико-грамматические и семантические изменения, которые могут происходить с прилагательным в превосходной степени, прослеживаются особенности межчастеречных переходов, уточняется, с помощью каких грамматических средств и когнитивных механизмов осуществляется перекатегоризация.

перекатегоризация, имя прилагательное, степени сравнения прилагательных, грамматическая семантика

Ulanova, Svetlana, Ph.D. (Philology), Associate Professor (Ryazan Institute (branch) of University of Mechanical Engineering, Ryazan, Russia), Komova, Tatiana, Ph.D. (Doctor of Philology), Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

The Peculiarities of Recategorization of Superlatives

The paper examines the process of recategorization of superlative adjectives, namely lexico-grammatical and semantic changes some adjectives can undergo and the grammatical means and cognitive mechanisms which accompany the transition from one word class into another.

recategorization, adjectives, the degrees of comparison of adjectives, grammatical semantics

в современном английском языке с целью проследить, в какие части речи они могут переходить, каковы особенности подобных межчастеречных переходов и с помощью каких грамматических средств и когнитивных механизмов осуществляется их перекатегоризация.

Материалом исследования послужили словари английского языка ¹ (проанализированы словарные статьи, лексикографическая маркировка, примеры употребления, комментарии), были изучены теоретические грамматики английского языка ², данные Британского национального корпуса ³, тексты художественных произведений. Результаты проведенного исследования позволяют сделать ряд важных наблюдений, которые будут проиллюстрированы далее на примере прилагательного *best*. Проблематика работы и методологический подход, который берется нами за основу, диктуют необходимость рассмотреть исследуемые прилагательные в диахронии.

Форма сравнительной степени прилагательного в древнеанглийском языке образовывалась с помощью присоединения к корню суффикса -r-; форма превосходной степени — путем прибавления суффикса -st-, которому предшествовал соединительный гласный -e-, сопровождавшийся изменением корневого

¹ Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/ (CALD); Collins English Dictionary. URL: http://www.collinsdictionary.com/ (CED); Longman Dictionary of English Language and Culture. Pearson Education Limited, 2006 (LDELC); Macmillan English Dictionary for Advanced Students. URL: http://macmillandictionary.com/ (MEDAS); Merriam-Webster's Learner's Dictionary. URL: http://www.learnersdictionary.com/ (MWLD); Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus. URL: http://www.merriam-webster.com/ (MW); Online Etymology Dictionary. URL: http://www.etymonline.com/; Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com/ (OALD).

² Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English. A Comprehensive Guide. Spoken and Written English Grammar and Usage. Cambridge University Press, 2007. 973 p.; Longman Grammar of Spoken and Written English / ed. by D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. Longman, 2000. 1204 p.

³ British National Corpus. URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (BNC).

[©] Уланова С.Б., Комова Т.А., 2015

гласного прилагательного в форме как сравнительной, так и превосходной степеней, или гласный -o-, который подобным изменением корневого гласного не сопровождался. Для некоторых прилагательных было характерно супплетивное образование степеней сравнения, к ним относилось и прилагательное $g\bar{g}$ (хороший), сравнительная степень которого имела форму g (превосходная — g (поскольку супплетивные формы сложились в языке еще до того, как система степеней сравнения в языке оформилась грамматически, то для выражения различной степени интенсивности качества использовались лексические средства, прилагательные или существительные с другим значением. Лишь совсем небольшое количество подобных случаев, как известно, сохранилось до нашего времени, но воспринимаются они большинством как формы одного и того же слова. Так, например, сравнительная степень прилагательного g (преимущество, превосходство):

... and eow betere is bæt ge þisne garræs mid gafole forgyldon, þon we swa hearde hilde dælon (The Battle of Maldon. Part I: The Prelude to the Battle).

Современная форма *best* восходит к древнеанглийскому *betst*, которое чуть позже редуцировалось до *beste* и означало *лучшее*, *nepвoe*, *выполненное лучшим образом*: ... Pa he ða hæfde þa wisan onfongne, þa eode he ham to his huse; cwom eft on morgenne, *by betstan leoðe* geglenged him asong ageaf, þæt him beboden wæs (*Bede's account of the poet Caedmon. Part I: the Miraculous Gift of Song*).

Как известно, в древнеанглийском языке прилагательное грамматически согласовывалось с существительным, к которому оно относилось, и склонялось по двум типам склонения: сильному (неопределенному), если определяемое существительное передавало обобщенное значение, например: $3\bar{o}d$ $cw\bar{e}n$ (добрая женщина (вообще)) и слабому (определенному), если существительное имело единичное, частное значение, например: $s\bar{e}o$ $3\bar{o}de$ $cw\bar{e}n$ (добрая женщина (именно эта)). Прилагательное в атрибутивной функции могло стоять как перед существительным, так и после него.

К концу среднеанглийского периода аффикс сравнительной степени прилагательного имел форму -er, превосходная степень получила морфологическое оформление посредством аффикса -est. В XIV-XV веках появляется аналитический способ образования степеней сравнения для прилагательных, имеющих три и более слогов (more, the most). Оба способа образования степеней сравнения прилагательных, как синтетический, так и аналитический, сохранились до настоящего времени.

С современных позиций, с точки зрения морфологической семантики и когнитивного подхода к исследованию языковых явлений, категория степеней сравнения прилагательных связана с репрезентацией в языке признака через его количественные характеристики. Поэтому в основе данной морфологической категории, согласно Н.А. Бесединой, лежит концепт «Мера признака», передающий такие значения, как «большая степень интенсивности признака» и «высшая степень интенсивности признака» Указание на интенсивность признака в языке, на наш взгляд, всегда есть результат такой мыслительной операции, как сравнение.

Уже в древнеанглийский период лексическое значение указательных местоимений $s\bar{e}$ (тот), $s\bar{e}o$ (та), $b\bar{e}t$ (то) становится более размытым, а функциональная нагрузка, выполняемая ими, все более ощутимой: выделяя и конкретизируя предмет, обозначаемый существительным, с которым они употреблялись, данные местоимения начинали выполнять функции определенного артикля. В этот же период такие указательные местоимения, как $b\bar{e}s$ (этот), $b\bar{e}os$ (эта), bis (это), напротив, сумели сохранить значение указания на предмет. В среднеанглийский период перечисленные свойства указательных местоимений лишь закрепились и получили развитие. В результате изменений, которые происходили на всех уровнях языка в XII—XIV веках окончательно сложилась форма определенного артикля the, которая отделилась от указательного местоимения that, будучи исторически связанной с ним.

Параллельно происходило развитие неопределенного артикля, указывающего на обобщенное значение существительного, с которым он употреблялся. Окончательно формы *а* и *ап* закрепились в английском языке в XIII—XIV веках и также сохранились до сегодняшнего момента.

Мы рассматриваем артикль «как грамматическую категорию имени существительного, содержание которой определяется оппозицией абстракции и конкретизации» ⁵. Согласно Е.А. Долгиной категориальным значением нулевой артиклевой формы существительного является *противопоставление* как мысли-

⁴ Беседина Н.А. Категория степеней сравнения как средство репрезентации концептуального содержания в языке // Альм. современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2009. № 2 (21) : в 3 ч. Ч. II. С. 17.

⁵ Долгина Е.А. Английский артикль в лингводидактическом освещении // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2010. Вып. 41. С. 59.

тельная операция, лежащая в основе процесса абстрагирования. Категориальным значением форм имен с неопределенным артиклем является *сравнение*, как механизм, осуществляющий процесс классификации. Формы существительного с определенным артиклем обладают значением *дискретизации*, которая отвечает за процесс индивидуализации ⁶.

Пользуясь терминологией когнитивной лингвистики, можно также добавить, что артикль является одним из средств морфологической репрезентации концепта «Предмет». Определенный и неопределенный артикли — это маркеры предметности: их наличие сигнализирует о том, что рядом с ними имя существительное.

Под конверсией мы понимаем «такой вид словопроизводства, при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова» ⁷. Мы придерживаемся точки зрения А.И. Смирницкого, согласно которой конверсия играла важную роль в процессе словообразования уже в древнеанглийском языке ⁸. Однако следует отметить, что в силу объективных причин в этот период развития языка переходы слов из одной части речи в другую обладали определенной спецификой.

Омонимия форм возникла в среднеанглийский период, а именно в XV веке, в силу того, что формы имен существительных, глаголов и прилагательных оказались лишенными своих типичных морфологических признаков, что послужило стимулом к росту популярности межчастеречных переходов, сыгравших в дальнейшем важную роль в пополнении словарного состава английского языка.

Oсновное значение прилагательного *best* – высшая степень качества (*лучший*, *наилучший*), например: That's the *best* movie I've ever seen! (BNC). He wrote his *best* songs before he was 25 (OALD).

В семантической структуре прилагательного *best* содержится компонент оценки, который реализуется в контексте, тем самым говорящий выражает свое отношение к объекту высказывания: His modesty and sense of humor are his *best* qualities (MW).

Оценочная семантика прилагательных в превосходной степени передается морфологически и одновременно является когнитивной основой морфологической категории степеней сравнения. Высшая степень интенсивности признака — морфологически передаваемый концепт, лежащий в основе последней.

В дальнейшем прилагательное *best* развило новое значение, зафиксированное всеми словарями, а именно *большой*, *значительный* (*most*, *largest*), которое обнаруживается в сочетании *the best part of*, например: I haven't seen her for *the best part of* the month (LDELC). He drank *the best part of* a bottle of Scotch waiting for her to get home (OALD).

Данный пример иллюстрирует одно из проявлений процесса перекатегоризации прилагательного, которая в этом конкретном случае представляет собой изменение, или сужение, исходного лексического значения: от наиболее общего — высшая степень проявления качества, до более конкретного — самый большой (размер, количество).

Best образует сложные прилагательные и существительные путем присоединения к слову, принадлежащему другому лексико-грамматическому классу: It's always advisable to book with the best-known company 9. A best-selling author (BNC). His bagless vacuum cleaner soon became a bestseller (CALD). Подобные прилагательные встречаются и в художественной литературе:

The best-laid schemes o' mice an' men, Gang aft agley. An' lea'e us nought but grief an' pain, For promis'd joy! (Robert Burns. To a Mouse).

Для усиления основного значения best часто используется в сочетании the best of all + N или the best of + N: Winter was the best of all seasons on the island and he looked forward to it through all the rest of the year (E. Hemingway. Islands in the Stream). He was an active member of the Society, which he described as 'the best of the local Societies', and had addressed their meetings (BNC).

Исключительность объекта подчеркивается не только лексико-морфологическими свойствами формы best, но и предложно-местоименной семантикой элементов of all: "And what's the best of all," he said, "you've been more comfortable alonger me, since I was under a dark cloud, than when the sun shone. That's best of all' (Ch. Dickens. Great Expectations). He proved admirably that there is no effect without a cause, and that, in

⁶ Долгина Е.А. Полифункциональность английских артиклей в языке и речи. М.: URSS, 2010. 176 с.

⁷ Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. С. 166.

⁸ Там же.

⁹ Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English... P. 762.

this best of all possible worlds, the Baron's castle was the most magnificent of castles, and his lady *the best of all* possible Baronesses (Voltaire. Candide, translated by T. Smollett).

Однако возникает вопрос: какой части речи принадлежит форма *the best* в подобных словосочетаниях? Сохраняет ли она свойства прилагательного или переходит в класс имени существительного, демонстрируя качества последнего?

Мнения словарей на этот счет в целом совпадают. Словари Cambridge, Longman, Oxford относят слово best к классу существительного со значением "the most excellent in a group of things or people": Chris and I are the best of friends (CALD). She's the best of the new young writers (LDELC).

Словарь Macmillan маркирует слово *best* как функциональное слово (*function word*), которое, представляя собой превосходную степень прилагательного *good* или наречия *well*, может использоваться в речи как прилагательное, наречие и существительное в форме единственного числа.

Анализ материала грамматик английского языка издательств Cambridge и Longman показал, что в тех случаях, когда частеречная принадлежность слова может вызывать сомнения, авторы предпочитают использовать нейтральный термин суперлатив (*superlative*) ¹⁰: Valencia was not *at their best* in the first half but things improved later in the game (BNC).

Для обозначения некоторых форм превосходной степени авторы используют термин superlative adjective. По-видимому, это происходит в тех случаях, когда не приходится сомневаться в принадлежности слова к лексико-грамматическому классу прилагательного. Так, например, в отличие от словарей, авторы грамматики издательства Cambridge называют форму best в сочетании the best of +N прилагательным: "The + superlative adjective + of is also used, particularly before indefinite nouns. The structure is rather formal: The best of ideas happen when you are not thinking" 11 .

Со временем словосочетание the best of all + N подверглось фразеологизации: произошло опущение определенного артикля и существительного, следовавшего за местоимением all. Семантические изменения в структуре фразы привели к грамматическим преобразованиям и к закреплению наиболее общего сравнительно-оценочного значения. С изменением семантической и грамматической структуры изменилась и синтаксическая роль словосочетания в предложении, которое стало функционировать как вводное слово (used to introduce a fact (MEDAS)): Their new drug was effective and safe, and, best of all, it was very cheap to manufacture (MEDAS). Best of all, Joe was sure of being able to stay home after his trip (E. Murphy. A nest of singing birds). Тем не менее, словарь Longman маркирует фразу best of all как прилагательное, а словарь издательства Cambridge приводит ее в словарной статье к best как существительному.

Исследование материала словарей показало, что ключевым критерием, позволяющим определить частеречную принадлежность слова best в контексте является принцип синтаксической сочетаемости. В тех случаях, когда best является прилагательным, оно наиболее часто употребляется в качестве определения, образуя словосочетания по модели the best + noun: What's the best way to cope with viruses? (BNC). His modesty and sense of humor are his best qualities (MW).

Атрибутивная функция является характерной особенностью прилагательного, которое, «по ... своей природе призвано быть определением при существительном», так как «признак всегда существует при предмете, всегда предполагает ... предмет» 12 . Кроме того, прилагательное best достаточно часто встречается в качестве именной части сказуемого, выступая в связке с глаголом to be (to be + best): It's best if you go now (OALD). She thought that it was best to wait (MWLD).

Следует различать прилагательное *best* в предикативной функции, о котором шла речь выше, и случаи употребления *best* с определенным артиклем после глагола-связки *to be* (*to be* + *the best*), в которых *the best* является субстантивированным прилагательным: Thanks Dad! You *are the best*! (MWLD). I like all of Hitchcock's films, but I think 'Notorious' *is the best* (CALD).

Таким образом, прилагательное в превосходной степени *best* послужило базой для образования существительного методом перекатегоризации (конверсии). В роли существительного слово *best* встречается в приведенных ниже синтаксических моделях и выполняет определенные синтаксические функции:

1) N + V, где best является подлежащим:

...Then give to the world the best you have, And the best will come back to you (M. Bridges. Life's Mirror).

2) Adj + N, где *best* – имя, определяемое прилагательным:

¹⁰ Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English... P. 769.

¹¹ Там же. Р. 770.

¹² Смирницкий А.И. Морфология английского языка... С. 149.

Her time in the race was a personal best (MW).

He said: "I enjoyed the race immensely because I was better trained than I have been previously and, of course, it is always rewarding when you better *your personal best*" (BNC).

3) <u>a lexical V + N</u>, где best – прямое дополнение:

I have one more gift for you, and I saved the best for last (MWLD).

Don't worry about the exam – just *do your best* (OALD).

Hope for the best, prepare for the worst (BNC).

Best часто встречается в словосочетаниях, состоящих из предлога и существительного, выступающих в предикативной функции: It was an exhilarating meeting with her, because she was at her best and talking as she writes, and trying not to smile when she made us laugh (R. Liddell. Elizabeth and Ivy). She's not been in the best of health this winter 13. А также в сочетаниях с лексическим глаголом с предлогом: He'll be out there, dancing with the best of them (OALD). Сочетаемость с артиклем (определенным и неопределенным), притяжательным местоимением, предлогом подтверждает субстантивный статус best в рассматриваемых контекстах.

Слово best перешло в спортивную терминологию в качестве существительного, а именно стало обозначать формат игры в теннисе – трех- или пятисетовые матчи – со значением a winning majority: Shall we play the best of five? (CALD) (Сыграем пятисетовый?). Позднее уже в сфере спортивной терминологии про-исходит переход best в лексико-грамматический класс прилагательного, например, the best of three games (трехсетовые игры), the best of five sets (пятисетовые матчи): While women play best of three sets at Grand Slams, the men play best of five ¹⁴.

Перекатегоризация проявляется и на морфолого-синтаксическом уровне, например, когда словосочетание начинает функционировать в качестве слова, реализуя лексико-грамматические признаки и категории языковой единицы другого уровня. Примером подобной перекатегоризации является ставшее существительным best-before date, что подтверждают данные лексикографических источников. Слово является также и результатом фразеологизации словосочетания под влиянием прагматических факторов, связанных с внеязыковой ситуацией: The answer of course would be for all suppliers to put a sell-by or best before date on the boxes of test kits with a specific shelf life (BNC).

Полисемантичность прилагательных, их способность к появлению различных сдвигов в своей семантической структуре, высокая семантическая подвижность отмечались многими учеными, и во многом она обусловлена особыми онтологическими свойствами данной части речи. Признак, выражаемый прилагательным, является понятием несамостоятельным и относительным, так как его можно рассматривать только через отношение к предмету, который он характеризует. Семантическая структура относительных прилагательных, в отличие от качественных, к тому же осложняется отсутствием денотата. Размытость граней плана содержания прилагательных преодолевается в процессе их перекатегоризации. Материал исследования подчеркивает динамичный характер функционирования языковых единиц в речи, который активно проявляет себя в процессе перекатегоризации.

Список использованной литературы

- 1. Беседина, Н.А. Категория степеней сравнения как средство репрезентации концептуального содержания в языке [Текст] // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2009. № 2 (21) : в 3 ч. Ч. II. С. 17—19.
- 2. Долгина, Е.А. Английский артикль в лингводидактическом освещении [Текст] // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 41. С. 59–87.
- 3. Долгина, Е.А. Полифункциональность английских артиклей в языке и речи [Текст]. М. : URSS, 2010. 176 с.
- 4. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка [Текст]. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 440 с.

¹³ Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English... P. 769.

¹⁴ Bialik C. Serena Williams Is Getting a Raw Deal By Only Playing Best of Three Sets. URL: http://fivethirtyeight.com/datalab/serena-williams-grand-slam-us-open-best-of-five-sets/

References

- 1. Besedina, N.A. The Category of the Degrees of Comparison as a Means of Representation of Conceptual Content in the Language [Text] // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija [Almanac of modern science and education]. Tambov: Gramota, 2009. N 2 (21). Part II. P. 17–19.
- 2. Dolgina, E.A. The English Article from a Linguo-Didactic Perspective [Anglijskij artikl' v lingvodidakticheskom osveshhenii] [Text] // Jazyk, soznanie, kommunikacija [Language, Mind, Communication]: Collection of articles / V.V. Krasnyh, A.I. Izotov (eds.). Moscow: MAKS Press, 2010. Issue 41. P. 59–87.
- 3. Dolgina, E.A. Polifunkcional'nost' angliyskikh artikley v jazyke i rechi [Multifunctionality of English Articles in the Language and Speech] [Text]. Moscow: URSS, 2010. 176 p.
- 4. Smirnickij, A.I. Morfologiya angliyskogo jazyka [The Morphology of the English Language] [Text]. Moscow: Foreign Languages Literature Publishing House, 1959. 440 p.

Lexicographic and textual sources

- 1. Bialik, C. Serena Williams Is Getting a Raw Deal by Only Playing Best of Three Sets [Electronic resource]. Mode of access: http://fivethirtyeight.com/datalab/serena-williams-grand-slam-us-open-best-of-five-sets/
 - 2. British National Corpus [Electronic resource]. Mode of access: http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (BNC).
- 3. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus [Electronic resource]. Mode of access: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/ (CALD).
- 4. Carter, R. Cambridge Grammar of English. A Comprehensive Guide. Spoken and Written English Grammar and Usage [Text] / R.Carter, M. McCarthy. Cambridge University Press, 2007. 973 p.
 - 5. Collins English Dictionary [Electronic resource]. Mode of access: http://www.collinsdictionary.com/ (CED).
 - 6. Longman Dictionary of English Language and Culture [Text]. Pearson Education Limited, 2006 (LDELC).
- 7. Longman Grammar of Spoken and Written English [Text] / ed. by D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. Longman, 2000. 1204 p.
- 8. Macmillan English Dictionary for Advanced Students [Electronic resource]. Mode of access: http://macmillandictionary.com (MEDAS).
- 9. Merriam-Webster's Learner's Dictionary [Electronic resource]. Mode of access: http://www.learnersdictionary.com/ (MWLD).
- 10. Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. Mode of access: http://www.merriam-webster.com (MW).
 - 11. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. Mode of access: http://www.etymonline.com/
- 12. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. Mode of access: http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com/ (OALD).

Раздел VI

Институт Конфуция: исследования образности в системе китайского языка и в тексте

УДК: 808.5 +81'42

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, **Ма Лицзе**, магистр упр. наук (Чанчуньский ун-т, Чанчунь, КНР)

Языковые особенности политических речей Си Цзиньпина и тактики идентификации¹

В статье рассматриваются вопросы стиля и тактик политического дискурса на примере политических речей Председателя КНР Си Цзиньпина в период 2012–2014 годов. Выявляются основные стилистические характеристики политических речей главы Китая (а именно, разговорность, образность и интертекстуальность), реализуемые с помощью разнообразных средств, – от народных пословиц и поговорок, образных сравнений и просторечных выражений до цитат из древнекитайских текстов. Анализируется использование дискурсивных тактик, обеспечивающих духовное единство лидера и народа. Нами выделены три основные тактики, условно названные тактиками «сопереживания», «общего неприятия» и «бессознательного приобщения».

языковые особенности, лидер КНР, публичные речи, тактики идентификации

Wang Jinling, Ph.D. (Doctor of Philology), Professor,

Ma Lijie, M.Soc.Sc. (administration)

(Changchun University, Changchun, China)

The Language Peculiarities of Xi Jinping's Speeches and the Tactics of Identification

The paper treats the style and discourse tactics of political public language exemplified by the speeches of Xi Jinping, the present-day Chairman of the People's republic of China. The paper examines the chief stylistic peculiarities that account for the appeal of his speeches: the colloquial register of language, imagery, and intertextual references. These manifest themselves in the use of various expressive means: from proverbs and sayings, similes and colloquialisms to citations from ancient Chinese books. The authors analyse the discourse tactics employed by the speaker top ensure the spiritual unity of the leader and the people. The three main tactics of identifying the speaker as the mouthpiece for the people are those of "compassion", "common rejection" and "subconscious communion".

Language peculiarities, Chinese leader, public speech, tactics of identification

¹ Статья является результатом исследования в рамках социально-гуманитарного гранта Министерства образования Китая. 本项目为教育部人文社会科学研究规划基金项目的阶段研究成果(项目编号:11YJAZH090).

[©] Ван Цзиньлин, Ма Лицзе, 2015

о мнению Председателя КНР Си Цзиньпина, самым удачным способом воздействия является «невидимая агитация», которая направляет реципиента по желаемому адресантом направлению, и при этом адресат считает, что он сам выбрал свой путь ². Из этого мы видим, что ни один способ пропаганды не может скрыть под «невидимой агитацией» главную линию идеологии ³, влияние и проникновение которой в сознание масс во многом зависит от живости и образности выражения. Восприятие государственной идеологии народными массами достигается уместным отражением фактов, реально имеющих место в жизни, то есть «пусть идеология молчит, пусть производительная сила говорит» ⁴. В идеологии отражается «твердый здравый смысл», а в «невидимой пропаганде» используются мягкие способы воздействия на сознание масс, то есть надо умело смягчить твердую линию идеологии, «перевести» политический язык на всем понятный язык житейских примеров, воздействуя на слушателей апелляцией к здравому смыслу и умелым использованием афоризмов ⁵. Рассмотрим подробнее языковые особенности речей Си Цзиньпина и его тактики идентификации себя как народного лидера.

1. Сочетание языковых стилей в политических речах китайского лидера Си Цзиньпина

С 18-го съезда китайской Коммунистической партии, то есть после назначения Си Цзиньпина на пост Председателя КНР, он произнес более 100 важных политических речей на темы преобразования, стабилизации и развития страны, внутриполитического и внешнеполитического курса, управления компартией, государством и армией, в которых выдвинул много новых идей и обосновал их. Речи Си Цзиньпина, в отличие от традиционных моделей политических выступлений прешедствующих китайских лидеров, обладают стилистическими особенностями, способствующими уникальной выразительности его выступлений и личному обаянию. Благодаря дару общения с массами народ слушает его речи с большим удовольствием и интересом, а высказываемые им мнения горячо обсуждаются, быстро воспринимаются и широко распространяются. Таким образом, речи главы государства получают признание в массах и способствуют восприятию политической теории и концепции современного руководства Китая. Самыми типичными языковыми особенностями речей китайского лидера Си Цзиньпина являются разговорность, образность и интертекстуальность.

1.1. Разговорность

Коллоквиальный стиль речей лидера Китая включает знакомые и не требующие интерпретации разговорные выражения, - такие, как народные пословицы и поговорки, намеки, интернетный сленг, образные сравнения, просторечные выражения и т.д., которые обеспечивают легкость восприятия и большую силу воздействия на мышление и идеологию народа. Использование разговорного языка достигает цели не только в плане изложения глубоких теорий, но и в плане сближения с народными массами. Политические теории и концепции, изложенные в речах Си Цзиньпина, легко воспринимаются и понимаются публикой благодаря использованию популярных народных слов и выражений и отражению самых насущных вопросов. Тем самым параллельно осуществляются функции просвещения, воспитания и направления сознания масс в желательное русло. Например, в изложении концепции «китайской мечты», разработанной новым руководством КНР, на пресс-конференции для китайских и зарубежных журналистов Си Цзиньпин сказал так: "我们的人民热爱生活,期待有更好的教育、更稳定的工作、更满意的收入、更可靠的社会保障、更公 平的医疗卫生服务、更舒适的居住条件、更优美的环境,期盼着孩子们能成长得更好、工作得更好、生活得更 好。人民对美好生活的向往,就是我们的奋斗目标。中国梦归根到底是人民的梦,是每个中国人的梦"⁶. (Haiii народ любит жизнь, надеется на более хорошее образование, на более стабильную работу, на более достойную зарплату, на более надежное социальное обеспечение, на более справедливое медицинское обслуживание, на более комфортные жилищные условия, на более красивую окружающую среду и надеется, что наши дети будут расти в лучших условиях, лучше работать и лучше жить. Стремление народа к прекрасной жизни – это и есть цель наших усилий. Китайская мечта, в конце концов, – это мечта народа, мечта каждого китайца. – Авт. пер.). Как мы видим, в этом выступлении нет пышных фраз и лозунгов, а отражены конкретные запросы народных масс. Народ чувствует, что «китайская мечта» связана с действи-

² 习近平 在全国宣传思想会议上的讲话。人民日报, 2013-8-19.

³ 张潇文 基于传播学视角的意识形态建设//江苏社会科学 2015年第3期,第233页。

⁴ 吴稼祥 让意识形态沉默,让生产力说话——有关改革"方法论"的对话(下),北京:中国青年报2013年3月5日,第6版。

⁵ 张潇文 基于传播学视角的意识形态建设//江苏社会科学 2015年第3期,第236页.

⁶ 习近平 人民对美好生活的向往就是我们的奋斗目标。人民日报, 2012-11-15.

тельностью и реализуема. Таким образом, китайский лидер осуществляет сближение с народом и получает уважение и поддержку населения всей страны.

Си Цзиньпин нередко прибегает в своих выступлениях к образным сравнениям для разъяснения некоторых концепций и социальных явлений. Следующий пример иллюстрирует идею необходимости опоры на передовую науку и технику, без чего общий объем производства еще не свидетельствует об экономическом развитии страны: "块头大不等于强,体重大不等于壮,有时是虚胖" (Большой рост еще не значит, что человек сильный, большой вес еще не значит, что человек крепкий: это может быть и нездоровая тучность. — Авт. пер.). Он использует такие образы, как "玻璃门"(стеклянная дверь) и "弹簧门"(пружинная дверь), характеризует бюрократические барьеры, тормозящие народные инвестиции, пользуется метафорой "墙头草"(трава наверху стены), выражением "推拉门"(раздвижные ворота) для характеристики беспринципных и безответственных чиновников. Утверждая, что каждая страна должна самостоятельно выбирать свой путь развития, Си Цзиньпин выдвинул «теорию туфель»: "鞋子合不合脚,自己穿了才知道" (Удобны туфли или нет — знает только тот, кто надел их на себя.)

Разговорность языкового стиля Си Цзиньпина проявляется также в уместном приведении типичных примеров, в сопоставлении фактов и в «рассказах с хорошим финалом». Например, в ряде выступлений во время посещения европейских стран Си Цзиньпин многократно использовал рассказы о том, как люди приходят на выручку тем, кто попал в беду, чем подчеркивал важность традиций дружбы и взаимопомощи между народами, «сближения расстояния» между китайским народом и народом посещаемой страны. Тем самым лидер КНР осуществляет воздействующую функцию речи. Например, в выступлении во Франции ⁹ он рассказал о спасении французским врачом китайской девочки, заблокированной в лифте, во время землетрясения в провинции Сычуань. В Германии ¹⁰ лидер Китая передал историю о помощи, оказанной жителям провинции Шандунь немецким специалистом-виноделом, и т.д. Си Цзиньпин очень часто прибегает к перечислению и сопоставлению для наглядного ознакомления публики с сутью своей концепции, что делает его речь более убедительной и увеличивает силу ее воздействия. Например, выступая с речью в Бельгии, он объяснил, что Китай – это самая большая развивающаяся страна, и дал такое цифровое сопоставление: "根据世界银行的标准,中国还有2亿多人口生活在贫困线以下,这差不多相当于法国、 德国、英国人口的总和。今年春节前后的40天里,中国航空、铁路、公路承载了大约36亿人次的流动,相当于 每天都有9000万人在流动之中"11. (По стандартам мирового банка в Китае еще более 200 миллионов населения живет ниже уровня бедности, это почти равно общему количеству населения Франции, Германии и Англии. В течение сорока дней в преддверии и после Праздника Весны китайские авиакомпании, железные дороги и автострада взяли на себя перевозку в общей сложности 3,6 миллиарда человек, то есть 90 миллионов в день. — Aem. nep.).

1.2. Образность и интертекстуальность

Наряду с разговорностью стиля публичной речи Си Цзиньпина, почти во всех его выступлениях используются китайские и зарубежные афоризмы, архаизмы, сравнения, цитаты из древней поэзии, крылатые выражения, пословицы, поговорки и т.п., то есть прецедентные тексты, что привносит завершающий штрих ¹² и придает речи китайского лидера большую экспрессивность и образность, усиливая его тактику самоидентификации. Анализируя рассматриваемые тексты, использованные в политических речах Си Цзиньпина за период 2012–2014 годов, мы обнаружили, что китайский лидер, подбирая прецедентный текст для включения в свою речь, всегда учитывает контекст собственной речи и всегда уместно использует прецедентный текст. «Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» ¹³. Но, тем не менее, важно анализировать функции и происхождение используемых Си Цзиньпином прецедентных текстов из древней китайской культуры, ибо они не только

^{7《}习近平总书记系列重要讲话读本》北京:人民出版社,2014,第80页。

⁸ 习近平在莫斯科国际关系学院的演讲。人民日报, 2013-3-23.

⁹ 习近平 在中法建交五十周年纪念大会上的讲话。人民日报, 2014-03-27

¹⁰ 习近平 在德国科尔伯基金会的演讲。人民日报, 2014-03-30

¹¹ 习近平在欧洲学院发表重要演讲。人民日报,2014-04-02

¹² 文秀 习近平讲话的语言风格及特点// 理论导报, 2014年第1期, 8页。

¹³ Семиотика: антология. М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. С. 36–37 (вводная статья Ю. Степанова).

увеличивают образность и экспрессивность его выступлений, способствуя тем самым пониманию и запоминанию сказанного, но и имеют глубинный концептуальный смысл.

Рассмотрим в качестве примеров некоторые цитаты, выражающие концепцию управления страной и борьбу с коррупцией.

(1) 临渊羡鱼,不如退而结网. Цитата из «Ханьшу», исторической хроники китайской династии Хань (《汉书·董仲舒传》):"故汉得天下以来,常欲治而至今不可善治者,失之与当更化而不更化也。古人有言曰:'临渊羡鱼,不如退而结网'".

Буквальное значение цитаты: Лучше возвратиться к себе сплетать сетку для ловли рыбы, чем стоять у пруда и мечтать, что получишь рыбу. Переносное: Любое дело можно доделать при старании, не ограничиваясь лозунгами.

Контекст использования: Эта цитата была использована в речи китайского лидера на заседании центрального политбюро КНР от 4 декабря 2012 года. "这次,大家的一些想法在文件中体现出来了。当然,也不是全部体现出来了,有些问题需要在实践中再看看,有的还跟我们有关工作的准备情况有关系,有的还需要以后逐步改进。临渊羡鱼不如退而结网,锅内扬汤不如釜底抽薪,一打纲领不如一个实际行动,认识到了就做起来"¹⁴. (Лидер КНР призывает к реальному воплощению одобренных и принятых решений: «...Как говорят, лучше пойти сплести сетку, чем стоять у пруда и завидовать. Лучше убрать часть дров из-под котла, чем выливать суп из котла. Лучше взяться за одну операцию, чем иметь дюжину программ. Важно, чтобы мы осознали это и своевременно начали действовать. — Пер. авт.).

(2) 没有比人更高的山,没有比脚更长的路. Цитата из современного стихотворения «Горы высоки, дороги далеки» (《山高路远》) известного китайского поэта Ван Гочжень.

Буквальное значение: Нет горы, которая выше человека, нет дороги, которая длиннее ноги.

Эта цитата была использована Си Цзиньпином в выступлении на саммите торгово-промышленных руководителей Азиатско-Тихоокеанской организации экономического сотрудничества, проведенном в Индонезии 7 октября 2013 года. "有句话说得好,没有比人更高的山,没有比脚更长的路。再高的山、再长的路,只要我们锲而不舍前进,就有达到目的的那一天" (Как гласит стихотворение: Нет горы, которая выше человека, нет дороги, которая длиннее ноги. Как ни высока гора, как ни длинна дорога, если мы неустанно движемся вперед, то будет день, когда мы добьемся своих целей. — Авт. пер.). Здесь подчеркивается необходимость всесторонне углублять реформы для придания нового импульса экономическому развитию Китая 16. Цитата помогает понять решимость китайского лидера преобразовать структуру и режим экономического развития и преодолеть все возникающие трудности в регулировании.

(3) 治大国如烹小鲜. Цитата восходит к 60-й части «Даодэцзин» Лаоцзы (《道德经》): 治大国,若烹小鲜。以道莅天下,其鬼不神。 Буквальное значение цитаты: При управлении большим государством, как и при жарении мелкой рыбешки, нельзя действовать наобум. Если управлять Поднебесной по законам и правилам, то дьявол теряет свою силу.

Эту общеизвестную цитату Си Цзиньпин использовал для образной формулировки своей концепции управления государством во время интервью для СМИ из стран «Золотого кирпича» 19 марта 2013 года. "这样一个大国,这样多的人民,这么复杂的国情,领导者要深入了解国情,了解人民所思所盼,要有'如履薄冰,如临深渊'的自觉,要有'治大国如烹小鲜'的态度,丝毫不敢懈怠,丝毫不敢马虎,必须夙夜在公,勤勉工作" (В такой большой стране, с таким большим населением, в такой сложной обстановке руководители должны четко осознавать обстановку, знать мысли и надежды народа, должны уметь «ходить по тонкому льду», «удерживаться на краю омута», должны придерживаться принципа «при управлении большим государством, как и при жарении маленькой рыбки, недопустима расхлябанность, необходимо днем и ночью думать о своей службе, прилежно приступать к работе. — Авт. пер.). Суть контрастного образа заключается в том, что даже такое мелкое дело, как поджаривание рыбешки, требует умения и знаний — какой нужен огонь, какие приправы добавлять и в какой последовательности. А что говорить об управлении крупным государством! Тем самым китайский лидер подчеркивает личное чувство ответственности за судьбу страны и свою решимость служить всему китайскому народу.

В следующем контексте используются приводимые ниже цитаты, чтобы подчеркнуть идеологию управления государством: 在漫长的历史进程中,中华民族创造了独树一帜的灿烂文化,积累了丰富的治国理政经验,其中既包括升平之世社会发展进步的成功经验,也有衰乱之世社会动荡的深刻教训。我国古代主张民惟邦本、政得其民,礼法合治、德主刑辅,……等等,这些都能给人们以重要启示。治理国家和社会,今

¹⁴ 习近平总书记在中央政治局会议上的讲话。人民日报,2012-12-04.

¹⁵ 习近平在亚太经合组织工商领导人峰会上的演讲。人民日报,2013-10-07

¹⁶ 陈锡喜 平易近人 – 习近平的语言力量。上海:上海交通大学出版社,2014,116–117页。

¹⁷ 习近平在接受金砖国家媒体联合采访时的讲话。人民日报,2013-03-19.

天遇到的很多事情都可以在历史上找到影子,历史上发生过的很多事情也都可以作为今天的镜鉴 18 (За долгую историю развития китайская нация создала уникальную блестящую культуру, накопила богатый опыт управления государством, в частности, удачный опыт социального развития и прогресса во времена процветания, а также усвоила уроки тревог и колебаний во времена упадка. С древних времен мы выступали за следующие идеи: народ – это основа государства, в управлении государством надо получить признание народа; надо сочетать перевоспитание и опору на законы, надо ставить во главу угла воспитание нравственности и морали, а наказание должно выступать как вспомогательный способ воздействия и т.д. Все это дает нам понять, что сегодня в управлении государством и обществом и в текущих событиях можно найти следы истории, в то же время многое происходившее в истории тоже «отражается в сегодняшнем зеркале». – Авт. пер.). Рассмотрим следующие цитаты-фразеологизмы.

(4) 民惟邦本

Цитата из Шаншу·Уцзычжиге» (《尚书·五子之歌》):皇祖有训,民可近不可下。民惟邦本,本固邦宁。Народ – это основа государства.

(5) 政得其民

Цитата из «Мэнцзы Лилошан» (《孟子·离娄上》): "得天下有道:得其民,斯得天下矣。得其民有道:得其心,斯得民矣。Для управления государством надо получить признание народа.

(6) 礼法合治

Обобщение нескольких цитат: «Шаншу·кангао» (《尚书·康诰》): "明德慎罚"; «Луньюй·вэйчжен» (《论语·为政》): "道之以政,齐之以刑,民免而无耻;道之以德,齐之以礼,有耻且格。В управлении государством надо сочетать перевоспитание и законы.

(7) 德主刑辅

Цитата: из теории Дун Чжуншу «Ян де Инь син» («阳德阴刑»), где Ян – мораль, добродетель, Инь – наказание, казнь. В управлении государством надо ставить во главу угла воспитание нравственности и морали, а к наказанию прибегать в крайних случаях.

2. Тактики идентификации, применяемые Председателем КНР

Задача политического лидера – завоевать и удержать симпатии, привязанность, понимание и поддержку населения. Очень часто политические лидеры прибегают к тем или иным видам воздействия на чувства, эмоции и подсознание адресата. И эта задача выполняется с помощью разных тактик, которые побуждают последнего отождествлять себя с говорящим, с его позицией, вызывая ощущение причастности, общности. Рассматривая политические выступления китайского лидера Си Цзиньпина в разных ситуациях, мы отмечаем, что основные его тактики идентификации можно разделить на три: идентификацию сопереживания, идентификацию общего неприятия и идентификацию «бессознательного приобщения ¹⁹.

2.1. Идентификация сопереживания

Идентификация сопереживания осуществляется созданием общих чувств или общих интересов и достижением близких отношений между говорящим и слушающими. В китайской политической ситуации концепт 民族 (нация), вызывая у народа чувство кровной связи, в высшей степени побуждает его идентифицировать себя с руководством КНР. Во время поездок по стране Си Цзиньпин в своих выступлениях очень часто употребляет наряду со словом民族 (нация) еще два слова: 中华民族 (китайская нация), 各 族人民 (народ разных наций) для подчеркивания кровного единства всех народностей Китая, что вызывает у представителей всех национальностей чувство сопереживания со всем народом и правящей партией. В то же время Председатель Си Цзиньпин многократно использовал в своих речах понятия人民 (народ), 群众 (масса) и 人民群众 (народная масса) для выражения своего внимания к народу и озабоченности его проблемами. Например, в выступлении на итоговом заседании по уточнению внутриполитического курса компартии он использовал 51 раз слова人民 (народ), 群众 (масса) и 人民群众 (народная масса). Приведем высказывание из этого выступления в качестве примера: "通过活动,广大党员、干部精神上补了"钙", 进 一步认识到人民是历史的创造者,我们党来自人民、植根人民,各级干部无论职位高低都是人民公仆、必须全 心全意为人民服务;进一步增进了同群众的感情、拉近了同群众的距离,增强了同群众一块过、一块苦、一块 干的自觉性;进一步掌握了贯彻群众路线的工作方法,看到了在联系服务群众中的差距,增强了做好群众工作 的本领" 20 (С помощью этого мероприятия все коммунисты и кадровые работники получили укрепляющий их «духовный кальций», глубоко осознали, что народ – это творец истории, что наша партия вышла из народа, укоренились среди народа и что кадровые работники любого ранга призваны служить народу. Это

¹⁸ 习近平:牢记历史经验历史教训历史警示 为国家治理能力现代化提供有益借鉴。人民日报,2014-10-14

¹⁹ 严瑜 习近平总书记讲话的认同构建//新闻爱好者,2013年第3期,第67页。

²⁰ 习近平在党的群众路线教育实践活动总结大会上的讲话。人民日报,2014-10-09。

мероприятие сблизило руководящие кадры с народными массами, усилило сознание необходимости «вместе с народом жить, горевать и трудиться». Это мероприятие помогло руководящим кадрам овладеть методами работы с массами и осознать свои недостатки, чтобы усовершенствовать стиль работы. – Авт. пер.).

2.2. Идентификация «общего неприятия»

Под идентификацией «общего неприятия» понимается формирование сопричастности на основе наличия у говорящего и слушающего общего оппонента, чем и достигается их солидарность. В китайском политическом режиме не существует конфликтов между оппозиционными партиями, но такое противостояние проявляется между злоупотребляющими чиновниками и народными массами. По данным опроса Академии социальных и гуманитарных наук, около 40 % населения Китая не уверены в эффективности борьбы Коммунистической партии с коррупцией на будущие 5-10 лет²¹. В этой связи Председатель Си Цзиньпин в своей речи использовал тактику формирования установки на борьбу с моральным разложением и коррупцией как с общим врагом компартии и народа. Лидер КНР стремился завоевать доверие народа к партии и получить его поддержку в борьбе с коррупцией. Например: "坚定不移惩治腐败,是 我们党有力量的表现,也是全党同志和广大群众的共同愿望。我们党严肃查处一些党员干部包括高级干部严重 违纪问题的坚强决心和鲜明态度,向全党全社会表明,我们所说的不论什么人,不论其职务多高,只要触犯了 党纪国法,都要受到严肃追究和严厉惩处,决不是一句空话。从严治党,惩治这一手决不能放松。要坚持"老 虎""苍蝇"一起打,既坚决查处领导干部违纪违法案件,又切实解决发生在群众身边的不正之风和腐败问题"22 (Неотвратимость наказания за моральное разложение и коррупцию свидетельствует о силе компартии, в то же время отражает точку зрения народа. Твердая позиция по отношению к преступившим законы, даже к чиновникам самого высокого ранга, не является пустым словом. Надо строго придерживаться партийной линии и законности, чтобы ни один правонарушитель не ушел от ответственности. Надо придерживаться принципа «одновременно убивать и тигра, и муху». – Asm. nep.). Образы «тигра» и «мухи», обозначающие в данном контексте крупных и мелких коррумпированных чиновников (в том числе среди членов компартии) восходят к древней китайской народной пословице "老虎屁股摸不得"с буквальным значением: «Тигра нельзя хлопать по заду».

2.3. Идентификация «бессознательного приобщения»

Эта тактика имеет в виду употребление особых слов, вызывающих у слушателей бессознательное чувство приобщения. Самыми частыми вербальными проявлениями подобной тактики являются местоимения «мы» и «наш». Особенно продуктивен способ употребления личных и притяжательных местоимений «мы», «наш». С одной стороны, это способствует формированию коллективного самосознания граждан государства и усиливает у них чувство солидарности с действующей властью, а вместе с тем укрепляет и саму идею государственности. С другой стороны, данная тактика — один из способов манипулирующего воздействия на массы, когда воля правящего меньшиства в завуалированной форме навязывается большинству ²³. Например, на пресс-конференции для китайских и зарубежных журналистов, участвующих на 18-м съезде китайской компартии, в своем выступлении после назначения на пост Генерального секретаря ЦК КПК ²⁴ Си Цзиньпин использовал 22 раза местоимения «мы» и «наш», придавая им широкое и богатое содержание, подразумевая под ними, кроме коллектива нового руководства, широкий круг обыкновенных коммунистов и внепартийные круги, связывая солидарность всех коммунистов и коллектива нового руководства: "我们的民族历经磨难"(Наша нация пережила много трудностей), "我们的人民热爱生活"(Наш народ живет в согласии.), "我们完全有理由因此而自豪,但我们自豪而不自满"(Мы имеем абсолютный повод этим гордиться, но без зазнайства) и т.д.

Итак, подведя итог, мы сделаем такой вывод: главными языковыми особенностями выступлений китайского лидера являются разговорность, образность и интертекстуальность высказывания, которые выражаются народными пословицами, поговорками, образными сравнениями, перечислением фактов, сопоставлением, рассказами и цитатами из древней китайской культуры. Идентификация лидера как представителя народных масс достигается тактиками «сопереживания», «общего неприятия» и «бессознательного приобщения».

²¹ 中国社科院评2012年反腐倡廉十大事件。新华网,2012—12—20. URL: //http;//news.xinhuanet.com/lianzheng/2012-12/20/c_124121933_2.htm

²² 习近平:科学有效防治腐败坚定不移把反腐倡廉建设引向深入。人民日报,2013-01-23。

²³ Цуладзе А.М. Политические манипуляции, или Покорение толпы. М.: Университет, 1999. С. 116.

²⁴ 习近平在当选中国共产党第十八届中央委员会总书记代表新一届中央领导集体在记者见面会上的讲话。 人民日报,2012–11–15

Список использованной литературы

1. 陈锡喜 平易近人 – 习近平的语言力量。上海:上海交通大学出版社,2014,273页。

Чень Сиси. Доступность – языковая сила Си Цзиньпина [Текст]. – Шанхай : Изд-во Шанхайс. ун-та путей сообщения, 2014. – 273 с.

2. 文秀 习近平讲话的语言风格及特点// 理论导报, 2014年第1期, 6-8页。

Вэнь Сю. Языковые стили и особенности речи Си Цзиньпина [Текст] // Введение в теорию. — $2014. - N_{\rm 2}1. - C.$ 6–8.

3. 严瑜 习近平总书记讲话的认同构建//新闻爱好者,2013年第3期,66-68页。

Янь Юй. Построение идентификации выступлений Председателя Си Цзиньпина [Текст] // Любитель новостей. $-2013. - \mathbb{N} 2. - \mathbb{C}.$ 66–68.

4. 张潇文 基于传播学视角的意识形态建设//江苏社会科学 2015年第3期 , 232-238页。

Чжан Сяовэнь. Построение идеологии в рамках журналистики [Текст] // Социальные науки провинции Цзянсу. – 2015. – N 2. – C. 232–238.

- 5. Семиотика: антология [Текст]. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 702 с. (Вводная статья Ю. Степанова)
- 6. Цуладзе, А.М. Политические манипуляции, или Покорение толпы [Текст]. М. : Университет, 1999. 144 с.

Список проанализированных источников

1. 习近平 在全国宣传思想会议上的讲话。人民日报, 2013-8-19。

Си Цзиньпин. Выступление на всекитайском заседании по работе пропаганды и идеологии [Текст]. – Женьминьжибао, 2013. - 19 авг.

2. 习近平 人民对美好生活的向往就是我们的奋斗目标。人民日报, 2012-11-15。

Си Цзиньпин. Стремление народа к хорошей жизни – наша цель борьбы [Текст]. – Женьминьжибао, 2012. – 15 нояб.

3. 习近平《习近平总书记系列重要讲话读本》,人民出版社,2014,194页。

Си Цзиньпин. Хрестоматия ведущих выступлений Председателя Си Цзиньпина [Текст]. – Изд-во Женьминь, 2014. – 194 с.

4. 习近平在莫斯科国际关系学院的演讲。人民日报, 2013-3-23。

Выступление Си Цзиньпина в Московском институте международных отношений [Текст]. – Женьминьжибао, 2013. – 23 марта.

5. 习近平 在中法建交五十周年纪念大会上的讲话。人民日报, 2014-03-27。

Выступление Си Цзиньпина на пятидесятилетии в честь образования дружественных отношений между Китаем и Францией [Текст]. – Женьминьжибао, 2014. – 27 марта.

6. 习近平在德国科尔伯基金会的演讲。人民日报,2014-03-30。

Выступление Си Цзиньпина в Фонде имени Колбе (Kolbe) Германии [Текст]. – Женьминьжибао, 2014. – 30 марта.

7. 习近平在欧洲学院发表重要演讲。人民日报,2014-04-02。

Си Цзиньпин выступил с речью в Институте Европы [Текст]. – Женьминьжибао, 2014. – 2 апр.

8. 习近平总书记在中央政治局会议上的讲话。人民日报,2012-12-04。

Выступление Си Цзиньпина на заседании центрального политбюро КНР [Текст]. – Женьминьжибао, 2012. – 4 дек.

9. 习近平在亚太经合组织工商领导人峰会上的演讲。人民日报,2013-10-07。

Выступление Си Цзиньпина на Саммите руководителей торгово-промышленных дел при Азиатско-Тихоокеанской организации по экономическому сотрудничеству [Текст]. – Женьминьжибао, 2013. – 7 окт.

10. 习近平在接受金砖国家媒体联合采访时的讲话。人民日报, 2013-03-19。

Выступление Си Цзиньпина во время интервью для СМИ из стран «Золотой кирпич» [Текст]. — Женьминьжибао, 2013. — 19 марта.

- 11. 习近平: 牢记历史经验历史教训历史警示 为国家治理能力现代化提供有益借鉴。人民日报, 2014—10—14。Си Цзиньпин. Запомнить исторический опыт, исторический урок и историческое предупреждение, чтобы предоставить полезный пример для модернизации компетенции управления государством [Текст]. Женьминьжибао, 2014.—14 окт.
- 12. 习近平在党的群众路线教育实践活动总结大会上的讲话。人民日报, 2014—10—09。Выступление Си Цзиньпина на итоговом заседании по образовательной практике массового курса партии [Текст]. Женьминьжибао, 2014. 9 окт.
- 13. 习近平:科学有效防治腐败 坚定不移把反腐倡廉建设引向深入。人民日报, 2013—01—23。Си Цзиньпин. Рационально и эффективно предотвращать злоупотребление, беспеременно углубить борьбу против коррупции и выступить с инициативой за бескорыстие [Текст]. Женьминьжибао, 2013. 23 янв.
- 14. 习近平在当选中国共产党第十八届中央委员会总书记代表新一届中央领导集体在记者见面会上的讲话。人民日报,2012-11-15。

Выступление Си Цзиньпина на пресс-конференции нового коллектива руководства китайской компартии после 18-го съезда ЦК КПК с журналистами [Текст]. – Женьминьжибао, 2012. – 15 нояб.

References

- 1. Chen Xixi. Comprehensibility as the Source of Xi Jinping's Power of Language [Text]. Shanghai : Shanghai University of Transportation, 2014. 273 p. (In Chinese).
- 2. Wen Xiu. The Language Styles and the Peculiarities of Xi Jinping's Public Speech [Text] // Introduction to Theory. -2014. -N1. -P. 6-8 (In Chinese).
- 3. Yan Yu. The Construction of Identification in the Speeches of Xi Jinping [Text] // Xīnwén àihàozhě (News Fan). 2013. N 3. P. 66–68 (In Chinese).
- 4. Zhang Xiaowen. The Construction of Ideology within the Framework of Journalism [Text] // Social Studies of Jiangsu Province. 2015. N 3. P. 232–238 (In Chinese).
- 5. Semiotics: Anthology [Text]. M. : Academicheskiy proekt ; Yekaterinburg : Delovaya kniga, 2015. 702 p. (Introduction by Yu. Stepanov) (In Russian).
- 6. Tsuladze, A.M. Political Manipulations, or Conquering the Crowd [Text]. M.: Universitet, 1999. 104 p. (In Russian).

Принципы именования китайцев и лингвокультурный анализ китайских традиционных антропонимов

Имя – это важный элемент культурного наследия, обладающий функцией носителя культуры. Китайские имена богаты таким содержанием, то есть они являются не только языковым, но и мировоззренческим явлением. В данной статье с лингвистической точки зрения анализируются типичные способы образования китайских антропонимов, а также дается характеристика исторических периодов, особенностей развития общества, нравов и обычаев, отраженных в антропонимах.

антропоним, способы именования, культуроведческий анализ, родовое имя, аллюзии, нравственные нормы, табу

Ma Lijie, *Master of Management* (Changchun University, Changchun, China)

The Principles of Naming People: a Linguo-Cultural Analysis of Traditional Chinese Anthroponyms

A person's name is an important part of cultural heritage that represents a user of the culture. Chinese names are rich in cultural content and manifest their cultural content, in addition to their linguistic meaning. The paper analyses the typical patterns of naming people from a diachronic linguistic perspective, showing how anthroponyms reflect the development of society, human values, manners and customs at a certain historical period.

Anthroponym, attribution of names, culture-focused analysis, tribal name, allusions, ethical norms, taboo

нтропоним состоит из фамилии и имени, также называется просто «имя». «Фамилия есть у человека от рождения. От "женщины" 女, от "рождаться" 生» сам иероглиф 姓 «фамилия» – это сочетание иероглифов 女 «женщина» и 生 «рождаться», то есть буквальный смысл слова понимается как «рожденный от женщины». «Имя есть названное от "рот" 口, от "вечер" 夕» нероглиф 名 состоит из иероглифов 口 «рот» и 夕 «вечер». «Вечер» – это позднее темное время суток, поэтому чтобы увидеть друг друга, людям необходимо позвать кого-либо по имени. Отсюда следует, что имя – это признак отличия частных персон вербальным способом, именно благодаря имени возможна беспрепятственная упорядоченная коммуникация между людьми. Современный термин «имя» 名字 – это одно неделимое понятие, но в древности этот термин распадался на два: частное персональное имя «мин» 名 и второе имя «цзы» 字 (публичное персональное имя). В «Книге ритуалов» сказано: «В детстве – имя, при совершеннолетии – "цзы". Юноше двадцать – надевает головной убор, следует добавить "цзы". Девушка выходит замуж, закалывает шпилькой волосы, следует добавить "цзы"» то есть при рождении ребенку дается «мин», а при достижении совершеннолетия в 20 лет юноши и девушки при вступлении в брак добавляют «цзы» к основному имени.

¹ Перевод с китайского языка выполнила Рышкова Марина Александровна, ведущий специалист по учебно-методической работе Института Конфуция РГУ имени С.А. Есенина.

² Сю Шэнь. Толкование иероглифов в тексте. Наньцзин: Феникс, 2012. Т. 2. С. 709.

³ Там же. С. 17.

⁴ Сунь Сидань. Толкование «Книги обрядов». Пекин: Чжунхуа, 1989. С. 709.

С древних времен китайцы уделяли большое внимание выбору имени. В процессе развития общества и культуры из массы китайских антропонимов сформировалась своеобразная система именования, которая включает в себя фамилию «син» 姓 (семейное имя, патроним), девичью фамилию «ши» 氏, второе имя «цзы» 字 (социальное имя), частное персональное имя «мин» 名, прозвище «хао» 号, детское имя «жумин» 乳名(молочное имя), литературный псевдоним «бимин» 笔名, сценическое имя «имин» 艺名. Общеизвестно, что фамилия – это понятие, восходящее к роду, обозначает семейную принадлежность; имя – это индивидуальное понятие, которое воплощает в себе существование частной персоны. Некоторые стандарты именования появились уже в период весен и осеней (770-476 годы до н. э.), так в «Цзочжуань» есть следующая запись, описывающая пять способов именования: «способов именования есть пять: синь 信(достоверность), и 义 (долг), сян 象 (изображение), цзя 假 (условный), лэй 类 (вид, тип)» 5. «Син» 信 обозначает именование согласно особенности ситуации при рождении, «и» 义 – именование по моральным нормам и качествам, «сян» 象 – образное имя, «цзя» 假 – имя-замена, обозначающее другой предмет или явление, «лэй» 类 – именование по схожему с отцом признаку. «Не называй как государство, как чиновника, как горы и реки, как болезни, как скот, как утварь» ⁶ – таких шесть табу существовало при именовании. То есть в антропонимах нельзя было употреблять иероглифы, обозначающие наименования государств (княжеств), должностей чиновников, болезней, скота, а также разнообразных сосудов, используемых при жертвоприношениях. Эти принципы часто находили отражение в китайских антропонимах. Так, когда у Конфуция (Кун Цзы 孔子) родился сын, ему подарили карпа, «ли юй» 鲤鱼, поэтому ему дали персональное имя Кун Ли 孔鲤 и второе имя Бо Юй 伯鱼, что является одним из пяти способов именования – цзя 假 (замена). А сам Конфуций при своем рождении имел одну особенность: очень высокий лоб, словно небольшой холмик, поэтому его назвали Кун Цю 孔丘(цю 丘 – «холм»), что является применением первого из пяти способов именования «син» 信.

С течением времени способы и принципы именования непрерывно эволюционировали. Но какими бы ни были изменения, наследование культуры китайского народа в китайских антропонимах всегда происходило через форму, прочтение и значение составляющих иероглифов. Таким образом, имя существовало не только в лингвистической форме, но становилось своеобразным культурным знаком. По прошествии нескольких тысяч лет исторического развития основными принципами именования китайцев стали «наследование, аллюзии, моральные нормы и табу». А с помощью антропонимов, основанных на данных принципах, можно узнать особенности исторического периода, родового наследования, тенденций в мышлении и моральных норм.

1. Имя и родовое наследование.

Китайские традиционные антропонимы образуются в соответствии с порядком по старшинству поколений в роду, которое отражается в следовании иероглифов в имени. Образование антропонимов с помощью одинакового серийного иероглифа, показывающих последовательность поколений – это один из способов именования, наиболее ярко отражающих китайскую традиционную культуру. Так, антропоним состоит из трех частей: фамилия + родословное имя (серийный иероглиф) + имя, данное при рождении, например, в имени Кун Лин Хуэй 孔令辉 Кун 孔 – это фамилия, Лин 令 – родословное имя и Хуэй 辉 – имя, данное при рождении (так как Лин 🗢 – это серийный иероглиф одного поколения, то все потенциальные братья и сестры Куна Лин Хуэй должны унаследовать его в своем имени) 7. В Китае каждый род ведет родословную книгу для записи каждого последующего поколения потомков. Самым распространенным способом является определение каким-нибудь из поколения предков нескольких десятков серийных иероглифов для родословных имен, после чего у каждого последующего поколения родословным именем будет один общий для поколения серийный иероглиф согласно установленному порядку. Наиболее ярким примером является род Конфуция (транскрипция – Кунцзы 孔子), в именах потомков которого до сих пор наблюдается присутствие родословного имени, в течение 2 550 лет до наших дней насчитывается 82 поколения с родословным именем, хотя во времена Китайской республики, по сведениям правительства, существовало уже 105 поколений ⁸ с родословными именами, и оставались серийные иероглифы еще для 23 поколений. Из родословной книги Конфуция можно увидеть, что типичной особенностью китайского имени является отражение родового наследования, при этом не важно, насколько далеко отдаляются потомки друг от друга, стоит им только узнать находящееся посередине имени родословное имя своего од-

⁵ Цзо Цюьин. Чуньцю Цзочжуань. Шэньян: Ляонин цзяоюй, 1997. С. 19.

⁶ Там же.

⁷ Примеч. пер.

 $^{^{8}}$ Чжоу Дэюань. Происхождение и смысл китайских имен. Наньнин : Гуансиминцзу, 2010. С. 9.

нофамильца, они сразу могут понять его принадлежность к определенному поколению и отсюда установить старшинство.

2. Имя и литературные аллюзии.

Китайцы придают большое значение аллегоричности имени, стремятся придать особое содержание прозаическому характеру имени, поэтому при именовании часто обращаются к литературным источникам для выражения своих мыслей и чувств. Девушка по своей природе мягкая и красивая, соответственно имя ей нужно выбирать из красивых, тонких слов. «Шицзин» (Книга песен и гимнов) – это самый ранний сборник китайской поэзии, собранные в нем стихотворения отличаются тонкостью и мягкостью стиля. Имя обладательницы Нобелевской премии по медицине Ту Юю 屠呦呦 (Tu Youyou) восходит к строкам: «Согласие слышу я в криках оленей, что сочные травы на поле едят...» («Шицзин, Малые Оды, Встреча Гостей»). «Согласие слышу я в криках оленей» в оригинале звучит как "Youyou lu ming 呦呦鹿鸣", где первые два иероглифа являются словом-звукоподражанием, символизирующим в стихотворении гармонию. А имя тайваньской писательницы Цюн Яо 琼瑶 (Qiong Yao) также восходит к «Шицзин, Песни царства Вэй, Ты мне в подарок принес плод айвы»: «Ты мне в подарок принес плод айвы ароматной, Яшмой прекрасной был мой подарок обратный. Не для того я дарила, чтоб нам меняться дарами, А для того, чтобы вечной осталась любовь между нами». В оригинальном тексте "bao zhi yi qiongyao 报之以琼瑶" («Яшмой прекрасной был мой подарок обратный») слово qiongyao 琼瑶 как раз и означает «прекрасная яшма». Мужской характер отличается твердостью, поэтому их имена должны отождествляться с храбростью и силой воли. «Чуские строфы» – это самый ранний сборник романтической поэзии, в котором главным образом собраны стихотворения поэта-патриота Цюй Юаня. Его стихотворения характеризуются воодушевляющими чувствами и бравым размахом. Имя современного китайского поэта Чжу Цзыцина 朱自 清 восходит к следующей строке: «Если можешь быть неподкупным и справедливым, то всегда будешь достойным 自清 (цзыцин)» («Чуские строфы, Бу Цзю»). «Луньюй» воплотил в себе идеологию конфуцианства, став эталоном вербального и невербального поведения людей. Имя математика-американца китайского происхождения Чэня Синшеня 陈省身(Chen Xingshen) возникло из следующих строк: «Я ежедневно проверяю себя в трех отношениях» («Луньюй, Учиться и...»). Оригинальный текст веньяня "Wu ri san xing wu shen吾日三省吾身" обозначает в переводе на современный язык «подвергать себя многократному самоанализу». Имя современного палеографа Юй Синъу 于省吾 (Yu Xingwu) также восходит в этой же строке "Wu ri san xing wu shen吾日三省吾身" и интерпретируется как «строг в самодисциплине». Бывший лидер КНР Мао Цзэдун был хорошо знаком с памятниками классической китайской литературы, имена его дочерей Ли На 李讷 (Li Ne) и Ли Минь 李敏 (Li Min) восходят к следующей строке: «Благородный муж стремится быть медленным в словах и быстрым в делах» («Луньюй. Община и человеколюбие...»), что подразумевает собой «меньше говори, больше делай». В оригинале "Junzi vu ne vu van, er min vu xing 君子欲讷于言,而敏于行". Называя так дочерей, Мао Цзэдун надеялся, что те вырастут в людей, которые «делают много конкретных дел и мало говорят пустых слов». «Книга перемен» (Ицзин) - классический памятник китайского традиционного философского мышления, здесь излагаются взгляды на натуральную философию и гуманистическое мышление. Обладатель Нобелевской премии по литературе, француз китайского происхождения Гао Синцзянь 高行健 и один из бывших лидеров Коммунистической партии Китая Вэй Цзяньсин 尉健行 получили свои имена благодаря следующим строкам: «Пока движется земля (синцзян) 行健, человек также должен стремиться к непрерывному прогрессу» («Книга перемен»). Другими словами, человек должен поучиться у небесных тел и природы с их процессами и движениями таким качествам, как стальная воля, постоянное трудолюбие и стремление к свершениям, и при этом ни на минуту не останавливаться, как и они. А имя бывшего лидера партии Гоминдан Чана Кайши 蒋介石 (Цзяна Цзиэши) также восходит к «Книге перемен»: «Крепче, чем камень 介于石 (Цзиэ юй ши). Не до конца дня. Стойкость – к счастью». «Цзиеши» 介石 обозначает спокойное состояние, словно находишься между скал, где тебя не застанут врасплох ни плохие природные условия, ни дикие звери. Имя гонконгской певицы Мо Вэнвэй 莫文蔚 было выбрано ее отцом также из «Книги перемен»: «Благородный муж меняется, как леопард, когда у последнего появляются пятна (вэнвэй) 文蔚». Этот текст интерпретируется так: человек, подобно леопарду без пятен, может быть уродлив, но также, как и леопард при появлении пятен, человек может стать красивым душой и добродетельным, если следует моральным нормам.

3. Имя и моральные нормы.

В китайской традиционной культуре именования учитывались так называемые «три начала и пять постоянных принципов» ⁹. Эта формулировка является отражением рассуждений об этике и добродетелях

⁹ Нормы морали, пропагандируемые Конфуцием: три начала (подчинение подданного государю, подчинение сына отцу, подчинение жены мужу) и пять постоянных принципов (гуманность, справедливость, вежливость, разумность и верность) (Примеч. пер.).

в конфуцианстве, основоположником которого был Конфуций. Такие пять постоянных принципов, как гуманность «жэнь» 仁, справедливость «и» 义, вежливость «ли» 礼, разумность «чжи» 智 и верность «синь» 信 являлись нормами морали, которыми должны руководствоваться люди в своих поступках. Эти иероглифы чаще встречались в мужских именах. «Жэнь» 仁 обозначает «родство, любовь» (как в именах Лю Сунжэнь 刘松仁, Ли Цунжэнь 李宗仁), «и» 义переводится как «справедливость» (например, Лу Цзюньи 卢俊义), «ли» 李 означает «соблюдающий ритуалы» (как в именах Чжоу Сюэли 周学礼, Ван Шоули 王守礼), «чжи» 智 переводится как «мудрость» (например, Ли Чжи 利智, Чэнь Чжи 陈智), «синь» 信 соотносится с понятиями «верность, надежность» (например, Хань Синь 韩信, Ли Синьи 李信义). В женских именах соответственно чаще употреблялись иероглифы, ассоциирующиеся с добродетелями, которыми должна обладать женщина, такие как «чжэнь» 贞, «хуэй» 惠 («мудрая»), «фан» 芳 («добродетельная») и др. Так, «чжэнь» 贞 обозначает «неуклонное целомудрие» (например, Бай Сучжень 白素贞, Лу Чжэнь 陆贞). Помимо этого, присутствие других, связанных с добродетелями иероглифов в китайских антропонимах, например, Юй Цянь 于谦 («цянь» 谦 – скромный), Гун Цзычжэнь 龚自珍 («чжэнь» 珍 – беречь, ценить), Чжан Цзычжун 张自忠 («чжун» 忠 – преданный), Шень Дэцянь 沈德潜 («дэ» 德 – добродетель), отражают моральные стремления китайцев.

4. Имя и табу.

«Табу есть запрет» 10 , то есть воздержание от употребления чего-то запретного. «Табу являются особой чертой китайской культуры. Табу появились в эпоху Чжоу, были установлены в эпоху Цинь, достигли расцвета при династиях Тан и Сун, в общем история существования этого феномена приближается к двум тысячам лет» ¹¹. В китайских традиционных антропонимах принцип табу учитывался в первую очередь. Во-первых, при именовании нельзя использовать имена предков, то есть те же имена, что у поколения отца и других предков, также нельзя использовать одинаковые с ними отдельные иероглифы. Во-вторых, следовало избегать неблагозвучия, так как хотя некоторые имена и являются изысканными в отдельности, но из-за того, что их прочтение созвучно с другими сочетаниями иероглифов, получается некое неблагозвучие, что может вызвать насмешки, например имя Хэшан 何商 похоже на звучание в китайском языке слова «монах» 和尚, Баоминь 包敏 созвучно со словом «кукуруза» 苞米, Шэньцзин 沈晶 – со словом «психический» 神经, а Байянь 白研 – с сочетанием «косо смотреть на кого-либо» 白眼. В-третьих, следовало избегать труднопроизносимых сочетаний иероглифов, в основном это относилось к именам, в которых наблюдалась аллитерация инициалей, рифмующиеся финали (слоги) и омофоны. Так, если инициали одинаковы, то их тяжело было произносить в потоке речи, например Яо Яо 姚瑶 (Yao Yao), Чжоу Сяосяо 周笑晓 (Zhou Xiaoxiao), Ли Лили 李立礼 (Li Lili) и т.д. В-четвертых, к табу относились полифоны: так как некоторые иероглифы обладают несколькими прочтениями и значениями, они могли вызвать недоразумение, поэтому при именовании рекомендовалось минимизировать их использование, например, имя Юй Лэ 于乐 можно прочитать как vú lè, где последний иероглиф означает «радость», а можно прочитать как vú vuè, и в этом случае второй слог обозначает «музыка». В-пятых, табу было на именах, ассоциировавшихся с болезнями, уродством, грязью и т.д.

Помимо этого, некоторые антропонимы образованы в соответствии с существовавшими в ранний период весен и осеней «пятью способами именования», чаще из которых употреблялась так называемая «замена», то есть использование наименования какого-либо явления или предмета в качестве антропонима. Так, в именах широко применяются названия животных и растений, природных явлений. Часто встречаются нижеследующие иероглифы, связанные с естественным миром. Растительность: Мей 梅 «китайская слива», Лань 兰 «орхидея», Чжу 竹 «бамбук», Цзюй 菊 «хризантема», Лин 林 «лес», Сун 松 «сосна» (например, Ли Мей 李梅, Ван Лань王兰, Чэнь Цзюй 陈菊, Ли Сунбо 李松伯). Животные: Фэн 凤 «феникс», Янь 燕 «ласточка», Ин 鹰 «ястреб», Пэн 鹏 «орел», Лун 龙 «дракон», Ху 虎 «тигр», Бао 豹 «леопард» (например, Чжао Фейянь 赵飞燕, Чжао Цзылун 赵子龙, Ли Пэн 李鵬, Ван Хайин 王海鹰). Названия, связанные с ре-Цюй 渠 «канал», Ху 湖 «озеро», Бо 泊 «озеро» (например, Ли Шуанцзян 李双江, Чжоу Сяочуань 周小川, Ван Юйшань 王玉山, Линь Боиюй 林伯渠). Естественные явления: Фэн 风 «ветер», Юй 雨 «дождь», Лэй 雷 «гром», Хун 虹 «радуга», Сюэ 雪 «снег», Жи 日 «солнце», Юэ 月 «луна», Шуан 霜 «иней» (например, Лю Цай*хун* 刘彩虹, Ван *Юй*фэй 王雨菲, Ли Лэй 李雷, Ли Чуньфэн 李淳风, Юй Сяо*сю*э 于晓雪). Четыре сезона: Чунь 春 «весна», Ся 夏 «лето», Цю 秋 «осень», Дун 冬 «зима» (например, Лю Чунь 刘春, Чжэн Шаоцю 郑少 秋, Ван Сяодун 王晓冬, Лин Ся 林夏).

 $^{^{10}\,}$ Сю Шэнь. Толкование иероглифов в тексте. Т. 1. С. 17.

¹¹ Чэнь Тань. Примеры табу в истории. Пекин : Чжунхуа, 2004. С. 1.

Китайские антропонимы выражают традиционную культуру и мировоззрение китайского народа, содержат в себе информацию о разнообразных обычаях и нравах, историческом развитии, чертах общества, тенденциях мышления, семье, статусе и пр. Можно сказать, что культура имени — это один из ценных элементов нематериального культурного наследия. Но в последнее время, ввиду все большего взаимопроникновения культур разных государств всего мира и ускорения темпа развития общества, культура китайских имен заметно пришла в упадок. Та особенность, что в именах содержатся культурные и исторические сведения, в современном мире постепенно исчезает, а функция имени просто как денотативного знака усиливается.

Список использованной литературы

- 1. 陈垣. 史讳举例 [M]. 北京.中华书局, 2004. Чэнь Тань (Chen Tan). Примеры табу в истории [Текст]. Пекин: Чжунхуа (Zhonghua), 2004. 278 с. (на китайском языке).
- 2. 孙希旦. 礼记集解 [M] .北京.中华书局, 1989. Сунь Сидань (Sun Xidan). Толкование «Книги обрядов» [Текст]. Пекин: Чжунхуа (Zhonghua), 1989. 1487 с. (на китайском языке).
- 3. 许慎. 说文解字下 [M]. 南京.凤凰出版社, 2012. Сю Шэнь (Xu Shen). Толкование иероглифов в тексте [Текст]. Наньцзин (Nanjing) : Феникс, 2012. Т. 2. 821 с. (на китайском языке).
- 4. 周德元. 中华姓氏起源与内涵 [M]. 南宁. 广西民族出版, 2010. Чжоу Дэюань (Zhou Deyuan). Происхождение и смысл китайских имен [Текст]. Наньнин (Nanning): Гуансиминцзу (Guangximingzu), 2010. 118 с. (на китайском языке).
- 5. 左丘明.春秋左传 [M]. 沈阳. 辽宁教育出版, 1997. Цзо Цюмин (Zuo Qiuming). Чуньцю Цзочжуань (Chunqiu Zuozhuan) [Текст]. Шэньян (Shenyang) : Ляонин цзяоюй (Liaoning jiaoyu), 1997. 398 с. (на китайском языке).

References

- 1. Chen Tan. Examples of Taboo in History [Text]. Beijing: Zhonghua, 2004. 278 p. (in Chinese).
- 2. Sun Xidan. Interpretation of "The Book of Rituals" [Text]. Beijing: Zhonghua, 1989. 1487 p. (in Chinese).
- 3. Xu Shen. Interpreting Chinese Characters in the Text [Text]. Nanjing : Phoenix, 2012. Vol. 2. 821 p. (in Chinese).
- 4. Zhou Deyuan. The Origin and Meaning of Chinese Names [Text]. Nanning: Guangximingzu, 2010 周德元. 中华姓氏起源与内涵 [M]. 南宁. 广西民族出版, 2010. 118 p. (in Chinese).
- 5. Zuo Qiuming. Chunqiu Zuozhuan [Commentaries on the Chunqiu Chronicles] [Text]. Shenyang: Liaoning jiaoyu, 1997. 398 p. (in Chinese).

УДК: 821.581

Ян Даньчжу, магистр лит. (Чанчуньский ун-т, Чанчунь, КНР)

Образность в современной китайской поэзии (на примере стихотворений поэта конца XX века Хайцзы)

Хайцзы — один из немногих китайских поэтов, кто в 80-е годы XX века писал об извечных общечеловеческих ценностях. Он всю свою жизнь упорно искал высший конечный смысл человеческого существования, облекая его в поэтическую форму, создавая тем самым индивидуальный неповторимый стиль, отличающий стихи Хайцзы от творений других поэтов. В данной статье приводится анализ одного из многочисленных и разнообразных поэтических образов, встречающихся в стихотворениях Хайцзы, а именно образ "远方" «дали», передающий глубинные волнения и душевные переживания скитающегося поэта.

Хайцзы, поэзия, образ, «даль»

Yang Danzhu, M.A. (Philology), Senior Teacher (Changchun University, Changchun, China)

Imagery in Modern Chinese Poetry (exemplified by verses of Haizi, a Late-20th Century Poet)

Haizi is one of the few Chinese poets, who, in the 80s of the 20th century, wrote about universal and eternal human values. All his short life (1964–1989) he kept searching for the ultimate meaning of human life and embodied his quest in a poetic style that was entirely his own, strikingly different from the poetic manner of his fellow-writers. This paper focuses on the analysis of one of the predominant images that occurs in his poetry again and again – the image of 运方 yuǎnfāng: "a remote place, a far-away land". This recurrent image renders the innermost sense of restlessness, nostalgia, hope and frustration – a complex spectrum of conflicting emotions of the ever-wandering poet.

Haizi, poetry, image, yuănfāng, remote place, far-away land

лово «образ» ("意象" yìxiàng) впервые встречается в китайском языке в «Комментариях к Чжоу И»: «мудрец, постигший истину, имеет прямолинейный образ и прямолинейно выражает свои чувства» 2. Теория поэтики заимствовала это утверждение, расширив значение «образа» как «внешнего вида» до конкретного физического объекта, оказывающего на человека эмоциональное воздействие, получив «образ, наполненный чувствами». Древние китайцы всегда считали, что образ — это не только внешний вид конкретного физического объекта, но и вызываемые им душевные переживания. Слово «образ» может использоваться для передачи обоих значений. Иными словами, образ — это «предмет, в который вложены чувства». Поэты имеют свое неповторимое восприятие внешнего мира и обычно выбирают какой-то один конкретный предмет для передачи своих душевных переживаний, придавая ему уникальную эмоциональную окраску и создавая свой индивидуальный художественный мир.

В китайской классической поэзии выбор образов падает обычно на такие природные объекты, как луна, водный поток, цветок хризантемы, лебеди, дикие гуси и т.п. Кроме того, можно встретить и социальные явления, фигуры людей, бытовые сцены, а иногда и целые сюжеты из общественной жизни и исторические факты – и все они наполнены авторским субъективным отношением.

¹ Перевод с китайского языка выполнен Запрудновой Анастасией Алексеевной, специалистом по учебно-методической работе научно-образовательного подразделения «Институт Конфуция» Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

² Теория литературы / под ред. Тун Цинбин. Изд.1-е. Высшее образование, 1992. С. 200.

[©] Ян Даньчжу, 2015

У Ли Бая в стихотворении «Мысли тихой ночью» есть такие строки:

Jǔ tóu wàng míngyuè, dī tóu sī gùxiāng. 举头望明月,低头思故乡。

Гляжу наверх – полный месяц над землей. Опущен взор – тоска по местности родной.

Образ яркой полной луны "明月" передает чувство печали и тоски по родине. Он исполнен любовью к родному дому и семье.

В стихотворении Чжан Жосюй «Река весенней лунной ночью» читаем:

Rénshēng dà dà wúqióng yǐ, jiāngyuè nián nián zhǐ xiāngsì. 人生代代无穷已,江月年年只相似。

Из поколения в поколение бесконечно обрывается человеческая жизнь, Подобно тому, как из года в год исчезает отражение луны в реке.

Отражение луны в реке "江月" передает горькие мысли поэта о том, что в вечном мире человеческая жизнь настолько ничтожна, что перед лицом времени человек оказывается совершенно беспомощным.

Придорожный павильон для отдыха "长亭" представляет собой вид постройки, но под кистью китайских поэтов это место расставания провожающего с отъезжающим наполнялось тоской и горечью разлуки. Лю Юн писал в стихотворении «Бесконечный звон дождя»:

Hánchán qīqiè,duì chángtíng wǎn. 寒蝉凄切,对长亭晚。

Замерзшие цикады в зимней тоске, поздним вечером в придорожном павильоне.

У Ли Шутун в стихотворении «Прощальные проводы» можно найти:

Chángtíng wài, gǔdào biān,fāngcǎo bì lián tiān. 长亭外,古道边,芳草碧连天。

За дверьми придорожного павильона, на обочине, лазурь пряных трав сливается с небом.

Специалист по современной теории литературы и искусства Тун Цинбин считает, что «образ – это изображение, наполненное чувствами и соответствующее эстетическим идеалам людей, целью которого является формулирование философской идеи, а основной характеристикой является символичность или абсурдность» Образ – это реальный физический объект, способный оказывать уникальное субъективное эмоциональное воздействие и обладающий некой художественной формой, это основной художественный символ современной поэзии. Поэты в своих произведениях создают уникальные, самобытные, только им присущие образы, отражающие неповторимое мироощущение своего автора. Также можно сказать, что образ – это проекция вселенной в душе поэта. Образы всегда считались отличительными знаками поэта.

В 80-е годы XX века в Китае появился поэт, который стал писать стихи о собственной судьбе, – Хайцзы. Он облек жизнь в поэтическую форму. У Хайцзы жизнь – это и есть стихи, а стихи – это и есть жизнь.

Хайцзы, настоящее имя которого Чжа Хайшэн, родился в 1964 году в небольшой деревушке в уезде Хуайнин в провинции Аньхой. В 1979 году он поступил на юридический факультет Пекинского университета, по окончании которого остался жить в Пекине и устроился на работу в Китайский университет политики и права. Будучи родом из южной деревеньки, поэт имел глубокую эмоциональную связь с природой – с деревней, с землей, с зерном. «Хайцзы прожил в деревне 15 лет и естественно полагал, что он может писать как минимум 15 лет о деревне» ⁴. Хайцзы был увлечен описанием деревни, из-под его кисти вышли следующие строки:

³ Теория литературы. С. 204.

⁴ Полное собрание стихов Хайцзы. Изд.1-е. Сычуаньское изд. : Дом писателей, 2009. С. 11.

Lúhuā cóng zhōng "芦花丛中

Окутана в пух от семян тростника, Cūnzhuāng shì yì zhī báisè de chuán 村庄是一只白色的船"(《村庄》«1984)

Деревня, как белая лодка. 1984 г. («Деревня»)

Zhēnxī huánhūn de cūnzhuāng,zhēnxī yǔshuǐ de cūnzhuāng "珍惜黄昏的村庄,珍惜雨水的村庄

Деревня, что ценит сумерки, деревня, что ценит дожди, Wànglǐ wú yún rútóng wǒ yǒnghéng de bēishāng 万里无云如同我永恒的悲伤"

Над тобой безоблачное небо, словно моя неизменная печаль. 1986 г. («Деревня»)

> Hépíng yǔ qíngyù de cūnzhuāng "和平与情欲的村庄 Тихая и полная страстей деревня, Shī de cūnzhuāng 诗的村庄

Деревня, что я воспеваю, Cūnzhuāng mǔqin tánhuā yí xiàn 村庄母亲昙花一现

Деревня-матушка, ускользающая, как таинственные цветы канны,

Cūnzhuāng mǔqin měilì juélún 村庄母亲美丽绝伦...

Деревня-матушка несравненной красоты... Cūnzhuāng mǔqin huáizhōng de Pǔxījīn hé wǒ 村庄母亲怀中的普希金和我

У деревни-матушки за пазухой Пушкин и я, Guīnü hé yúqún de shīrén, ānshuì zài yǔdī zhōng 闺女和鱼群的诗人,安睡在雨滴中"。

Поэты, воспевающие прекрасных дев и косяки рыб, чей сон покоен под шум дождя. $02.1987 \, \Gamma$. («Две деревни»)

Однако деревня – это всего лишь место, где поэт родился и вырос, а не его культурное самосознание. Став интеллигентом, работающим и проживающим в крупном городе, Хайцзы по существу уже не был крестьянином.

Zhè chéng li "这城里

В этом городе Yǒu wǒ de yí fèn gōngzī 有我的一份工资

И мне положена доля заработной платы, Yǒu wǒ de ví fèn shuǐ

有我的一份水"(《城里》1985)。

И мне положена доля воды.

1985 г. («В городе»)

В то же время он осознавал, что сам не являлся полноценным жителем столицы:

Zài zhènzi biān de xiǎo cūnzhuāng "在镇子边的小村庄

В деревушке на окраине Пекина Yŏu liăng kē qiūtiān de shìzi shù

有两棵秋天的柿子树

Ecmь два дерева осенней хурмы, Shìzi shù xià 柿子树下

Но не под ними (этими деревьями)

Bú shì wǒ de jiā

不是我的家"(《昌平柿子树》1987.11.2)。

Мой дом.

02.11.1987 г.

(«Чанпинская хурма»)

Этот роскошный город сложно принимал его – дитя деревни – с головы до ног занятого мыслями о земле. В стихотворении «Одиночество в Чанпине» (1986) он писал:

Gūdú shì yì zhī yú kuāng "孤独是一只鱼筐

 Одиночество, как рыбная корзина,

 Shì yú kuāng zhōng de quánshuǐ

 是鱼筐中的泉水

Как вода в рыбной корзине, Fàng zài quánshuǐ zhōng...

在泉水中...

В этой воде

Gūdú bù kě yán shuō 孤独不可言说"

Невыразимое одиночество.

В начале 1989 года Хайцзы вернулся на родину, но эта поездка внесла ощущение пустоты в его душу. Некогда знакомые места сильно изменились:

Yǔshuǐ zhōng chūxiàn le píngyuán shang de màizi 雨水中出现了平原上的麦子

В пелене дождя показалась равнина с пшеницей, Zhè xiē yǔshuǐ zhōng de jǐngsè yǒu xiē mòshēng 这些雨水中的景色有些陌生

Но эти дождливые пейзажи стали какими-то чужими. 22.01.1989 г. («Дальняя дорога»)

Он стал посторонним в собственной деревне! «Возвращение на родину превратилось в "мучение", "сын земли" оказался "чужаком". Невозможно даже представить, какие страдания принес этот резкий контраст чуткому от природы Хайцзы» 5. Он так и скитался между городом и деревней, реальные перемены в которой сделали Хайцзы ее невольным изгнанником, с другой стороны, город тоже не мог принять это «дитя деревни», все существо которого было насквозь пропитано землей.

Такие природные качества поэта, как добродушие, чуткость и ранимость, делают совершенно очевидными те сложности, с которыми Хайцзы адаптировался к столичной жизни. Чувства разочарования и растерянности, вызванные в душе автора столичной жизнью, нашли свое отражение в его стихах, например, в «Скитаниях блудного сына» есть такие строки:

Wǒ běn gāi chéngwéi "我本该成为 Я должен стать Míwù tuì qù de héàn shang 迷雾退去的河岸上 Молодым сельским учителем,

 $^{^5}$ Хуан Цзин, Цзян Фей. Поэзия Хайцзы: мучительные «душевные скитания» // Вестник Аньцин. пед. ун-та (общественные науки). 2004. Вып. 23, № 6. С. 82.

Niánqīng de xiāngcūn jiàoshī 年轻的乡村教师

Что стоит в рассеявшемся тумане на берегу

.....

Dàn wèishénme 但为什么 Ho omчего же Wǒ lái dào le jiǔguǎnr 我来到了酒馆 Я оказался здесь —

Я оказался здесь – Hé chéngshì 和城市

B городском трактире, Wǒ yào huán jiā 我要还家

Пора домой,

Wǒ yào zhuǎn huí gùxiāng,tóu shang chāmǎn xiānhuā 我要转回故乡,头上插满鲜花"

Пора вернуться на родину, с усеянной цветами головой.

Стихотворение «Скитания блудного сына» действительно достойно внимания. Очевидно, что Хайцзы видел в городе всего лишь очередную остановку на своем далеком пути, но никак не конечный пункт назначения. В самом деле, для поэта пределом мечтаний было возвращение после окончания Пекинского университета в горячо любимую родную деревню, где он мог бы вести простой и спокойный образ жизни, посвятив себя преподаванию и поэзии, подобно почитаемому им американскому писателю Г.Д. Торо. Хайцзы не мог найти свое место в Пекине, и потому чувствовал себя очень одиноким и подавленным, нередко прибегая к спиртному, чтобы забыться:

Zài shénme shùlín, nǐ jiǔbēi qīngdào "在什么树林,你酒杯倾倒 *B κακοм лесу упал твой бокал*, Nǐ hé lèi yǐn jiǔ 你和泪饮酒…"。 *Tы пьешь со слезами*.

Хотя в конце стихотворения «Скитания блудного сына» поэт восклицает «Пора домой», он все же не вернулся на родину. Почему же? Просто потому, что не мог. Мало того, что современная деревня стала уже не та, сам Хайцзы был по-юношески тщеславен: он не мог возвратиться домой никчемным, несостоявшимся, он желал вернуться победителем — «с усеянной цветами головой», он хотел, чтобы родная деревня им гордилась. Хотя жизнь в столице оставляла желать лучшего, поэт должен был научиться терпеть, и за это он заплатил высокую цену; далекие дали так и продолжали тихо звать его всю жизнь.

Хайцзы очень любил следующие строки у Лань Бо: "生活在别处" – «Жизнь в другом месте». Можно сказать, что та деревня, в которой Хайцы родился и провел 15 лет, как раз стала для него жизнью в другом месте, однако и Пекин, в который он переехал, тоже был жизнью «в другом месте».

Xiǎng zhuā zhù yuǎnfāng 想抓住远方 Я цепляюсь за те далекие, Shǎnshǎn fā liàng de dōngxi 闪闪发亮的东西

светлые и знакомые вещи. 06.1984 г. («Шанхай»)

В поэзии Хайцзы постоянно появляются «дали» (远方yuǎnfāng). Даль/дали у Хайцзы — это образ домашнего очага, идеальной жизни. По его мнению, только в далеких местах он сможет найти то, что ищет, идеальное место его мечты.

Yuǎnfāng yě kěnéng yǒu piàn zǎolín 远方也可能有片枣林

Возможно, где-то вдали тоже есть финиковая роща,

Shì guānyú qīngchūn de 是关于青春的

Молодая, как весна, Mùqián zhèr méiyǒu 目前汶儿没有"(《栽枣树》)

目前这儿没有"(《栽枣树》)。 Что покинула здешние места.

(«Молодые финики»)

Дали – это образ, который всю жизнь преследовал Хайцзы и передавал его мироощущение: далекие, непостижимые и недостижимые дали.

Yuǎnfāng chúle yáoyuǎn yī wú suǒ yǒu "远方除了遥远一无所有"(《远方》1988.8.19)。 *Дали, нет ничего, кроме дали.*

19.08.1988 г. («Дали»)

Фактически образ «дали» своим существованием доказывает утрату жизненного идеала Хайцзы:

Huángsè de yuèguāng "黄色的月光

Желтый свет луны, Qíguài yòu kōngdàng 奇怪又空荡

Странный и пустой,

Yuǎnfāng jiù shì nǐ yī wú suǒ yǒu de dìfang 远方就是你一无所有的地方"(《龙》)。

Далекий, как место, где тебя нет.

(«Дракон»)

Между его мечтой и реальностью было огромное несоответствие. В 1980-е годы, в связи с курсом на ускоренное экономическое развитие страны, появились новые ценности: на первое место вышло стремление к материальному успеху. Поэтому реальность никак не могла способствовать осуществлению мечты поэта, что и было истинной причиной его страданий и одиночества.

Gèngyuǎn de dìfang,gèngjiā gūdú "更远的地方,更加孤独

Еще больше расстояние, еще больше одиночество,

Yuǎnfāng ɑ,chúle yáoyuǎn,yī wú suǒ yǒu... 远方啊,除了遥远,一无所有...

Дали! Нет ничего, кроме дали...

Yuǎnfāng de xìnfú,shì duōshǎo tòngkǔ

远方的幸福,是多少痛苦"

Далекое счастье, сколько еще страданий 19.08.1988 г. («Дали»)

Осознав, что именно влекло Хайцзы в образе дали, можно понять, что он потерял. Возвращение на родину – неизменная тема его произведений, которая включает в себя также поиски поэтом тепла домашнего очага.

Sháiyǒu shí tiān,wǒ jiù yào jiéshù piāopó de shēngyá "还有十天,我就要结束漂泊的生涯

Еще 10 дней, и я окончу свои скитания,

Huídào wǔ gǔ fēngshèng de cūnzhuāng,fèiqì guǒyuán de cūnzhuāng 回到五谷丰盛的村庄,废弃果园的村庄"(《北斗七星 七座村庄》)。

Вернусь в деревню, богатую зерном, в деревню с заброшенными садами. («Деревня седьмого созвездия Большой Медведицы»)

И хотя попытки найти брешь в современном мире оказались безуспешными, истинное освобождение казалось еще возможным. И Хайцзы устремляет взор в даль, возлагая надежду на будущее, надежду восстановить идеальное государство и отыскать потерянный мир. Пристальный взгляд на «дальние» просторы во всех стихотворениях Хайцзы позволяет сделать вывод о том, что, «в конечном счете, дали представляют собой совокупность всех имеющихся в поэзии Хайцзы смыслов» 6. Однако, если недостаточно внимательно рассмотреть дали, то не удастся услышать их зовущий голос, и тогда поэзия Хайцзы теряет присущее ей очарование. При анализе этого образа автор статьи постарался сохранить и передать чувства и настроение поэта.

В душе Хайцзы постоянно был носителем «элитного сознания» и понимал необходимость спасти культуру. Это общественное идейное течение превратилось в основное литературное направление, возникшее в Китае в середине 1980-х годов. В конце этого периода прорыв в коммерческой сфере вытеснил литературу на периферию, меркантилизм и массовая культура уничтожили идеализм и героизм, дух гуманизма оказался под угрозой разложения. Будучи лидером, который стойко придерживался своих принципов и убеждений, Хайцзы превратился в храбреца, одиноко несущегося вперед в темноте. Его собственное поведение внезапно перестало соответствовать требованиям современности. Глубокие душевные переживания поэта оказались сильнее, чем боевые возгласы, что еще больше усилило его печаль и нерешительность. Однако обстоятельства и чувство долга обязывали его идти до конца и не оглядываться назад. В конце концов, в желанной дали еще оставалась надежда, а это лучше, чем царящая вокруг бескрайняя темнота и немая потеря.

Dàxuě yìzhí fēnfēn yángyáng 大雪一直纷纷扬扬

Снежные хлопья беспорядочно кружатся, Yuǎnfāng jiù shì zhèyàng de, jiù shì wǒ zhànlì de dìfang 远方就是这样的,就是我站立的地方

Как вдали, там, где я стою.

07.01.1989 г.

(«Дальняя дорога»)

В стихах, где Хайцзы описывает «дали», он наделяет этот образ такими качествами – белоснежные, таинственные, широкие, свободные; создавая тем самым сильный контраст между воспеваемым им образом и беспокойным миром.

Wǒ de dēng hé jiǔtán shang luò mǎn huīchén "我的灯和酒坛上落满灰尘

Mou лампа и винный кувшин покрылись пылью, Ér yáoyuǎn de lǚchéng què gān gān jìng jìng 而遥远的路程上却干干净净"(《遥远的路程》1989.1.7)。

Но чиста дальняя дорога.

07.01.1989 г.

(«Дальняя дорога»)

Образ дали передает читателям необычайную притягательность, заставляя людей один за другим отправляться в «дальнюю дорогу».

Qiāo xiǎng,qiāo xiǎng "敲响,敲响

Тук-тук,

Xīn zài zuì yuǎn de dìfang chénshuì 心在最远的地方沉睡"(《民间艺人》1984.11)。

Крепко спит сердце в самой дали.

11.1984 г.

(«Народный ремесленник»)

Использование поэтом такого насыщенного колорита в описании дали объясняется его личным восприятием этого образа. Для Хайцзы дали – это жизненная опора поэта, его душевное пристанище; его душа принимает поэтический облик этого образа. Сам Хайцзы признавал:

Wǒ yào zuò yuǎnfāng de zhōngchén de érzi "我要做远方的忠诚的儿子"

 $^{^6\,}$ Ян Сыпин. Акценты у Хайцзы // Вестник Фулин. пед. колледжа. 2001. Вып. 17, № 1. С. 19.

Я должен стать верным сыном дальних мест. («Родина, или сон о лошади»)

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что образ дали в стихотворениях известного современного китайского поэта Хайцзы объединяет в себе все встречающиеся в его поэзии смыслы. Если недостаточно внимательно рассматривать данный образ, то не удастся услышать зовущий голос дали, и тогда поэзия Хайцзы теряет присущее ей очарование. Автор высоко держит пламя жизни в своих одиноких скитаниях по темной земле. «Пылкие строки отражают неукротимый идеалистический дух, а усилия противостоять массовой культуре потребления (по тяжести и тщетности напоминающие сизифов труд) точно изображают миропонимание Хайцзы» 7. Поэт упорно искал свои «дали». В душе он считал, что жизнь — это соединение истории и культуры, которое наполнено человеческими природными качествами и духом, в поэтическом смысле оно существует в дали, обращая свой постоянный зов к человеку.

Хайцзы при помощи своих стихов и личным примером предпринял последнюю отчаянную попытку защитить духовный очаг человечества, после чего пустился в путь, в далекие края. В действительности столь желанные далекие места оказались по-прежнему далекими, и Хайцзы был вынужден непрерывно скитаться. На этом жизненном пути он так и не смог смириться с мрачными переменами в некогда родных краях и принять новую современность ⁸.

Список использованной литературы

- 1. 黄晶,江飞.《海子诗歌:痛苦的"心灵历险"》. 安庆师范学院学报(社会科学. 2004年11月第23卷第 6 期. Р. 82–85. Хуан Цзин. Поэзия Хайцзы: мучительные «душевные скитания» [Текст] / Хуан Цзин, Цзян Фей // Вестник Аньцинского педагогического университета (общественные науки). 2004. Вып. 23, № 6. С. 82–85.
- 2. 童庆炳主编.《文学理论教程》. 高等教育出版社. 1992年3月第1版. 共334页. Теория литературы [Текст] / под ред. Тун Цинбин. Изд. 1-е. Высшее образование, 1992. 334 с.
- 3. 王平.《论海子诗歌的生命意象》.西北农林科技大学学报(社会科学版)2003年11月第3卷第6期. Р. 146—149. Ван Пин. Образы жизни и судьбы в поэзии Хайцзы [Текст] // Вестник сев.-зап. науч.-техн. с.-х. и лесоводч. ун-та (общественные науки). — 2003. — Вып. 3, № 6. — С. 146—149.
- 4. 西川编.《海子诗全编》.作家出版社. 2009年3月第1版.共1171页. Полное собрание стихов Хайцзы [Текст]. Изд. 1-е. Сычуан. изд. : Дом писателей, 2009. 1171 с.
- 5. 杨四平.《重读海子》.涪陵师专学报.2001年1月第17卷第1期. Р. 17–23. Ян Сыпин. Акценты у Хайцзы [Текст] // Вестник Фулин. пед. колледжа. 2001. Вып. 17, № 1. С. 17–23.

References

- 1. Huang Jing. The Poetry of Haizi: The Painful "Wandering of the Soul" [Text] / Huang Jing, Jiang Fei // The Herald of Anqing Pedagogical University (social studies). 2004. Issue 23, № 6. P. 82–85 (in Chinese).
- 2. The Theory of Literature [Text] / Edited by Tong Qingbing. First edition. Gāoděng Jiàoyù Publishing House, 1992. 334 p. (in Chinese).
- 3. Wang Ping. The Images of Life and Fate in the Poetry of Hai Zi [Text] // The Herald of Northeastern University of Technology, Agriculture and Forestry (social studies). 2003. Issue 3, № 6. P. 146–149 (in Chinese).
- 4. The Poetry of Hai Zi: A Complete Collection [Text]. First Edition. Sìchuān : Zuòjiā Publishing House, 2009. 1171 p. (in Chinese).
- 5. Yang Siping. The Accents in the Poems of Hai Zi // The Herald of Fulin Pedagogical College. -2001. Issue 17, $Noldsymbol{0}$ 1. P. 17–23 (in Chinese).

 $^{^{7}}$ Ван Пин. Образы жизни и судьбы в поэзии Хайцзы // Вестник сев.-зап. науч.-техн. с.-х. и лесоводч. ун-та (общественные науки). 2003. Вып. 3, № 6. С. 147.

⁸ В 1989 году двадцатипятилетний поэт покончил с собой. – *Примеч. ред.*

Сведения об авторах

Ван Цзиньлин – доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков Чанчуньского университета. Почтовый адрес: Китай, провинция Цзилинь, 130028, г. Чанчунь, ул. Вейсинлу, д. 6543. Электронный адрес: elizaveta@163.com

Воробьёва Ольга Ивановна — доктор филологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Северного государственного медицинского университета. Почтовый адрес: 163000, Россия, г. Архангельск, пр. Ломоносова, д. 214, к. 1, кв. 10. Тел.: +911 580-03-00. Электронный адрес: vorobyova24@rambler.ru

Журавлёва Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного Северного государственного медицинского университета. Почтовый адрес (раб.): 163060, г. Архангельск, Троицкий пр., д. 51, каб. 1506. Тел.: 8 818 221-12-58. Электронный адрес: s83s1962@mail.ru

Золян Сурен Тигранович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Национальной академии Республики Армения (Ереван), член Комитета экспертов Европейской хартии региональных языков. Электронный адрес: Surenzolyan@gmail.com

Казяба Виктория Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и германского языкознания Гуманитарного института Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Почтовый адрес: 164500, Россия, Архангельская обл., г. Северодвинск, ул. К. Маркса, д. 36. Тел.: 8 981 560-81-42. Электронный адрес: v.kazyaba@narfu.ru

Калюжнова Марина Владимировна — доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета. Почтовый адрес: 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28. Тел. (раб.): (383) 244-19-92. Электронный адрес: mkalyuzhnova@gmail.com

Комова Татьяна Андреевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Почтовый адрес: 119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет, кафедра английского языкознания. Электронный адрес: prof-komova@yandex.ru

Литвин Феликс Абрамович – доктор филологических наук, профессор, кафедра английской филологии Орловского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Почтовый адрес: 302028, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 42, кв. 20. Тел. (раб.): (8-4862) 75-29-93, (дом.) (8-4862) 45-34-58. Электронный адрес: Ifa@bk.ru

Погинова Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры германских языков и методики их преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): (4912) 21-57-23. Электронный адрес: e.loginova@rsu.edu.ru

Ма Лицзе — магистр управленческих наук, старший преподаватель Института международного образования Чанчуньского университета. Почтовый адрес: КНР, провинция Цзилинь, 130022, г. Чанчунь, ул. Вейсинлу, д. 6543. Электронный адрес: 937961480@qq.com, mali@ccu.edu.cn

Марьяновская Елена Леонидовна — кандидат педагогических наук, директор Института иностранных языков, доцент и заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, директор НОП «Институт Конфуция» Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): 8 (4912) 21-57-23. Электронный адрес: e.maryanovskaya@rsu.edu.ru

Потапова Светлана Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, директор Центра немецкого языка — партнера Гёте-Института. Почтовый адрес: г. Ярославль, ул. Советская, д. 80, здание академии МУБиНТ, оф. 413. Электронный адрес: potapova@mubint.ru

Робертус Майя — кандидат филологических наук, директор языкового центра "Wall Street English", г. Эссен (Германия). Электронный адрес: m.robertus@wallstreetenglish.de

Себрюк Анна Набиевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных дисциплин Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Почтовый адрес: 109263, г. Москва, ул. Малышева, д. 19, кв. 97. Тел.: 8 926 591-60-91. Электронный адрес: sebryuk.anna@gmail.com

Уланова Светлана Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Рязанского института (филиала) Университета машиностроения. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Право-Лыбедская, 26/53. Электронный адрес: svetlana.ulanova@yahoo.com

Шипова Ирина Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка Московского педагогического государственного университета. Почтовый адрес: 127254, г. Москва, ул. Гончарова, д. 6, кв. 21. Тел.: 8 916 857-12-86. Электронный адрес: schipowa@mail.ru

Ян Даньчжу – магистр филологических наук, старший преподаватель Института международного образования Чанчуньского университета. Почтовый адрес: КНР, провинция Цзилинь, 130022, г. Чанчунь, ул. Вейсинлу, д. 6543. Электронный адрес: 3073607@qq.com

List of Authors

Kalyuzhnova, Marina – Associate Professor of the Dpt. of Theory and History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University. Postal address: 28, Vilyuiskaya St., 630126, Novosibirsk, Russia. Tel. (office): (383) 244-19-92. E-mail: mkalyuzhnova@gmail.com

Kazyaba, Victoria – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of General and Germanic Linguistics, Institute of Humanities, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. Postal address: 36 Karl Marx St., Severodvinsk 164500, Arkhangelsk Region, Russia. Tel.: 8 981 560-81-42. E-mail: v.kazyaba@narfu.ru

Komova, Tatiana – Ph.D., Doctor of Philology, Professor, Dpt. of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. Postal address: the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, 1-st campus of humanitarian faculties, Lenin Hills, MSU, GSP-1, Moscow, 119991. E-mail: prof-komova@yandex.ru

Litvin, Felix – Ph.D., Doctor of Philology, Merited Scholar of the Russian Federation, Professor, English Philology Dpt., Orel State University. Postal address: 42 Octyabrskaya St., fl at 20, 302028, Orel, Russia. Office tel.: 8 (4862) 75-29-93. E-mail: lfa@bk.ru

Loginova, Elena – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, Dpt. of Germanic Languages and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., 390000, Ryazan, Russia. Office tel.: (4912) 21-57-23. E-mail: e.loginova@rsu.edu.ru

Ma Lijie – M.Soc.Sc. (Business Administration), Senior Lecturer, Institute of International Education, Changchun University. Postal address: 6543 Weixing Road, Changchun, 130022, Jiling Province, China. E-mail: 937961480@qq.com, mali@ccu.edu.cn

Maryanovskaya, Elena – Ph.D. (Language Teaching Methodology), Director of the Institute of Foreign Languages, Associate professor and Head of the Dpt. of Linguistics and Intercultural Communication, Director of Confucius Institute at Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46, Svobody St., 390000, Ryazan, Russia. Office tel.: (4912) 21-57-23. E-mail: e.maryanovskaya@rsu.edu.ru

Potapova, Svetlana – Prof., Ph.D., Dr. habil. (Philology), German-Center (Partner of Goethe-Institute), Center Director. Postal address: 80, Sovetskaya St., office 413. Yaroslavl (Russia). E-mail: potapova@mubint.ru

Robertus, Maja – Ph.D. (Philology), Director of Linguistic Center "Wall Street English GmbH", Essen (Germany). E-mail: m.robertus@wallstreetenglish.de

Sebryuk, Anna – Ph.D. (Philology), Senior Lecturer, Dpt. of English for the Humanities, Research University "Higher School of Economics". Postal address: 19, Malyshev St., fl. 97, 109263, Moscow, Russia. Tel.: 8 926 591-60-91. E-mail: sebryuk.anna@gmail.com

Shipova, Irina – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Professor of the Dpt. of German, Moscow Pedagogical State University. Postal address: 6, Goncharova St., fl. 21, Moscow, 127254, Russia. Tel.: 8 916 857-12-86. E-mail: schipowa@mail. ru

Ulanova, Svetlana – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Dpt. of Humanities, Ryazan Institute (branch) of University of Mechanical Engineering: 26/53, Pravo-Lybedskaya str., Ryazan, Russia, 390000. E-mail: svetlana.ulanova@yahoo.com

Vorobyova, Olga – Ph.D. (Doctor of Philology), Merited Educator of the Russian Federation, Head of Dpt. of Russian as a Foreign Language, Northern State Medical University (Arkhangelsk). Postal address: 214, Lomonosov Av., building 1, fl.10, Arkhangelsk, 163000, Russia. Tel.: +911 580-03-00. E-mail: vorobyova24@rambler.ru

Wang Jinling – Ph.D., Post Doctor (Philology), Professor, Director of Foreign Languages College, Changchun University, China. Postal address: 6543, Weixing Road, Changchun City, Jilin Province, China. Postal code: 130022, Office tel.: (86) 04318 525-02-37. E-mail: elizaveta@163.com

Yang Danzhu – M.A. (Philology), Senior Teacher, Institute of International Education, Changchun University. Postal address: 6543 Weixinglu Road, Changchun, 130022, Jiling Province, China. E-mail: 3073607@qq.com

Zhuravleva, Elena – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Dpt. of Russian as a Foreign Language, Northern State Medical University. Tel.: 8 818 221-12-58. Postal address: 51, Troitsky Av., office 1506. Arkhangelsk, 163060, Russia. E-mail: s83s1962@mail.ru

Zolyan, Suren – Ph.D., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law, National Academy of Armenian Republic, member of the Committee of Experts of European Charter of Regional Languages. E-mail: Surenzolyan@gmail.com

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами

(The Requirements for publication are also available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/)

Учредитель – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года. С 2009 года его периодичность – один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 23 ноября 2012 года. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-51731.

Подписной индекс журнала – № 36852 в каталоге «Роспечать».

Журналу присвоен международный индекс ISSN 2072-7607.

С 01.12.2015 года журнал входит в перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

В журнале «Иностранные языки в высшей школе» представлены рубрики, посвященные филологии и лингвистике, теории и практике перевода, методике преподавания иностранных языков и теоретических дисциплин в вузе.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках: немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций

- 1. Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала. Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.
- 2. Редакционный совет журнала принимает статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, со-искатели.
- 3. К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями.
- 4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.
- 5. Стоимость одной страницы публикации (шрифт 14 Times New Roman, 1,5 интервала) в 2016 году составляет 400 рублей. Для очных аспирантов публикация бесплатна.
- 6. Основанием для включения статьи в состав журнала «Иностранные языки в высшей школе» является получение положительной рецензии на статью от признанных ученых в данной области научных знаний.
- 7. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии и копия рецензии направляются автору.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

N_{Ω}	Индекс	Название специальностей	Науки
1.	13.00.02	Теория и методика обучения и воспитания	Педагогические
2.	10.02.20	Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	Филологические
3.	10.02.19	Теория языка	Филологические
4.	10.02.04	Германские языки	Филологические
5.	10.02.05	Романские языки	Филологические

6.	10.02.22	Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)	Филологические
7.	10.01.08	Теория литературы. Текстология	Филологические
8.	10.01.03	Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)	Филологические
9.	10.02.01	Русский язык *	Филологические
10.	10.02.21	Прикладная и математическая лингвистика	Филологические

^{*} Русский язык рассматривается как иностранный. Имеется в виду филологический анализ как предпосылка для сопоставительного исследования или для целей методики преподавания русского языка как иностранного.

Требования к оформлению статей

Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@rsu.edu.ru (с копией по адресам e.ustinova.rsu@gmail.com и ya.kolker@rsu.edu.ru). Отзыв научного руководителя (для аспирантов и со-искателей) присылается по почтовому адресу: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.

Средний рекомендуемый объем статьи -0.5 п. л. (что соответствует 12 страницам текста в 1.5 интервала при шрифте 14 Times New Roman), но допустима и меньшая, и большая длина с учетом информативности текста. Редакционный совет оставляет за собой право делать сокращения в статье (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

Статья сопровождается аннотацией (150–180 слов) и списком ключевых слов на русском языке, а также заголовком, аннотацией (200–250 слов) и списком ключевых слов на английском языке. В аннотации должна быть представлена проблема, научная новизна исследования, суть авторского видения проблемы, методика исследования, основные положения, выдвигаемые автором.

Ссылки в тексте оформляются в виде сносок под страницей (выполненных автоматически), со сплошной, то есть продолжающейся нумерацией. Маркер сноски – арабская цифра. Алгоритм: встав-ка – ссылка – сноска – продолжить – применить ко всему документу – вставить.

Список использованной литературы дается в алфавитном порядке, начиная с русскоязычных работ. Прилагается также **перевод списка использованной литературы на английский язык**. Помимо перевода, в нем транслитерируется название книги (монографии, журнала, сборника).

Шрифт – Times New Roman, кегль 14 (кегль подстрочной сноски 10, Times New Roman). Не допускаются ручные переносы.

Указывается развернутый шифр УДК статьи.

Сведения об авторах

- фамилия, имя, отчество автора (полностью, буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- ученая степень, звание, должность и место работы (с точным названием кафедры и вуза);
- информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);
- отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- приблизительное количество научных публикаций: книг, монографий, учебно-методических пособий, статей;
- адрес с почтовым индексом, все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (служебный, домашний, мобильный телефоны, факс, e-mail) (отдельно уточните, какой адрес и телефон можно публиковать, а какой дается только для связи и отсылки авторского экземпляра);
 - название и шифр специальности (предполагаемой) защиты;
 - основные направления научных исследований.

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым косвенно выражает согласие с ее размещением на сайте РГУ имени С.А. Есенина, а также в Российской электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа через шесть месяцев после публикации статьи и размещения метаданных в НЭБ.

Электронные адреса и контактный телефон

 $\underline{e.ustinova@rsu.edu.ru}; \underline{fljournal@rsu.edu.ru}$

Тел.: (4912) 21-57-23

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал Выпуск 4 (35)

Главный редактор

Колкер Яков Моисеевич

Редакторы иностранного текста:

Е.С. Устинова (английский язык) Е.В. Игнатова (немецкий язык) Ван Цзиньлин (китайский язык) А.С. Шмунер (японский язык)

Редактор Н.В. Смурова Технический редактор В.М. Орехов Ответственный за выпуск И.В. Пресняков

Подписано в печать 20.11.2015. Поз. № 44 Бумага офсетная. Формат 60×84/8. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 15,7. Тираж 350 экз. Заказ № 2200. Дата выхода в свет 15.12.2015. Цена договорная

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина» 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46

Отпечатано ООО «Издательство "Артикль"» 390010, г. Рязань, проезд Шабулина, д. 8 Тел.: (4912) 36-34-68